

Афины, их взлет и падение, книга II

Барон Эдвард Булвер Литтон Литтон

Athens: Its Rise and Fall, Book II

Baron Edward Bulwer Lytton Lytton

The Project Gutenberg eBook of Athens: Its Rise and Fall, Book II

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Athens: Its Rise and Fall, Book II

Автор: Барон Эдвард Бульвер Литтон Литтон

Дата выхода: 20 октября 2006 [eBook #6152]

Последнее обновление: 29 декабря 2020 г.

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ATHENS: ITS RISE AND FALL, BOOK II ***

КНИГА II.

ОТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЛОНА ДО БИТВЫ ПРИ МАРАФОНЕ, 594-490 ГГ. ДО Н. Э.

ГЛАВА I.

Заговор Килона.- Потеря Саламины.- Первое появление Солон.- Успех мегарцев в борьбе за Саламину.- Киррейская война.- Эпименид.- Политическое состояние Афин.- Характер Солон.- Его законодательство.- Общий взгляд на афинскую конституцию.

I. Первый симптом политического кризиса в Афинах (621 г. до н. э.), который, как и в других греческих государствах, ознаменовал переход власти от олигархической к народной партии, можно обнаружить в законах Драко. Излишняя суровость законодательной власти - обычное доказательство всеобщего недовольства: ее успех редко бывает достаточно продолжительным, чтобы утвердить правительство, а ее неудача, когда в ней признаются, неизменно укрепляет народ. Едва эти законы были приняты (620 г. до н. э.), как против царствующей олигархии разразился грозный заговор [195]. Именно во время правления Мегакла (отпрыска великого рода Алкмеонов, который мог похвастаться своим происхождением от Нестора) аристократия оказалась под угрозой из-за честолюбия одного из аристократов.

Родом из древнего и могущественного дома, обладавший значительным богатством, афинянин Килон задумал захватить цитадель и стать хозяином государства. Он женился на дочери Феагена, тирана Мегары, и за несколько лет до этого возвысился в народе благодаря победе на Олимпийских играх (640 г. до н. э.). Предполагается, что дельфийский оракул вдохновил его на этот замысел; но не менее вероятно, что к оракулу обратились уже после того, как он был задуман. Божественный голос возвестил, что Килон должен занять цитадель в величайший праздник Юпитера. Однако по событиям не видно, что он выбрал подходящий случай. Воспользовавшись олимпийским годом, когда многие горожане уехали на игры, и получив помощь с войсками от своего тестя, он захватил цитадель. Как бы он ни надеялся на народную поддержку - а есть основания полагать, что он в какой-то мере рассчитывал на

нее, - время было явно неподходящим для потрясений, а попытка была неумело спланирована. Афиняне под командованием Мегакла и других архонтов подняли тревогу и общим строем блокировали цитадель. Но они устали от долгой осады, многие из них отступили, и борьба была оставлена на усмотрение архонтов, которые имели полное право действовать по своему усмотрению. Так безропотно защищает свободу государства народ, который еще не обрел свободу для себя!

II. Заговорщикам не хватало пищи и воды. Сайлону и его брату удалось спастись. Из его приверженцев некоторые погибли от голода, другие прибились к алтарям в цитадели, требуя, как сторонники, права на святилище. Стражники магистрата, видя, что сторонники вот-вот умрут от истощения, отвели их от алтаря и предали смерти. Но некоторые из них не были так щепетильны - их убивали вокруг алтарей фурий. Ужас, вызванный столь жестоким святотатством, может быть легко понят теми, кто помнит гуманное и благоговейное суеверие греков: равнодушие народа к состязанию сразу же сменилось презрением к победителям. Заговор, доселе бессильный, сразу же обрел силу благодаря обстоятельствам поражения. Мегакл, весь его дом, все, кто содействовал нечестию, были заклеены эпитетом "достоинные порицания". Фракция, или друзья Кайлона, стала популярной благодаря одиозности своих врагов - город был отвлечен гражданскими волнениями и суеверными опасениями божественного гнева, и, как излишества одной партии стали пищей для другой, так и отвращение к святотатству стерло воспоминания об измене.

III. Мелкое государство Мегара, которое с ранних веков, будучи зависимым от Афин, выросло до достоинства соперницы, воспользовавшись внутренними раздорами в последнем городе, сумело вырвать у афинского правительства остров Саламин. Однако не без ожесточенной и неоднократной борьбы Афины, наконец, согласились на сдачу острова. Но после тяжелых потерь и поражений, а ведь ничто так не одиозно для народа, как неудачная война, народные чувства были таковы, что побудили правительство принять указ, запрещающий под страхом смерти предлагать подтвердить афинские претензии. Но закон, явно порожденный сиюминутной страстью отвращения или отчаяния и с неохотой принятый правительством, чье поведение он молчаливо осуждал, а военную гордость уязвлял, вряд ли мог надолго связать по рукам и ногам доблестную аристократию и восприимчивый народ. Многие из младшей части общества, тоскуя по бесчестию своей страны и стремясь к предприимчивости, тайне были склонны поддержать любую уловку, которая могла бы побудить к отмене указа.

В это время по городу пронесся слух, что некий человек знатного происхождения, косвенно происходящий от последнего из афинских царей, постигло осязающее несчастье - безумие. Внезапно этот человек появился на рыночной площади, на нем был особый знак, отличающий больных [196]. Его друзья, несомненно, были хорошо подготовлены к его появлению - вокруг него собралась толпа, одни из которых были настроены благосклонно, а других привлекало любопытство, - и, поднявшись на камень, с которого глашатаи произносили свои провозглашения, он начал вслух читать поэму о потере Саламины, смело обличая трусость народа и вновь побуждая его к войне. Предполагаемое сумасшествие защищало его от закона: его звание, репутация и то обстоятельство, что он сам был уроженцем Саламиса, сговорились придать его увещаниям мощный эффект, а друзья, которых он заручился поддержкой, громко заявили о своем одобрении духа обращения. Притворного безумца звали Солон, сын Экзестиды, потомок Кодра.

Плутарх (вслед за г-ном Милфордом, г-ном Тирлуоллом и другими современными историками) сообщает нам, что прославленный Писистрат затем продолжил увещевать

собрание и выступать за возобновление войны - рассказ, который допускает небольшое возражение, что Писистрат в то время еще не родился! [197]

IV. Уловки и красноречие Солона произвели естественный эффект на его пылкую и возбужденную аудиторию, и общественный энтузиазм позволил олигархическому правительству предложить и осуществить отмену закона [198]. Было принято решение и спланирована экспедиция, командование которой было возложено на Солона. Это была лишь короткая борьба за возвращение маленького острова Саламис: с одной галерой на тридцать весел и несколькими рыболовными судами Солон отправился в Саламис, взял судно, посланное мегарянами на разведку, укомплектовал его своими солдатами, которым приказал вернуться в город с такой осторожностью, чтобы мегаряне не обнаружили обмена врагов на друзей; затем с остальными силами он вступил в бой с врагом на суше, а те, кто был на корабле, захватили город. В соответствии с этой версией кампании (которую я предпочел другой, записанной Плутархом), афинский корабль раз в год бесшумно подплывал к Саламину - жители с криками бросались вниз, чтобы встретить его; вооруженный человек спрыгивал на берег и с криками бежал к Сцирадийскому мысу, возле которого долгое время существовал храм, воздвигнутый и посвященный Марсу Солоном.

Но храбрые и решительные мегаряне не были людьми, которых можно было бы обескуражить одним поражением; они продолжали борьбу - потери несли обе стороны, и в конце концов оба государства согласились передать свои претензии на суверенитет острова на решение спартанских арбитров. И это обращение от оружия к арбитражу является доказательством того, насколько сильно распространился по всей Греции тот дух цивилизации, который является продолжением чувства справедливости. Обе стороны пытались обосновать свои претензии на древних и традиционных правах. Говорят, что Солон поддержал требование своих соотечественников цитатой, которая, как утверждается, была ложно вставлена из гомеровского каталога кораблей и, по-видимому, подразумевала древнюю связь Саламины и Афин (199); И независимо от того, было ли это сделано на самом деле, сама традиция, что это было сделано, почти за полвека до первой узурпации Писистрата, является доказательством огромного авторитета Гомера в ту эпоху, и того, насколько сильно преувеличены и искажены услуги, оказанные Писистратом, много лет спустя, гомеровским поэмам. Способ захоронения в Саламине, согласующийся с обычаем афинян и противоречащий обычаю мегарян, и ссылка на некоторые дельфийские оракулы, в которых остров назывался "ионийским", также были приведены в поддержку афинских претензий. Третьей суд, вынесенный в пользу Афин, лишь приостановил военные действия, а мегаряне не переставали ждать (и вскоре нашли) подходящего случая, чтобы вернуть себе столь заманчивое для их честолюбия поселение.

V. Кредит, приобретенный Солоном в этой экспедиции, вскоре после этого значительно вырос в оценке Греции. В Коринфском заливе находился город Кирра, населенный свирепыми и незаконными людьми, которые, опустошив священные территории Дельф, кощунственно осадили сам город, желая завладеть сокровищами, накопленными благочестивой Грецией в храме Аполлона. Солон явился на Амфикиционный совет, рассказал о святотатстве киррхайцев и убедил греков вооружиться для защиты алтарей своего бога-покровителя. Клисфен, тиран Сикиона, был послан главнокомандующим против кирраев (595 г. до н. э.), а (согласно Плутарху) записи в Дельфах сообщают нам, что Алкмеон был лидером афинян. Война с самого начала была не очень успешной; обратились к оракулу Аполлона, и ответ стал одним из самых забавных анекдотов о жречестве. Осаждающим бог сообщил, что город не будет сдан до тех пор, пока волны Киррхайского моря не омоют территории Дельф. Ответ привел армию в недоумение, но проникательный Солон не

замедлил догадаться, что святое намерение оракула - присвоить земли цирфейцев в пользу храма. Поэтому он посоветовал осаждающим напасть на Цирру, завоевать ее и посвятить всю ее территорию служению богу. Совет был принят - Цирра была взята (586 г. до н. э.); отныне она стала арсеналом Дельф, а оскорбленное божество получило удовлетворение от того, что священные земли омываются волнами Циррейского моря. Подобное прорицание, возможно, было более действенным, чем меч Клистена, для предотвращения будущих нападений на божественный город! Пифийские игры начались или были возрождены в честь этой победы пифийского бога.

VI. Тем временем в Афинах - спокойствие государства все еще нарушала смертельная вражда между партией Килона и приверженцами Алкмеонидов - время только разжигало желание мести у одного и усиливало нерасположенность к справедливости у другого. Однако, к счастью, дела государства находились в том кризисе, который всегда благоприятен для власти отдельного человека. Во всех конституциях бывают периоды, когда среди эксцессов фракций каждый охотно подчиняется арбитру. Обладая гением, который мог бы сделать его разрушителем свобод своей страны, Солон имел добродетель, чтобы считать себя их спасителем. Он убедил семьи, заклеянные преступлением святотатства и эпитетом "омерзительные", подчиниться формам суда; им было предъявлено обвинение, их судили и приговорили к изгнанию; тела тех, кого смерть уже призвала к более суровому суду, были выкопаны и вывезены за пределы Аттики. Тем не менее, суеверия народа не утихали. В воздухе наблюдались странные явления, а авгуры объявили, что внутренности жертв означают, что боги еще требуют более полного искупления национального преступления.

В это время на Крите жил один из тех выдающихся людей, характерных для ранних веков мира, которые стремились соединить с почестями мудреца таинственную репутацию мага. Эпименид, причисленный некоторыми к семи мудрецам, почитался во всей Греции как человек, которого одушевлял и вдохновлял небесный гений. Преданный поэзии, этот хитрый самозванец перенес ее прерогативы вымысла в реальную жизнь; и когда он заявил в одном из своих стихов, процитированных святым Павлом в Послании к Титу, что "критяне были большими лжецами", у нас нет причин освобождать почтенного обвинителя от его собственного непатриотичного упрека. Среди различных легенд, связанных с его памятью, есть предание, которое имеет много общего как с северными, так и с восточными преданиями: говорят, что он проспал сорок семь [200] лет в пещере, а когда очнулся от этого умеренного отдыха, то был не без основания удивлен, обнаружив, что черты страны совершенно изменились. Вернувшись в Кносс, гражданином которого он был, он повсюду видит незнакомые лица. У дверей отца его спрашивают о делах, и наконец, с большим трудом, ему удается узнать своего младшего брата, которого он оставил мальчиком, а теперь узнал в старом дряхлом человеке. "Эта история, - говорит один из философских биографов, очень серьезно, - произвела значительную сенсацию" - утверждение, не подлежащее сомнению; но те, кто был настроен более скептически, полагали, что Эпименид провел годы своего мнимого сна в путешествиях по чужим странам и таким образом приобрел у людей те интеллектуальные приобретения, которые он более благочестиво относил к особому вдохновению богов. Эпименид не побрезговал сохранить таинственную репутацию, которую он приобрел благодаря этой истории, с помощью не менее дерзких басен. Он пытался убедить людей, что он - Эак и что он часто посещает землю: его якобы кормили нимфы - его никогда не видели едящим на публике - он взял на себя атрибуты пророчества и, умирая в глубокой старости, почитался критянами как бог.

Помимо прочих духовных прерогатив, этот обличитель "лжецов" мог похвастаться силой экзорцизма; он первым ввел в Греции обычай очищать общественные места и частные

жилища и считался особенно успешным в изгнании зловещих фантомов, которые так вредили спокойствию жителей Афин. Именно такой человек был рожден для того, чтобы развеять страхи афинян и совершить то, что предписывали пыхтящие внутренности священных жертв. Поэтому (незадолго до Киррской войны, 596 г. до н. э.) был снаряжен корабль, на котором афинянин по имени Никиас был отправлен на Крит с поручением привезти обратно очищающего философа со всем тем почтением, которого требовала его известность. Эпименид выполнил мольбу афинян, прибыл в Афины и совершил необходимое искупление в несколько простой для столь выдающегося экзорциста манере. Он приказал выпустить на волю несколько овец, черных и белых, в Ареопаге, велел следить за ними и, где бы они ни легли, приносить жертву в честь одного из богов. "Поэтому, - говорит историк философов, - до сих пор в Афинах можно увидеть безымянные алтари (то есть алтари, не приписанные какому-либо богу) - память об этом умиловании".

Приказ был выполнен, жертва принесена, и фантомы больше не появлялись. Несмотря на то что Эпименид был самозванцем, он был человеком проницательным и гениальным. Он сдерживал избыток похоронных причитаний, которые часто приводили к несвоевременным перерывам в делах и вызывали ложные представления о морали; а взамен приучал афинян к регулярным молитвам и богослужениям, которые всегда регулируют и систематизируют характер народа. Он установил самую тесную близость с Солоном, и многие из последующих афинских законов, по словам Плутарха, были подсказаны мудростью кносского мудреца. Когда наступило время отъезда Эпименида, афиняне хотели подарить ему талант в награду за его заслуги, но философ отказался от этого предложения; он призвал афинян к прочному союзу со своими соотечественниками; не принял иного вознаграждения, кроме ветви священной оливы, украшавшей цитадель и считавшейся первозданным даром Минервы, и вернулся в родной город, доказав, что в те времена человек мог быть самозванцем, не ища иной награды, кроме безвозмездного почета профессии.

VII. С отъездом Эпименида его заклинания, по-видимому, прекратились; возникли новые споры и новые группировки; не имея других преступлений, за которые можно было бы оправдаться, афиняне единодушно обрушились на правительство. Три партии - горцы, низы и прибрежники, каждая из которых отстаивала свою форму конституции, отвлекали государство общим недовольством существующей конституцией, три партии, без которых, если обратиться к опыту современности, можно почти поверить, что ни одно свободное государство никогда не может обойтись, а именно: сторонники олигархического, смешанного и демократического правления. Жизненные привычки классов всегда порождают политические принципы, которыми они руководствуются по отдельности. Жители горных районов, свободные, грубые и выносливые, придерживались демократии; владельцы равнин - влиятельные семьи, склонявшиеся к олигархии, хотя, как и во всех аристократиях, многие из них объединялись, но с более умеренными взглядами, в мерах демократической партии; А те, кто, живя на побережье, занимался коммерцией, которая одновременно порождает склонность к свободе и страх перед ее избытком, ревность к наглости знати и опасение разнузданности толпы, выступили за смешанную форму правления - наполовину олигархическую, наполовину народную, - которая обычно наиболее приемлема для средних слоев предприимчивого народа. Но в Афинах существовало еще более страшное разделение, чем эти три законные партии: разделение не по принципу, а по чувству, то угрожающее разделение, которое, подобно трещинам в почве, предвещающим землетрясение, постепенно расширяясь, является симптомом конвульсий, которые выравнивают и разрушают, - разделение, одним словом, на богатых и бедных, на имущих и неимущих. В условиях олигархии, этой самой жадной и алчной из всех форм правления, неравенство состояний стало невыносимо тяжелым; бедняки так сильно задолжали богачам,

что [201] были вынуждены выплачивать последним шестую часть земельного урожая или отдавать свой личный труд в распоряжение кредиторов, которые могли конфисковать их людей в случае неуплаты. Некоторые из них попадали в рабство, другие продавались иностранцам. Родители избавлялись от своих детей, чтобы погасить долги, а многие, чтобы избежать рабства, тайком покидали землю. Но большая часть бедствующих, люди более крепкие и сплоченные, решили противостоять железному давлению закона: они задумали отменить долги, разделить землю и перестроить государство: они искали вождя и возлагали свои надежды на Солона. В нетерпении бедных, в ужасе богатых свобода потеряла свою прелесть, и не было ни редкой, ни призрачной надежды на то, что на развалинах олигархии, которой уже грозил распад, может быть основана монархия.

VIII. Солон действовал во время этих волнений с большей, чем обычно, проницательностью, а потому, возможно, и с меньшей, чем обычно, энергией. Он держался в стороне и отстраненно, предоставляя любой из сторон толковать, как ей заблагорассудится, двусмысленные и прорицательские фразы, которые не были никому неприятны, поскольку у него было преимущество быть богатым без одиозности вымогательства и популярным без унижения бедности. "Фаний Лесбийский" (так утверждает биограф Солон) "утверждает, что для спасения государства он интриговал с обеими партиями, обещая бедным раздел земель, а богатым - подтверждение их претензий"; утверждение, весьма соответствующее изяществу и тонкости его характера. Не желая брать на себя управление делами, он все настойчивее добивался этого, и в конце концов его избрали на тройную должность архонта, арбитра и законодателя; судьбы Афин были безоговорочно переданы в его руки; все люди надеялись на него во всем; враждующие стороны единодушно призывали его взять на себя верховную власть царя; в его пользу цитировались оракулы, а его друзья утверждали, что не иметь честолюбия монарха - значит не иметь должного мужества человека. Поддержанный и воодушевленный, Солон приступил к своей величественной и бессмертной задаче законотворчества.

IX. Здесь мы сделаем паузу, чтобы рассмотреть характер Солон в том свете, который нам завещан. В соответствии с теорией его любимой максимы, согласно которой умеренность является сущностью мудрости, в политике он, по-видимому, предпочитал среднюю партию, а в своих действиях отличался той энергией, которая является равновесием безразличия и безрассудства. Вознесенный к верховной и непререкаемой власти, побуждаемый со всех сторон перейти от должности законодателя к достоинству принца, его честолюбие никогда не переступало черту, которую добродетель диктовала его гению. "Тирания", - сказал Солон, - "это честное поле, но у нее нет выхода". Тонкое и благородное изречение; оно подразумевает, что у того, кто однажды стал хозяином государства, нет выбора, какими средствами он должен сохранить свою власть. Обладая этой страшной властью, он в первую очередь стремится править, а хорошо править становится второстепенной задачей. "У тирании, действительно, нет выхода!" Немногие, кого в наше время мы видели наделенными подобным духом самообладания, вызвали наше восхищение скорее своей честностью, чем умом; и скептик в человеческой добродетели приписывал чистоту Вашингтона столько же посредственности его гения, сколько искренности его патриотизма: грубость вульгарных амбиций может мало сочувствовать тем, кто отказывается от трона. Но в Солоне нет диспропорции между умственным и нравственным, и мы не можем объяснить умеренность его взглядов сомнением в масштабах его способностей. Его природный гений был разносторонним и пышным. Как оратор, он был первым, по словам Цицерона, кто положил начало логической и блестящей риторике, которая впоследствии отличала афинян. Как поэт, Платон уверяет, что, если бы он посвятил себя исключительно этому искусству, даже Гомер не превзошел бы его. И хотя эти панегирики более поздних авторов следует принимать со

значительными оговорками - хотя мы можем быть уверены, что Солон никогда не мог быть ни Демосфеном, ни Гомером, - все же у нас есть достаточно свидетельств в его истории, чтобы доказать, что он был красноречив, и достаточно в немногих остатках его стихов, чтобы засвидетельствовать поэтический талант не обычного уровня. Как солдат, он, похоже, был ловким мастером тактики того первобытного дня, когда военная наука состояла в основном из хитроумных приемов и смелых изобретений. Как переговорщик, успех, с которым из элементов, столь противоречивых и отвлеченных, он создал гармоничную систему общества и права, является неопровержимым доказательством не столько правильности его теорий, сколько его практических знаний о человечестве. Приписываемые ему изречения, которые можно с полным основанием считать подлинными, свидетельствуют о большой деликатности наблюдений. Каким бы ни был его идеал хорошего правительства, он хорошо знал этот великий секрет государственного управления - никогда не выносить умозрительные доктрины слишком далеко за пределы эпохи, к которой они должны быть применены. На вопрос, дал ли он афинянам лучшие законы, он ответил: "Лучшие законы, которые они способны принять". Его законодательство, таким образом, не было туманным собранием неприменимых принципов. Хотя оно и послужило источником всех последующих законов, хотя, принятое римлянами, оно и по сей день является универсальным духом, оживляющим кодексы и конституции Европы, оно было составлено с учетом привычек, нравов и состояния людей, которых оно должно было просвещать, гармонизировать и направлять. Он не был мрачным аскетом, каких порождает ложная философия, стремящаяся к бесплодной возвышенности праздного уединения; открытый для всех, свободный и откровенный в поведении, он находил мудрость как на рыночной площади, так и в келье. Он не презирал удовольствия, не относился с фанатичным презрением к богатству; гостеприимный и даже роскошный в своих привычках, он, казалось, стремился доказать, что быть мудрым - значит честно наслаждаться. Дошедшие до нас фрагменты его стихов в основном эгоистичны: они касаются его личных чувств или общественных взглядов и с благородной гордостью сообщают нам, "что, если его упрекают в недостатке честолюбия, он находит царство в сознании своего незапятнанного имени". Со всеми этими качествами он, по-видимому, соединял в себе много того ремесла и духа хитрости, которым, согласно всей истории, как священной, так и светской, не считалось греховным потакать ни патриарху, ни философу. Там, где он не мог добиться своей цели с помощью разума, он мог опуститься до того, чтобы достичь ее с помощью аффектации безумия. И это качество ремесленника было необходимо, пожалуй, в ту эпоху, чтобы полностью завершить свою карьеру. Как бы он ни притворялся и ни маскировался, цель, стоявшая перед ним, была неизменно прекрасной и патриотической; чистота его личной морали гармонировала с чистотой его политических амбиций. Сократ был философом размышления, а Солон - философом действия.

Х. Первый закон, который Солон принял в своем новом качестве, был смелым и решительным. Никакая революция не может удовлетворить народ, если она не уменьшает его бремя. Бедность располагает людей к нововведениям только потому, что нововведения сулят облегчение. Поэтому Солон решительно и сразу взялся за устранение великого источника разногласий между богатыми и бедными - огромного количества долгов, которые накопились у последних, и рабства - наказания за невыполнение обязательств. Он побудил кредиторов согласиться на компромисс с их долгами: полностью ли аннулировав сумму, или просто уменьшив проценты и обесценив монету, - вопрос спорный; большинство авторитетов склоняются к первому предположению, а Плутарх приводит слова самого Солона в доказательство более смелой гипотезы, хотя они ни в коем случае не оправдывают такого толкования. И чтобы навсегда устранить возобновление величайшей обиды в связи с прошлыми бедствиями, он издал закон, согласно которому ни один человек впредь не мог продавать себя в рабство для уплаты долга. Даже те, кто уже находился в рабстве, были

освобождены, а те, кого кредиторы продали в чужие страны, были выкуплены и возвращены на родину. Но хотя (в силу необходимости времени) Солон пошел на это отчаянное средство, сравнимое в наш век лишь с формальной санкцией национального банкротства, он решительно отверг дикое желание разделить земли. В сокращении долгов могут быть злоупотребления, которые требуют гораздо более жестких альтернатив, чем имущественное неравенство. В отношении последнего он довольствовался законом, устанавливающим предел для покупки земли, - теория законодательства, не заслуживающая достаточной похвалы, если бы ее можно было привести в исполнение [202]. Поначалу эти меры не оправдали ожиданий народа, возбужденного примером Спарты в надежде на равенство судебных: но вскоре последовала реакция. В честь освобождения от долга было принесено общественное жертвоприношение, а авторитет законодателя был подтвержден и расширен. Солон не был одним из тех политиков, которые попеременно колеблются между народными и аристократическими принципами, воображая, что сегодняшняя уступка обязательно должна стать отцом завтрашнего отрицания. Он слишком глубоко знал человечество, чтобы не понимать, что нет такого государственного деятеля, которого народ подозревал бы так же, как того, кто начинает власть смелой реформой, а затем продолжает ее нерешительными мерами. Уже следующая его мера была более энергичной и более безупречной, чем первая. Зло законов Драко заключалось не в том, что они были суровы, а в том, что они были неэффективны. В законодательстве кровавые символы всегда начертаны на песчаных скрижалях. Одним ударом Солон уничтожил все эти законы, за исключением того (древнего и признанного постановления), которое касалось убийства; взамен он назначил за различные преступления - воровство, изнасилование, клевету, прелюбодеяние - наказания, соразмерные преступлению. Примечательно, что в духе своих законов он обращался к чувству чести и страху перед стыдом и ввел в число самых суровых наказаний титул "атимос" или "недостойный" - теория, которая, хотя и соответствовала существующему, значительно облагораживала будущий характер афинян. В том же духе дети тех, кто погиб на войне, получали образование за государственный счет: достигнув зрелости, они получали доспехи, устраивались в соответствующие профессии и удостоивались главных мест во всех общественных собраниях. Это мудрый принцип государства, который делает нас благодарными его пенсионерам и заставляет нас считать тех, кто содержится за государственный счет, благоговейными памятниками государственной службы [203]. У Солона хватило великодушия предотвратить своей рукой опасный соблазн для собственного честолюбия и назначить смерть тому, кто стремился к единоличному владычеству над содружеством. Он пресек корыстные интересы и назойливую агитацию частных лиц, позволив никому не предлагать закон в пользу одного человека, если он не получил голоса шести тысяч граждан; он обеспечил спокойствие города, подверженного произволу могущественных группировок, запретив людям появляться на улицах с оружием в руках, кроме случаев крайней необходимости.

XI. Самое запоминающееся изречение Солона иллюстрирует теорию возведенной им социальной структуры. Когда его спросили, как изгнать несправедливость из общества, он ответил: "сделав всех людей заинтересованными в несправедливости, допущенной по отношению к каждому" - ответ, олицетворяющий всю душу свободы. Его нововведения в простые формы древней конституции не кажутся значительными; он скорее добавлял, чем разрушал. Так, он сохранил или возродил сенат аристократии; но для проверки его власти он создал народ. Четыре древних племени [204], давно разделенные на мелкие части, были сохранены. Иностранцы, перевезшие на постоянное жительство свое имущество и семьи в Афины и отказавшиеся от всякой связи со своими странами, были приняты для пополнения численности свободного населения. Таким образом, был сформирован учредительный орган. В восемнадцать лет каждый гражданин был обязан нести военную повинность в

пределах Аттики; в двадцать лет он достигал совершеннолетия, получал право голоса в народном собрании и все остальные права гражданства. Таким образом, каждый свободный афинянин, достигший двадцатилетнего возраста, получал право голоса в законодательном собрании. Но для получения высших должностей необходимо было обладать весьма значительным состоянием. Таким образом, хотя народ пользовался всеобщим избирательным правом, выбор кандидатов по-прежнему оставался за олигархией. Было признано четыре различных сословия, причем не по наследственному происхождению, как раньше, а по наличию собственности. Те, чей доход приносил пятьсот мер любого товара, сухого или жидкого, занимали первое место под названием пентакосиомедимнианов. Второе сословие, называемое Гиппеями, рыцарями или всадниками, состояло из тех, чьи владения приносили триста мер. Каждый человек, принадлежащий к нему, был обязан держать лошадь для государственной службы и записываться, если потребуется, в кавалерию военных сил (члены любого из этих высших классов были освобождены, однако, от службы на корабле или в пехоте, если им не поручалось какое-либо командование). Третий класс состоял из тех, кто владел двумястами [205] мерами, и назывался Zeugitae; а четвертый и самый многочисленный класс включал в себя под названием Thetes основную часть нерабовладельческого рабочего населения, чье имущество не соответствовало требованиям, предъявляемым к Zeugitae. Просматривая эти деления, мы поражаемся их сходству с сословиями наших собственных северных и феодальных предков, соответствующими дворянам, рыцарям, бюргерам и рабочим классам, которые так долго составляли и продолжают составлять демаркацию общества в современной Европе. Члены первого класса могли занимать высшие должности архонтов, представители трех первых классов - в политическом собрании четырехсот (которое я сейчас опишу) и в некоторых мелких магистратурах; члены четвертого класса были лишены права занимать любые должности, за исключением тех, которые, поскольку они голосовали в народном собрании, можно сказать, что они имели долю в законодательной власти и в чрезвычайных случаях осуществляли судебную власть. В то же время никакие наследственные барьеры не отделяли их от надежд, столь дорогих человеческим чаяниям. Им нужно было лишь приобрести необходимое состояние, чтобы пользоваться привилегиями своих начальников. И, соответственно, мы узнаем из надписи на Акрополе, записанной Поллуksom, что Антемион, представитель самого низкого сословия, был внезапно возведен в рыцарское звание. [206]

XII. Из этого деления на ранги мы видим, что главный принцип конституции Солона был основан не на рождении, а на богатстве. Он учредил так называемую тимократию, то есть аристократию собственности, основанную на демократических институтах народной юрисдикции, выборов и апелляции. В соответствии с принципом, пронизывающим все государства, в которых имущество является критерием для занятия должности, на имущество распределялось общее налогообложение. И это по градуированной шкале, суровой для первого класса и полностью освобождающей от налогов низший. Установив таким образом ранги граждан, конституция признала три великих совета или ветви законодательной власти. Первым был почтенный Ареопаг. Мы уже видели, что это учреждение издавна существовало у афинян, но в последнее время оно впало в некоторую неясность или забвение и даже не упоминалось в законах Дракона. Солон сохранил название собрания, но изменил его структуру. В древности в него, вероятно, входили все Евпатриды. Солон определил требования претендентов на это официальное достоинство и постановил, что никто не должен быть допущен к ареопагу, если он не занимал должность архонта - испытание, которое подразумевало не только необходимость высшего звания, но и, как я сейчас отмечу, трезвый характер и безупречную честность.

Самые отдаленные предания наделяют само название этого собрания величием и благоговением. По преданию, бог битвы сам предстал перед трибуналом на священном холме, освященном Марсом. Солон напряг воображение, чтобы поддержать величие его ассоциаций. Сенаторам, которые, согласно духу его законов, могли переходить из храма добродетели в храм чести, были оказаны всевозможные почести. Под их юрисдикцией могли быть рассмотрены все виды преступлений - они имели равные полномочия награждать и наказывать. От вины в убийстве до отрицательного преступления в безделье [207] распространялся их контроль: освящение алтарей новым божествам, наказания, назначаемые за нечестие, были в их власти и в их ведении. Они имели неограниченную власть надзирать за жизнью людей, присутствовали на общественных собраниях и торжественных жертвоприношениях, поддерживая порядок своим величественным присутствием. На их попечении находились законы и управление государственными средствами, надзор за воспитанием молодежи. Несмотря на свою власть, они почти не вмешивались в управление политическими делами, за исключением случаев неминуемой опасности. Их обязанности, серьезные, спокойные и торжественные, держали их в стороне от временных волнений. Они были последним убежищем государства, обращаться к которому в обычных случаях было почти ругательством. Сама их манера поведения должна была соответствовать репутации их добродетелей и достоинству их должности. В их собраниях запрещалось смеяться - ни один архонт, замеченный в общественной таверне, не мог быть принят в их орден [208], а сочинение комедии ареопагитом было предметом особого запрета [209]. Они заседали под открытым небом, как и все суды, рассматривавшие дела об убийствах. Если дело, рассматриваемое ими, было велико и разнообразно, они делились на комитеты, каждому из которых по жребию поручалось несколько дел, чтобы ни один человек, знавший, какое дело ему предстоит решать, не мог быть обвинен в нечестности или пристрастном предрасположении. Выслушав должным образом обе стороны, они вынесли свое решение с пресловутой серьезностью и молчанием. Институт голосования (последующий обычай) обеспечивал тайну их решения - процедура, необходимая в условиях ревности и власти фракций, чтобы сохранить их суждения беспристрастными из-за личного страха, и отмена которой, как мы увидим далее, была одной из причин, подавивших на некоторое время афинскую свободу. Медная урна принимала голоса осуждения, а деревянная - оправдания. Таковы были характер и конституция АРЕОПАГУСА. [210]

XIII. Второй законодательный совет, созданный или возрожденный Солоном, состоял из сената, состоявшего сначала из четырехсот, а много лет спустя из пятисот членов. В этот совет могли попасть все, кроме самого низкого и многочисленного сословия, при условии, что они достигли тридцатилетнего возраста. Это было скорее случайное, чем представительное собрание. Способ его избрания представляется не столько продуманным, сколько неуклюжим. В каждом приходе был президент, называемый филархом. Этот магистрат в определенный день года называл имена всех лиц в своем округе, имеющих право на честь служить в совете и желающих ею воспользоваться. Эти имена были начертаны на медных табличках и брошены в определенный сосуд. В другой сосуд клали равное количество бобов; если предположить, что число кандидатов, которые должны были быть представлены каждым племенем, составляло (как это было вначале) сто, то в сосуд клали сто белых бобов, а остальные были черными. Затем имена кандидатов и бобы вытягивались по очереди, и каждый кандидат, которому посчастливилось вытянуть свое имя вместе с белым бобом, становился членом сената. Таким образом, конституция каждого последующего сената могла отличаться от предыдущего - могла, не представляя народ, противоречить его желаниям - была полностью делом случая и опасности; и когда мистер Митфорд сообщает нам, что народное собрание было великой основой зла в афинской

конституции, оказывается, что капризным и неудовлетворительным выбором этого совета мы можем смело приписать многие из несоответствий и изменений, которые этот историк полностью приписывает более народному собранию [211]. Этому совету были доверены полномочия, менее обширные в теории, чем у Ареопага, но гораздо более активно осуществляемые. Его члены инспектировали флот (когда впоследствии был создан флот), назначали тюремщиков в тюрьмы, проверяли счета магистратов по окончании их полномочий; это были второстепенные обязанности; им также была предоставлена власть в других департаментах гораздо более высокого и сложного характера. Им была дана мрачная и страшная власть, позволявшая им рассматривать и наказывать лиц, обвиняемых в преступлениях, не предусмотренных никаким особым законом [212], - постановление, для которого, если бы народному контролю уделялось меньше внимания, самые необузданные амбиции деспотизма не требовали бы более широкой основы для своих замыслов. Власть наказывать за преступления, не оговоренные в законе, - это власть над законом, а невежество или коррупция могут легко превратить саму невинность в преступление. Но главная обязанность Четырехсот заключалась в подготовке законов, которые должны были быть представлены собранию народа - великому народному трибуналу, который мы сейчас рассмотрим. Ни один закон, согласно Солону, не мог быть внесен на рассмотрение собрания, пока он не прошел обсуждение и не получил санкцию этого предварительного совета. Таким образом, именно они стояли у истоков всего законотворчества. В соответствии с этими дискреционными полномочиями члены совета проходили проверку. Прежде чем принять любого кандидата, его жизнь, характер и поступки подвергались тщательному изучению [213]. Затем сенаторы давали торжественную клятву, что будут стараться содействовать общественному благу, а высшим наказанием, которое им разрешалось наложить, был штраф в пятьсот драхм. Если такое наказание они считали недостаточным, преступник передавался в обычные суды. По истечении срока своего доверия, который истекал с каждым годом, сенаторы давали отчет о своем поведении, а сам сенат наказывал за любой проступок своих членов; наказания были настолько суровыми, что человек, изгнанный из сената, мог быть избран судьей - доказательство того, что изгнание было наказанием, назначаемым не за самый ужасный проступок. [214]

Члены каждого племени по очереди председательствовали над остальными [215] под именем пританов. В обязанности пританов входило собирать сенат, который обычно собирался каждый день, и следить за порядком в большом собрании народа. Они подразделялись на проэдров, которые еженедельно председательствовали над остальными, а один из них, назначаемый по жребию, был главным президентом (или эпистатом) всего совета; ему были доверены ключи от цитадели и казны, и здоровая ревность к этому двойному доверию ограничивала его осуществление одним днем. Каждый член совета письменно уведомлял о своем намерении внести предложение; пританы имели право предварительно предложить вопрос, после чего он становился предметом открытого обсуждения; голосованием решалось, отклонить или принять его; в случае принятия он передавался на рассмотрение народного собрания, которое ратифицировало или отклоняло закон, который не мог быть им принят.

Такова была конституция афинского совета, во многом напоминающая общие черты всех современных законодательных собраний.

XIV. В великое собрание народа, к которому мы теперь переходим, допускались все свободные люди, достигшие возраста рассудительности, за исключением тех, кого закон клеймил позором атимоса (недостойного) [216]. Во времена Солона это собрание отнюдь не имело того значения, которое приобрело впоследствии. Его заседания были сравнительно

редкими, и, несомненно, оно редко отклоняло предложения Четырехсот. Но когда существуют различные законодательные собрания и народный контроль однажды признается конституцией, по природе вещей более демократическое собрание должно поглотить основные дела более аристократического. Народ часто попадает в рабство по воле деспота, но почти всегда выигрывает от сдержек, которым конституция обычно призвана противостоять. В более позднее время собрание собиралось четыре раза в пять недель (по крайней мере, в тот период, когда племен было десять), то есть во время председательства каждого пританея. В первый раз на собрании рассматривались вопросы общего характера, утверждались или отвергались магистраты, выслушивались обвинения в тяжких политических преступлениях [217], а также подробности конфискации товаров. Второе время отводилось на рассмотрение дел, касающихся как отдельных лиц, так и всего общества; каждый человек имел право либо подать прошение, либо принять участие в прениях. Третье время заседаний было посвящено государственной аудиенции послов. Четвертое - вопросам религиозного культа или священнического церемониала. Эти четыре периодические встречи под названием курия составляли общее собрание, не требующее специального созыва и не предвещающее никаких чрезвычайных обстоятельств. Но помимо этих регулярных собраний, в случаях необычной опасности или в случаях, требующих немедленного обсуждения, собрание народа могло быть созвано официальным провозглашением; в этом случае оно называлось "сугклетос", что мы можем перевести словом "созыв". Перед началом собрания пританы всегда вывешивали в каком-нибудь общественном месте программу вопросов, по которым народ должен был совещаться. Председательствующими на собрании были проэдры, выбранные по жребию из девяти племен, исключенных в то время из числа прытанов; из их числа также по жребию избирался главный президент (или эпистат). Прилагались все усилия, чтобы обеспечить многочисленное присутствие, и каждый присутствующий получал за свои хлопоты мелкую монету [218] - практика, плодотворная для шуток комедиантов. Пританы могли запретить выступать человеку с дурным характером. Сигнал к принятию решения давал главный председатель. В обычных случаях они поднимали руки, голосуя открыто; но в более поздний период, в случаях, когда запугивание было возможным, например, при преступлениях людей, обладающих властью и авторитетом, они голосовали тайно. Обычно они собирались на огромной арене своего рынка. [219]

XV. Перечисляя главы этой сложной конституции, которую я так подробно описал, читатель поймет, что законодательная власть покоилась на трех собраниях - Ареопаге, Совете и Народном собрании, что первое, несмотря на свое торжественное достоинство и огромную власть, редко вмешивалось в активную, народную и повседневную политику государства, что второе создавало законы, которые третье было великим апелляционным судом, чтобы одобрить или отклонить. Великим усовершенствованием современности стало объединение двух последних судов в один, а также объединение в представительном сенате мудрости совещательного совета с интересами народного собрания; чем теснее мы соединим эти объекты, тем более совершенно, возможно, мы достигнем, с помощью мудрости, целей свободы.

XVI. Но хотя в сенате, составленном по воле случая, и в собрании, которое по своей численности должно было постоянно подвергаться возбуждению красноречия и капризам страстей, неизбежно существовал грубый и несовершенный принцип, - Хотя два суда, содержащие в себе душу и элемент противоречия, неизбежно хотели того сосредоточенного единства цели, которое благоприятствует регулярному и величественному спокойствию законодательства, мы не можем не допустить, что основная теория системы была именно той, которая наиболее благоприятна для расточительного изобилия энергии, интеллекта и

гения. Созванные для консультаций по всем вопросам, от величайших до наименьших, от самых почтенных до самых банальных - сегодня решают вопрос о количестве своих военных кораблей, завтра - о количестве трагического хора; сейчас с ревнивой прозорливостью изучают новых преследователей олигархических амбиций; -тогда назначая, с приятным отличием, на различные службы различные сочетания музыки [220]; -теперь приветствуя в своем форуме-сенате трезвых послов Лакедемона или драгоценных глашатаев Персии, теперь голосуя их санкцию на новые храмы или благоговейные реформы богослужения; Мы видим живой и неугасающий интерес ко всему, что возбуждает ум, или возвышает страсти, или облагораживает вкус; - верховные арбитры искусства скульптора, как и науки законодателя, - судьи и награждители лимнера и поэта, как и успешного переговорщика или преуспевающего солдата; мы видим сразу весь совершенный, весь изменчивый гений нации, и мы видим в одном и том же взгляде следствие и причину: -Каждая вещь была передана народу, и народ научился судить о каждой вещи. Их гений был искусственно принужден, причем в каждом из его качеств. Они не нуждались в формальном образовании. Вся их жизнь была одной школой. Сами недостатки их собраний, их склонность соблазняться необыкновенным красноречием, возбуждали подражание оратору и постоянно будили воображение слушателей. Афинянин по необходимости рождения был тем, кем, как мечтал Мильтон, человек может стать только благодаря трудам самого полного образования: в мире - законодателем, на войне - солдатом, во все времена и во всех случаях - острым на суждения и решительным на действия. Все, что могло вдохновить мысль или порадовать досуг, было для народа. Их портик и школа, их театр, сады и бани; они не были, как в Спарте, орудиями государства - они сами были государством! Ликург создавал машины, а Солон - людей. В Спарте машина была заведена тиранией неизменного принципа; она не могла обедать, как ей вздумается, не могла гулять, как ей вздумается, ей не разрешалось искать свою машину иначе, как тайком и в темноте; ее дети не были ее собственностью - даже она сама не имела собственности на себя. Под именем свободы Спарта соединила в себе все худшие сложности, самые тяжкие и самые легкомысленные домогательства рабства. Поэтому Лакедемон расцвел и пришел в упадок, оставив в наследство славу людей, отмеченных только за отважную доблесть, фанатичный патриотизм и глубокое, но бесчестное ремесло - привлекающих, правда, удивление мира, но не претендующих на его признательность и не вносящих ни малейшего вклада в его интеллектуальные запасы. Но в Афинах истинное благословение свободы было справедливо помещено в мнения и душу. Мысль была общим достоянием, которое каждый человек мог возделывать по своему усмотрению. Эта свобода, ничем не скованная, имела свои конвульсии и свои эксцессы, но, порождая непрерывное подражание и беспредельную конкуренцию, стимул для каждого усилия, трибунал для каждого требования, она ворвалась в философию с одним, в поэзию с другим, в энергию и великолепие непревзойденного интеллекта со всеми. Оглядываясь вокруг себя в этот час, спустя более четырех и двадцати веков после создания конституции, которую мы только что рассмотрели, - в трудах студента, в мечтах поэта, в стремлениях художника, в философии законодателя - мы все еще видим нетленные блага, которые мы получаем от афинских свобод и институтов Солона. Жизнь Афин угасла, но ее душа пронесла себя, бессмертную и увековечивающую, через весь мир.

XVII. Уголовный кодекс Солона был основан на принципах, полностью противоположных принципам Драко. Шкала наказаний была умеренной, хотя и достаточно суровой. Достаточно одного отличия, чтобы составить адекватное представление о ее градациях. Дневная кража не считалась смертным преступлением, но если она совершалась ночью, то преступник мог быть на законных основаниях убит хозяином. Тенденция склоняться на сторону милосердия во всех случаях может быть понята из следующего: если голоса судей делились поровну, во всех афинских судах было принято оправдывать обвиняемого.

Смертная казнь была редкостью; ее место занимала атимия. О различных степенях атимии я сейчас говорить не намерен. Однако при одной степени преступника просто отстраняли от некоторых привилегий свободы, которыми пользовались граждане в целом, или приговаривали к денежному штрафу; вторая степень позволяла конфисковать имущество; третья навсегда лишала преступника и его потомство прав гражданина: последняя назначалась только за особо тяжкие преступления. Бессрочная ссылка была приговором не только для государственных преступников. Наложение штрафов, которое в более поздние времена стало причиной больших злоупотреблений, во времена Солона было умеренно распределено между преступлениями, отчасти из-за высокой цены денег, а отчасти из-за мудрой умеренности законодателя. Последнее тяжкое наказание в виде смерти было разного рода: крест, виселица, пропасть, чаша - страдания, которые редко выпадали на долю свободных людей.

Как принцип стыда был главным инструментом уголовного кодекса афинян, так и они пытались достичь той же цели с помощью более возвышенного мотива чести. На равновесии поощрений, которые стимулируют, и наказаний, которые сдерживают, по замыслу Солона и его предшественников, должна покоиться добродетель содружества. Корона, преподнесенная сенатом или народом, публичный банкет в государственном зале, воздвижение статуи на проспекте (долгое время это было редчайшим отличием), привилегия первенства в театре или собрании - все это было почестями, постоянно стоявшими перед глазами молодых и надеждами честолюбивых. Чувство чести, таким образом, стало руководящим принципом законодательства и важной составляющей характера афинян.

XVIII. Судебное производство, как учрежденное Солоном, так и испорченное его преемниками, было подвержено некоторым серьезным и жизненно важным порокам, о которых будет сказано ниже. Сейчас я довольствуюсь замечанием, что Солон перенес в судебную систему принципы своих законодательных судов. Согласно его теории, все граждане должны быть обучены интересам государства. Ежегодно по жребию выбиралось шесть тысяч граждан; при выборах не требовалось никаких условий, кроме тридцатилетнего возраста. Выбранный таким образом орган, называемый Гелизеей, делился на более мелкие суды, в которых могли рассматриваться все правонарушения, особенно политические. Обычные дела, вероятно, были оставлены Солоном на усмотрение обычных магистратов; но прошло немного времени, прежде чем народные присяжные взяли на себя окончательное разбирательство и вынесение решений по всем делам. Эта судебная власть была даже больше законодательной; ведь если какой-либо закон проходил через все законодательные формы и в течение года после даты его принятия признавался не соответствующим конституции или общественным интересам, народные суды могли отменить этот закон и наказать его автора. В Афинах не было профессиональных юристов; предполагалось, что закон - это общий интерес граждан, поэтому обвинителю предоставлялись все возможности для получения справедливости.

Солон, по-видимому, признавал здравый принцип, согласно которому сила закона заключается в склонности общества беречь и почитать его, и что ничто так не способно сделать постоянным общий дух конституции, как придание ее деталям гибкости и открытости для реформ. Поэтому он подверг свои законы регулярному и постоянному пересмотру. Раз в год любой гражданин мог внести предложение об изменении любого существующего закона, оно обсуждалось и, в случае одобрения, передавалось в законодательный комитет, который выбирался по жребию из числа присяжных заседателей. Затем комитет выносил решение по закону; назначались пять защитников, которые отстаивали старый закон; в случае неудачи новый закон сразу же вступал в силу. В дополнение к этой мере

предосторожности шесть из девяти архонтов (называемых тесмотетами), чья должность позволяла им разбираться в недостатках закона, были уполномочены пересмотреть весь кодекс и передать на рассмотрение законодательного комитета любые ошибки или несоответствия, которые могли потребовать внесения поправок. [221]

XIX. Что касается воспитания молодежи, то мудрый афинянин не стал исходить из тех принципов, которые в Спарте пытались перенести на государство самые дорогие привилегии родителей. С шестнадцати до восемнадцати лет (а в случае с сиротами - и раньше) закон, действительно, считал, что государство имеет право готовить своих граждан к службе; и юноши были обязаны посещать государственные гимнастические школы, в которых к физическим и интеллектуальным дисциплинам добавлялись и занятия под руководством назначаемых государством мастеров. Но из самого факта обязательного образования в этом возрасте и отсутствия его в детстве можно предположить, что в Афинах уже выросла моральная обязанность и общий обычай готовить молодежь государства к поступлению в национальные школы.

Кроме свободных граждан, существовали два подчиненных класса - пришельцы и рабы. Под первыми подразумеваются переселенцы, не утратившие связи со своими родными странами. Они, как и во всей Греции, сильно отличались от граждан; они платили небольшую ежегодную сумму за защиту государства, и каждый из них становился своего рода клиентом какого-нибудь отдельного гражданина, который выступал от его имени в судах. Им также запрещалось приобретать землю, но в остальном Солон, сам купец, похоже, предоставил таким пришельцам поощрения в торговле и производстве, не обычные в ту эпоху; и большинство их недостатков, вероятно, были скорее моральными или воображаемыми, чем реальными и повседневными причинами для недовольства. Большое и первостепенное различие было между свободным человеком и рабом. Ни один раб не мог быть допущен в качестве свидетеля, кроме как под пыткой; как для него не было голоса в государстве, так для него не было и мягкости в законе. Но хотя раб не мог отомстить за себя хозяину, система рабства мстила за себя государству. Преимущества для интеллекта свободных граждан, вытекающие из существования класса, созданного для того, чтобы избавлять их от тягот жизни, дорого покупались постоянной незащищенностью их политического спокойствия. Капитал богачей никогда не мог быть направлен в самое продуктивное русло - труд свободной конкуренции. Знатные люди не нанимали граждан - они покупали рабов. Таким образом, содружество извлекало из его богатства наименьшую возможную пользу; оно не текло через сердце республики, трудоустраивая бездельников и кормя бедняков. Как необходимое следствие, неравенство состояния было сурово заметным и глубоко ощутимым. Богач не имел связи с бедняком - бедняк ненавидел его за богатство, которое он не разделял (как в государствах, где не существует рабства), покупая трудом преимущества фортуны. Поэтому различие классов не поддавалось гармонизирующему воздействию народного законодательства. Богатые подвергались несправедливым и постоянным поборам, а общество постоянно подвергалось дезорганизации из-за посягательств на собственность. Между ревностью населения и страхом богачей шла вечная борьба, и многие из тех нарушений, которые современные историки неосмотрительно приписывают институтам свободы, на самом деле были следствием существования рабства.

ГЛАВА II.

Отъезд Солона из Афин.- Возвышение Писистрата.- Возвращение Солона.- Его поведение и смерть.- Вторая и третья тирания Писистрата.- Взятие Сигеума.- Колония в Херсонесе, основанная первым Мильтиадом.- Смерть Писистрата.

I. Хотя великие конституционные реформы Солона, несомненно, были проведены в жизнь во время его правления, некоторые из его законодательных и судебных постановлений, вероятно, были делом нескольких лет. Если принять во внимание множество интересов, которые нужно было примирить, множество предрассудков, которые нужно было преодолеть, и которые во всех народных государствах калечат и задерживают прогресс перемен в их отдельных деталях, то нам нетрудно предположить, вместе с одним из самых ярких современных ученых [222], что у Солона было достаточно занятий в течение двадцати лет после даты его архонтства. В течение этого периода во внешних делах Афин мало что происходило, кроме благополучного завершения Киррейской войны, о чем уже говорилось выше. Внутри страны новая конституция постепенно укоренялась, хотя часто подвергалась опасности, а иногда и сотрясалась бурями партий и всеобщим стремлением к дальнейшим нововведениям.

Вечным следствием народных перемен является то, что, хотя они и раздражают партию, теряющую власть, они не могут удовлетворить партию, которая ее получает. Очевидно, что каждая уступка народу лишь делает его более способным требовать уступок более важных. Теории одних - требования других - досаждали законодателю и угрожали безопасности законов. В конце концов Солон пришел к выводу, что его постановления нуждаются в санкции и покое времени, и что отсутствие - эта моральная смерть - избавит не только его самого от назойливости, но и его младенческие институты от легкомысленной склонности к переменам. В ранние годы он занимался коммерцией, восстанавливая поместья, обедневшие от щедрот его отца; и, продолжая культивировать те же ресурсы, он под предлогом своего призвания выпросил разрешение на десятилетнее отсутствие. Говорят, что он получил от народа торжественное обещание не менять в течение этого срока ни одного из своих учреждений [223]; таким образом, он покинул город (вероятно, в 575 г. до н. э.), чья будущая слава была заложена им как прочный фундамент. Привлеченный своими философскими привычками к этой торжественной земле, под тайнами которой доверчивые греки почитали секреты существующей мудрости, все еще авантюрный афинянин отправился в города Нила и питал страсть к спекулятивным исследованиям из знаний египетских жрецов. Отправившись на Кипр, он, как уверяют его собственные стихи, помогал в строительстве нового города, основанного одним из царей этого прекрасного острова, а затем, приглашенный ко двору Креза (вместе с жившим тогда его отцом Аляттом), он преподавал лидийцу, среди великолепия государства и поклонения рабов, тот известный урок о неопределенности человеческого величия, который, по словам Геродота, Крез так вовремя вспомнил при погребальной груде. [224]

II. Каким бы благоразумным ни казалось Солону его отсутствие в Афинах, следует сожалеть, что он не предпочел отважиться на опасности, от которых его гений мог бы спасти государство, чем подвергнуться тем, к которым непременно должно было привести само удаление хозяина-духа. Мы можем обязать людей не менять законы, но мы не можем связать дух и мнение, из которых только законы черпают убедительность и ценность. Мы можем защититься от нововведений толпы, которые мудрый государственный деятель видит издали и может направить к великим целям; но мы не можем защититься от опасной случайности - не предвидеть, не направить - от честолюбия гениального человека! Во время отсутствия Солона возвысился один из тех замечательных людей, которые придают порочным замыслам всю привлекательность индивидуальных достоинств. Смелый, щедрый, приветливый, красноречивый, наделенный всеми дарами природы и судьбы - родственник Солона, но с большим богатством и более ослепительными качествами - молодой Писистрат, сын Гиппократа, рано связал себя с демократической или горской партией. Мегаряне, которые никогда не отказывались от своих замыслов относительно Саламины,

воспользовались случаем, видимо, еще до путешествий и, по словам Плутарха, даже до законодательства Солона, чтобы вновь завладеть островом. Когда афиняне получили возможность расширить свои силы за пределы своей великой внутренней революции, Писистрат получил командование экспедицией против этих опасных соседей, которая увенчалась самым значительным успехом. Стратегема, приписываемая Солону Плутархом, который с такой заразной неточностью объединил в одну две разные экспедиции Писистрата и Солона, скорее должна быть отнесена к сомнительной славе сына Гиппократа [225]. Несколько молодых людей отплыли с Писистратом в Колиас и, взяв женское платье, которое они захватили во время жертвоприношения Церере, отправили шпиона в Саламин, чтобы сообщить мегарской страже, что многие из главных афинских матрон находятся в Колиасе и могут быть легко захвачены. Мегаряне были обмануты, отправили группу мужчин на противоположный берег и, увидев группу женщин в женских нарядах, танцующих на берегу, высадились на берег, чтобы захватить добычу. Притворные женщины достали спрятанное оружие, и мегарцы, удивленные и ошеломленные, были перебиты до единого человека. Победители, не теряя времени, отплыли к Саламину и без труда вернули себе остров. Писистрат перенес войну в самую Мегару и захватил порт Нисея. Эти подвиги стали основой его последующего величия; еще молодым, по возвращении Солон, он уже стоял во главе демократической партии. Но ни его звания, ни его гения, ни его народного влияния не хватило, чтобы обеспечить его фракции решительное превосходство над соперниками. Богатую знать низин возглавлял Ликург, умеренную партию жителей побережья - Мегакл, глава Алкмеонидов. И именно в разгар раздоров и волнений, вызванных этими большими группами народа, Солон вернулся в Афины.

III. Почтенный законодатель был принят со всем благодарным уважением, которого он заслуживал; но возраст приглушил блеск его сил. Его голос уже не мог пробиться сквозь мощные толпы на рыночной площади. Возникли новые идолы, разгорелись новые страсти, сформировались новые интересы, и среди грохота и шума вечного движения высокородный старик тщетно пытался напомнить устремившимся в будущее о границах прошлого. Не добившись успеха на публике, он не преминул обратиться в частном порядке к лидерам нескольких партий. Из всех этих соперничающих вельмож никто не прислушивался к его советам с таким заметным уважением, как гладкий и благовидный Писистрат. Возможно, этот выдающийся человек преследовал те же цели, что и сам Солон, - хотя один хотел добиться авторитетом вождя порядка и энергии, которые другой доверил бы развитию народа. Но, скрывая свои более заинтересованные замыслы, Писистрат превзошел всех конкурентов в своем кажущемся рвении к общественному благосостоянию. Мягкость его манер, щедрая либеральность, великодушие даже к врагам - великолепные качества, побудившие Цицерона сравнить его с Юлием Цезарем [226], очаровывали воображение народа и скрывали эгоистичность его взглядов. Он не был лицемером, если говорить о его добродетелях, - он был развратником только в своих амбициях. Даже Солон, пытаясь внушить ему истинный патриотизм, признал его таланты и достоинства. "Если бы не честолюбие, - сказал он, - в Афинах нет гражданина достойнее Писистрата". Настало время для честолюбивых замыслов вождя демократии.

IV. На рыночной площади собралась обычная толпа, как вдруг посреди собрания появилась колесница Писистрата. Мулы истекали кровью, сам Писистрат был ранен. В таком состоянии демагог обратился к народу с речью. Он заявил, что только что спасся от врагов себя и народной партии, которые (под покровительством Алкмеонидов) напали на него во время загородной экскурсии. Он напомнил собравшимся о своих военных заслугах, о доблести в борьбе с мегарянами, о завоевании Нисеи. Он просил их о защите. Возмущенные и разгоряченные, благосклонные зрители кричали о своем сочувствии его обидам. "Сын

Гиппократ, - сказал Солон, подойдя к месту, с горьким остроумием, - ты всего лишь плохой подражатель Улисса. Он ранил себя, чтобы обмануть своих врагов, а ты - чтобы обмануть своих соотечественников". [227] Здравый смысл этого упрека не был услышан толпой. Было созвано специальное собрание народа, и один из сторонников демагога внес предложение выделить для его охраны телохранителя из пятидесяти человек, вооруженных только дубинками. Несмотря на возрастные немощи и падение авторитета в народе, Солон нашел в себе силы противостоять этому предложению и предсказать его результаты. Доверчивая любовь народа отбросила все предосторожности - стража была назначена. Численность ее недолго оставалась неподвижной; Писистрат искусно увеличивал ее, пока она не разрослась до силы, необходимой для его замыслов. Тогда он захватил цитадель - враждебная фракция Мегакла бежала, и Писистрат стал хозяином Афин. Среди смятения и беспорядка в городе Солон сохранил свое исконное мужество. Он выступал на публике, укорял граждан в слепоте и призывал их к мужеству. В своих речах он призывал их помнить, что если предотвратить тиранию - задача более легкая, то уничтожить ее - более великое достижение. В своих стихах [228] он излил возмущенные чувства, которые тысяча последующих бардов позаимствовали и расширили: "Не вините Небеса за ваших тиранов, вините себя". Страхи одних, равнодушие других сделали его увещевания бесплодными! Храбрый старик горестно удалился в свой дом, повесил оружие у дверей и утешал себя меланхоличным хвастовством, что "он сделал все, чтобы спасти свою страну и ее законы". Это было его последнее публичное выступление против узурпатора. Он отказался от бегства, а на вопрос друзей, на что он уповает, чтобы спастись от гнева победителя, ответил: "На старость" - печальное размышление, что столь великий человек должен найти в немощи то убежище, которое он требовал от славы.

V. Оставшиеся дни и дальнейшее поведение Солон покрыты мраком. Согласно Плутарху, он оставался в Афинах, Писистрат выказывал ему глубочайшее уважение и прислушивался к советам, которые Солон соглашался ему дать: согласно Диогену Лаэртию, он снова покинул родной город [229], возмущенный его покорностью и не надеясь на свободу, отвергая все предложения Писистрата и утверждая, что, установив свободное правительство, он не хочет, чтобы успех тирана был одобрен. Любая из этих версий достаточно вероятна. Мудрость Солон могла согласиться смягчить то, что он не мог вылечить, или его патриотизм мог побудить его не быть свидетелем перемен, которые он не в силах был предотвратить. Спор не имеет большого значения. В своем преклонном возрасте он не мог долго переживать узурпацию Писистрата, и мы не можем найти ни одного авторитетного источника, который бы так доверял дате его смерти, как Фаний, который относит ее к году, следующему за узурпацией Писистрата. Яркая гонка была уже запущена. Согласно серьезному авторитету Аристотеля, прах Солон был развеян над островом Саламином, который был местом его прежних триумфов; и Афины, сохранив бессмертного, не похвастались его бранными останками.

VI. Писистрат с достойной восхищения умеренностью направлял ход произведенной им революции. Многие причины успеха складывались в его пользу. Его враги были предполагаемыми врагами народа, и народ, несомненно, воспринял бегство Алкмеонидов (все еще одиозных в их глазах после расправы над Килоном) как поражение врага, а триумф народного вождя был признан победой народа. Во всех революциях человек, вставший на сторону народа, получает от него наибольшую свободу действий. По общему желанию афинян возвести Солон на верховную власть легко понять, что понятие царской власти еще не было им ненавистно и что они едва ли были готовы к тем свободам, которые им были предоставлены. Но хотя они так терпеливо подчинились воцарению Писистрата, очевидно, что менее благосклонный или менее искусный тиран не добился бы такого же успеха.

Вознесенный над законом, этот тонкий гений управлял только законом; более того, он считал его авторитет выше своего собственного. Он не присвоил себе ни титула, ни атрибута суверенитета. Его обвинили в убийстве, и он смиренно предстал перед трибуналом Ареопага - доказательство не столько умеренности узурпатора, сколько влияния общественного мнения. Он привел в исполнение законы Солона и заставил непокорных членов своей фракции подчиниться их полезной строгости. Таким образом, одна революция не вытеснила, а подтвердила другую. "С помощью этих средств, - говорит Геродот, - Писистрат овладел Афинами, но его положение было далеко не безопасным". [230]

VII. Хотя главы более умеренной партии под руководством Мегакла были изгнаны из Афин, фракция, столь же мощная и столь же враждебная, возглавляемая Ликургом и охваченная большинством знати, все еще оставалась. В течение некоторого времени, возможно, пяти или шести лет, Писистрат сохранял свою власть; но в конце концов Ликургу, объединившемуся с изгнанными Алкмеонидами, удалось изгнать его из города. Но союз, который привел к его изгнанию, прекратился с этим событием. Противостояние между жителями низин и побережья только усилилось после поражения третьей партии, которая выступала в качестве баланса сил, а распри нескольких их лидеров подпитывались как личными амбициями, так и наследственной враждой. Поэтому Мегакл, не имея возможности поддерживать равные позиции с Ликургом, обратился к покоренному им врагу и направил Писистрату предложения объединить свои силы и поддержать его в его притязаниях на тиранию при условии, что изгнанный вождь женится на его дочери Коесире. Писистрат с готовностью согласился на эти условия, и было решено с помощью театрального представления примирить его с народом. В одном из районов города жила женщина по имени Фия, необыкновенной красоты и высокого роста. Облаченная в полные доспехи и запряженная в колесницу, эта женщина с блеском и триумфом направлялась в город. Рядом с ней ехал Писистрат - глашатаи предвещали их шествие и возвещали о ее приближении, громко взывая к афинянам "принять Писистрата, любимца Минервы, ибо сама богиня сошла на землю от его имени".

Проницательность афинян была уже настолько острой, а хитрость показалась Геродоту настолько грубой, что простой галикарнасец вряд ли мог поверить в подлинность этой истории. Но возможно, что народ рассматривал процессию как гениальную аллегория, к адаптации которой он уже был склонен; и, подобно населению более позднего и цивилизованного народа, он приветствовал богиню, признавая проститутку [231]. Как бы то ни было, сын Гиппократоса восстановил свою власть и выполнил договор с Мегаклом, заключив брак с его дочерью. Между началом его первой тирании и вторым возвращением, вероятно, прошло двенадцать лет. Его сыновья были уже взрослыми. Отчасти из желания не увеличивать свой род, отчасти из-за суеверной нелюбви к крови Алкмеонидов, которую резня в Кайлоне все еще клеймила заразой, Писистрат вел себя по отношению к прекрасной Коесире целомудренно, либо не желая ее привязанности, либо ущемляя ее гордость. Незамужняя жена сообщила эту смертельную тайну своей матери, из уст которой она вскоре перешла к отцу. Он не смотрел на чистоту Писистрата милосердными глазами. Он считал оскорблением для себя, что его дочь должна быть так спокойна. Он вступил в союз со своими бывшими противниками против узурпатора, и опасность была столь велика, что Писистрат (несмотря на свою обычную храбрость) поспешно обратился в бегство: странный пример каприза человеческих событий, когда мужчина мог с большей безнаказанностью покорить свободу своей страны, чем оскорбить тщеславие своей жены! [232]

VIII. Писистрат, его сыновья и сторонники удалились в Эретрию на Эвбее: там они совещались о своих дальнейших действиях - должны ли они покориться своему изгнанию

или попытаться вернуть свою власть? Советы его сына Гиппия одержали верх над Писистратом; было решено еще раз попытаться захватить власть в Афинах. Соседние племена помогали изгнанникам кормом и кровом. Многие города выделили прославленному вельможе крупные суммы денег, а фиванцы превзошли всех в пагубной либеральности. Отряд аргивских авантюристов прибыл из Пелопоннеса, чтобы предложить поверженному узурпатору помощь своих мечей, а Лигдамис, житель Наксоса, сам стремившийся к управлению родным государством, увеличил свои ресурсы как деньгами, так и военной силой. Наконец, после долгого и утомительного периода, длившегося не менее одиннадцати лет, Писистрат решился на открытую войну. Во главе чужеземного войска он двинулся к Марафону и разбил свои палатки на его бессмертной равнине. Из Афин в его лагерь стекались войска недовольных, в то время как основная масса граждан, не обращая внимания на такое дезертирство, равнодушно наблюдала за его приготовлениями. В конце концов, услышав, что Писистрат разбил свой лагерь и движется к городу, афиняне очнулись от апатии и собрали свои силы, чтобы противостоять ему. Продолжая продвигать свои войска, он остановился у храма Минервы, чья земная представительница когда-то так благосклонно помогала ему, и разбил свои палатки напротив фейна. Воспользовавшись тем временем, когда афиняне во время дневного зноя были на своих развлечениях или предавались полуденному отдыху, все еще столь благодарному для жителей более теплого климата, он начал свою атаку. Вскоре он рассеял врагов и приказал своим сыновьям догнать их в бегстве, чтобы предложить им спокойно вернуться к своим делам и ничего не бояться от его мести. Его милосердие помогло его доблести, и сын Гиппократ вновь стал хозяином афинского государства.

IX. Писистрат не терял времени, укрепляя себя грозными союзами. Он сохранил множество вспомогательных войск и предоставил большие денежные ресурсы [233]. Он пощадил всех своих противников, но отправил их детей в качестве заложников на Наксос, который он сначала разрушил, а затем подчинил тирании своего помощника Лигдамиса. Многие из его ярых врагов погибли на поле боя, многие бежали от страха перед его местью. Он был невозмутим в возобновлении своей власти и, не имея мотивов для насилия, следовал естественной склонности мягкого и великодушного нрава, правя как тот, кто желает, чтобы люди забыли о средствах, с помощью которых была достигнута его власть. Писистрат питал ту страсть к литературе, которая отличала большинство выдающихся афинян. Хотя поэмы Гомера были широко известны и глубоко почитаемы задолго до его времени, он, по-видимому, более точно собрав и расположив их, а также, вероятно, введя их в более широкое и активное обращение в Афинах, в значительной степени способствовал тому замечательному импульсу к поэтическому подражанию, который эти бессмертные произведения должны были дать.

Если учесть, насколько даже в наше время, при всех преимуществах прессы, распространенная слава и интеллектуальное влияние Шекспира и Мильтона были обусловлены похвалой и критикой отдельных людей, мы можем легко понять, какую услугу оказал Писистрат Гомеру. Сам пример столь выдающегося человека должен был привлечь к поэту менее смутный и более пытливый вид восхищения; увеличение тиража копий, более частые публичные выступления - все это было приурочено к тому счастливому времени, когда люди, которые наслаждались ими, выросли из любопытного детства в подражательную и изучающую юность. И несомненно, что именно с этого периода мы должны отсчитывать заметное и всепроникающее влияние Гомера на афинскую поэзию; ведь известность поэта часто предшествует на много поколений заметному влиянию его

особого гения. Именно к последним семидесяти годам можно отнести то удивительное влияние, которое Шекспиру было суждено оказать на интеллект Европы. Литературные обязательства Афин перед Писистратом не ограничивались его усилиями в защиту Гомера: говорят, что он первым в Греции основал публичную библиотеку, сделав ее сокровища доступными для всех. И эти два блага, объединенные вместе, по праву дают удачливому узурпатору право на похвалу за то, что он первым вызвал к жизни тот интеллектуальный и литературный дух, который распространился среди афинского народа и породил образцы и шедевры мирового искусства. Именно в гармонии с этой частью своего характера Писистрат исправил вкус и социализировал привычки граждан, возведя здания, посвященные общественному культу или общественным целям, и разбил величественные сады Лицея - (впоследствии любимого места философов) - на берегу реки, посвященной песне. Таким образом, Писистрат не просто продолжил законы Солона - он привил интеллектуальные привычки, которые эти законы должны были создать. И как в круговороте человеческих событий недостатки одного человека часто подтверждают то, что было начато добродетелями другого, так, возможно, узурпация Писистрата была необходима для утверждения институтов Солона. Очевидно, что великий законодатель не был оценен по достоинству в конце своей жизни; как его личный авторитет перестал иметь влияние, так, возможно, вскоре перестал иметь силу и его кодекс. Гражданам требовался покой, чтобы изучить, прочувствовать, оценить благословения его законов, и этим покоем они обладали при Писистрате. Среди буйства яростных и уравновешенных группировок, возможно, к счастью, возвышался над остальными один человек, который, обладая мудростью, чтобы оценить установления Солона, имел власть, чтобы привести их в исполнение. Они тихо росли под его узурпированной, но благотворной властью, проникая в народ, возвышая его и постепенно приспособлявая его к свободе, которую эти институты должны были дать. Если расстройство республики привели к возвышению Писистрата, то возвышение Писистрата открыло путь к обновлению республики. Как Кромвель был представителем тех самых настроений, которые, как казалось, он ниспровергал, как Наполеон в своем лице воплотил принципы революции во Франции, так и тирания Писистрата сконцентрировала и вобрала в себя элементы той демократии, которой он скорее владел, чем свергал.

Х. Дома время и спокойствие скрепили новые законы; поэзия поставила перед подражанием афинян свой самый благородный памятник в эпосе Гомера, а трагедия принесла свои первые неспелые плоды в грубых декламациях Фесписа (535 г. до н. э.). [234] Писистрат также стремился уравновесить растущую страсть к торговле особым вниманием к сельскому хозяйству, в чем, вероятно, на него оказали значительное влияние ранние склонности, так как его партией были горцы, привязанные к сельским занятиям, а его противниками - жители побережья, занимавшиеся торговлей. Будучи политиком с большой проницательностью, он мог также знать, что люди, привыкшие к сельскохозяйственным работам, менее склонны к демократическим институтам, чем те, кто пристрастился к торговле и мануфактурам; И если бы он был автором закона, который, во всяком случае, он более жестко проводил в жизнь, требуя от каждого гражданина отчета о его способе существования и налагая наказания за безделье, он не мог бы принять более мудрые меры предосторожности против таких беспорядков, которые порождаются бедностью и праздностью, или под более справедливым предлогом установить надзор за скрытой полицией. От Аристотеля мы узнаем, что его политика заключалась в подчинении и смирении педиянов, или богатых вельмож, живших в низинах. Но сама его привязанность к сельскому хозяйству, должно быть, способствовала укреплению аристократии, а его смирение в Ареопаге свидетельствовало о желании примирить наименее демократичный из афинских дворов. Поэтому он, вероятно, действовал только против тех отдельных вождей, которые вызывали его недовольство или угрожали его власти; в его мерах мы не видим систематической и

продуманной политики, характерной для других греческих тиранов, направленной на разрушение аристократии и создание среднего класса.

XI. За границей амбиции Писистрата, хотя и не были обширными, увенчались успехом. На Геллеспонте был город Сигеум, который долгое время был предметом соперничества между афинянами и митиленцами. За несколько лет до принятия закона Солона афинский полководец Фрино был убит в одиночном бою Питтаком, одним из семи мудрецов, который вышел на поле боя, вооруженный, как римский ретиарий, сетью, трезубцем и кинжалом. Эта вражда была прекращена по решению Периандра, тирана Коринфа, который отдал афинянам Сигеум, находившийся в то время в их владении, приняв мудрое и благовидное постановление, согласно которому каждая сторона должна была оставить себе то, что получила. Эта война была примечательна главным образом инцидентом, который несколько неблагоприятно знакомит нас с самыми оживленными из лирических поэтов. Алкей, видный гражданин Митилены и, согласно древнему скандалу, неудачливый любовник Сапфо, воспылил страстью к военной славе: в первом же бою он, похоже, обнаружил, что его призвание - скорее петь о битвах, чем участвовать в них. Он бежал с поля боя, оставив за собой оружие, которое афиняне получили и повесили в Сигеуме в храме Минервы. Хотя этот единственный поступок, записанный самим Алкеем, не может служить достаточным доказательством трусости поэта, все же его характер и патриотизм более двусмысленны, чем его гений. О последнем у нас есть множество свидетельств, хотя немногие из них сохранились лишь в фригидном изяществе подражаний Горацию. Последующая слабость и гражданские раздоры в Афинах не способствовали сохранению этого далекого завоевания - митиленцы вернули себе Сигеум. Против этого города Писистрат направил свое оружие, отвоевал его у митиленцев и, вместо того чтобы присоединить его к Афинской республике, передал управление им тирании своего родного сына Гегесистрата - бурное владычество, которое доблесть бастарда защищала от постоянных нападений. [235]

XII. Но об одном происшествии, о важности которого читатель должен немного подождать, чтобы понять, я расскажу в этом месте. Среди самых могущественных афинян был знатный человек по имени Мильтиад, сын Кипсела. По происхождению он был родом с соседнего острова Эгина и принадлежал к героическому роду Эаков, но основание своего дома в Афинах он датировал не менее далеким основателем, чем сын Аякса. Мильтиад придал своему имени новый блеск победой на Олимпийских играх. Вероятно, именно во время первой тирании Писистрата [236] с этим знатным человеком случилось приключение, имевшее огромные последствия для Греции. Его семья была в числе врагов Писистрата, и этот пронзительный узурпатор относился к ней с ревливой опаской, которая кажется почти пророческой. Поэтому Мильтиаду было не по себе под властью Писистрата, и он был недоволен своим положением в Афинах. Однажды, сидя перед дверью своего дома (так выражается очаровательный Геродот, не осознавая патриархальной картины, которую он предлагает [237]), Мильтиад заметил проходящих мимо незнакомцев, чья одежда и копья указывали на то, что они чужеземцы. Это зрелище тронуло вождя, и он предложил незнакомцам воспользоваться его домом и оказать гостеприимство. Они приняли приглашение, были очарованы его любезностью и открыли ему тайну своего путешествия. На узкой территории, огибающей Геллеспонт и называемой Херсонесом, или полуостровом, жили долонцы, фракийское племя. Ведя упорную войну с соседними абсинтиями, долонкийцы отправились к дельфийскому оракулу, чтобы узнать результат поединка. Пифия посоветовала посланцам убедить первого человека, который, выйдя из храма, предложит им гостеприимство, основать колонию на их родине. Проехав на родину через Фокию и Беотию

и не получив по пути такого приглашения, посланцы свернули в Афины; Мильтиад был первым, кто предложил им гостеприимство, которого они искали; теперь они умоляли его исполнить прорицание и помочь их соотечественникам; Недовольного вельможу привлекло величие перспективы, он лично отправился в Дельфы, посоветовался с пифией, получил благоприятный ответ и, собрав всех афинян, которых мог привлечь его авторитет или уловить их собственное честолюбие, отправился в Херсонес (вероятно, до н. э. 559). С. 559). Там он укрепил большую часть перешейка, чтобы стать преградой для атак абсинтианцев, но вскоре после этого, во время вражды с жителями Лампсака, он был взят в плен врагом. Мильтиад, однако, уже успел заручиться уважением и покровительством Креза; лидийский монарх обратился к лампсакенцам с такой грозной речью, что афинянин добился своего освобождения и вернул себе новое княжество. Тем временем его брат Кимон (который был известен прежде всего своими успехами на Олимпийских играх), разделяя политические настроения своего дома, был отправлен Писистратом в изгнание. Передав блестящему тирану победу в олимпийских гонках на колесницах, он, однако, умилился Писистрата и вернулся в Афины.

VIII. Полный лет и безмятежно наслаждавшийся властью, Писистрат умер (527 г. до н. э.). О его характере уже можно судить по его поступкам: хитрый в стремлении к власти, но великодушный в ее обладании, нам остается лишь, с некоторыми оговорками, повторить хвалебную речь о нем, приписываемую его старшему родственнику Солону: "Он был лучшим из тиранов и не имел ни одного порока, кроме честолюбия".

ГЛАВА III.

Правление Гиппия.- Заговор Гармодия и Аристокитона.- Смерть Гиппарха.- Жестокости Гиппия.- Юный Мильтиад отправлен в Херсонес.- Спартанцы объединяются с Алкмеонидами против Гиппия.- Падение тирании.- Нововведения Клистена.- Его изгнание и восстановление.- Посольство к сатрапу Сард.- Ретроспективный взгляд на лидийскую, мидийскую и персидскую монархии.- Результат афинского посольства в Сарды.- Поведение Клеомена.- Победа афинян над беотийцами и халкидянами.- Гиппий прибывает в Спарту.- Речь Сосикла Коринфского.- Гиппий удаляется в Сарды.

I. После смерти Писистрата власть перешла к трем его сыновьям - Гиппарху, Гиппию и Фессалу. Хотя Гиппиас был старшим, он, похоже, пользовался более значительным авторитетом, чем остальные, поскольку во времена Фукидида и долгое время после него было распространенной ошибкой считать Гиппарха первенцем. Гиппиас был уже в зрелом возрасте, и, как мы видели, именно он советовал отцу не отчаиваться после изгнания из Афин. Он был мужественным и способным человеком, достойным своей расы. Он управлял страной с тем же бережным отношением к законам, которое отличало и укрепляло власть его предшественника. Он даже стал еще более популярным, чем Писистрат, уменьшив наполовину налог на десятину с земли, который ввел этот узурпатор. Несмотря на эти послабления, ему удалось, благодаря разумной экономии, потешить национальное тщеславие новыми украшениями города. В трудах по управлению государством ему помогал в основном его второй брат Гиппарх, человек еще более опытный и интеллектуальный. Но хотя Гиппиас не изменял законов, он выбрал своих людей для управления ими. Кроме того, что часть управления была доверена его братьям, Гиппарху и Фессалу, его сын и несколько членов его семьи были зачислены в архонты города. И те, кто по должности должен был стоять на страже свободы, стали необходимыми слугами тирана.

II. Если бы мы могли безоговорочно верить в подлинность диалога, приписываемого Платону под названием "Гиппарх", то у нас действительно был бы высокий авторитет в пользу

добродетели и мудрости этого принца. И кем бы ни был написан диалог, он ссылается на факты в отрывке, касающемся сына Писистрата, достаточно позитивным образом, чтобы побудить нас отнестись к этой части диалога с некоторым почтением. По словам автора, мы узнаем, что Гиппарх, страстно привязанный к письмам, привез Анакреона в Афины и жил вместе с Симонидом. Похоже, он был вдохновлен амбициями моралиста и распространял по городу и общественным дорогам гермы, или каменные бюсты Меркурия, которые, отвечая аналогичной цели наших мыльных камней, привлекали внимание пассажиров лаконичными апофегмами в стихах, такими как "Не обманывай своего друга" и "Упорствуй в привязанности к справедливости" - доказательства скорее простоты, чем мудрости принца. Не написав Декалог на мыльных камнях, можно устроить разбойника или обратить прелюбодея.

Похоже, что апофегматичный Гиппарх не общался с Анакреоном скорее из симпатии к его гению, чем из-за склонности к темам, которым он был посвящен. Он был пристрастен к удовольствиям, но не ограничивал их более законными объектами чувственной привязанности. Гармодий, молодой гражданин, не имевший возвышенного положения, но обладавший большой личной красотой, был оскорблен его обращением [238]. Гармодий в негодовании рассказал о замашках моралиста своему другу и наставнику Аристоклиту. Пока они размышляли о случившемся, Гиппарх в отместку за презрение Гармодия нанес публичное оскорбление сестре этого гражданина, молодой девице. Она получила приглашение принять участие в какой-то общественной процессии в качестве носильщицы одного из священных сосудов: когда она явилась, ей резко отказали, грубо заявив, что она никогда не могла удостоиться приглашения, которого была недостойна. Эта обида глубоко засела в сердце Гармодия, но еще больше - в сердце дружелюбного Аристоклита, и теперь они окончательно решили отомстить. На торжественном празднике Панафиней (в честь Минервы) было принято, чтобы многие граждане несли оружие в процессии: для этого случая они приберегли удар. Они доверили свои замыслы немногим, полагая, что, если попытка будет начата, народ подхватит заразу и спонтанно бросится отстаивать свою свободу. Праздник наступил. Вооружившись кинжалом, спрятанным в священном миртовом ветке, который несли те, кто присоединялся к процессии, заговорщики направились к тому месту в пригороде, где Гиппий руководил порядком церемонии. К своему ужасу, они увидели, что он беседует с одним из своих сторонников, и сразу же заподозрили в этом измену своего друга, которая на самом деле была откровенностью приветливого царевича. Пораженные страхом, они отказались от покушения на Гиппия, внезапно отступили в город и, встретив Гиппарха, бросились на него, ранили и убили. Аристоклит обратился в бегство - ему удалось спастись от стражи, но затем он был схвачен, и тиран "обошелся с ним не слишком мягко" [240]. Такова фраза Фукидида, которая, если принять толкование Юстина и более поздних авторов, означает, что, вопреки закону, он был подвергнут пыткам [241]. Гармодий был убит на месте. Весть о смерти брата была принесена Гиппию. Проявив удивительную проницательность и присутствие духа, он направился не к месту убийства, а к самой процессии, справедливо рассудив, что заговор раскрылся лишь частично. Весть о смерти Гиппарха еще не дошла до более отдаленных заговорщиков в процессии, и Гиппиас не выдал спокойствием своего лица никаких признаков печали или опасений. Он подошел к процессии и спокойным голосом приказал им сложить оружие и направиться в указанное им место. Они повиновались, полагая, что он хочет им что-то сообщить. Затем, обратившись к своим стражникам, Гиппий велел им схватить сложное оружие, а сам выбрал из процессии всех, кого имел основания подозревать, или на чьих лицах был обнаружен кинжал, так как шествие должно было совершаться только с открытым оружием - копьем и щитом. Так возник и так завершился заговор, благодаря которому в благороднейших стихах и в самом долгом почитании прозвучали имена Гармодия и Аристоклита. [242]

III. Самым острым точилом тирании является неудачная попытка уничтожить ее - возбудить подозрение в силе, значит почти принудить ее к жестокости. До сих пор мы видели, что Гиппий одаривал свою власть благодетельной умеренностью; смерть брата наполнила его тайной тревогой, а благосклонность народа к попытке бегства Аристокитона - легкость, с которой из личного оскорбления малоизвестного человека возник грозный заговор, - убедила его, что на искусство личной популярности можно полагаться только тогда, когда популярна сама конституция правительства.

Рассказывают также, что, будучи подвергнут пытке, Аристокитон со всей хитростью мести утверждал, что самые близкие друзья Гиппия были его сообщниками. Охваченный недоверием, Гиппий решил с помощью террора защитить власть, которую не смогло обеспечить милосердие. Он предал нескольких граждан смерти. Согласно популярным романтическим традициям, один из самых отвратительных актов его суровости был применен к женщине, достойной быть любовницей Аристокитона. Лиену, девушку скромного происхождения, любимую этим авантюрным гражданином, приговорили к пытке, и, чтобы боль не смогла вырвать у нее признания в тайнах заговора, она выкусила себе язык. Афиняне, вернув себе свободу, посвятили героине медную львицу, неуместно поставленную рядом с прославленной статуей Венеры [243]. Не полагаясь более на любовь граждан, Гиппий искал поддержки своей власти за границей; он заключил союз с Гиппоклом, князем Лампсака, выдав свою дочь замуж за сына этого тирана, обладавшего значительным влиянием при персидском дворе, на который он уже устремил свои взоры - то ли в качестве опоры для власти в настоящем, то ли в качестве убежища против неудач в будущем. [244]

По-видимому, примерно за год до смерти Гиппарха от удара убийцы погиб Стесагор, племянник и преемник того Мильтиада, который отправился из Афин, чтобы основать колонию во фракийском Херсонесе. Гиппий, очевидно, считая себя вправе, как государь родины, назначить правителя колонии, послал в Херсонес в этом качестве брата покойного, однофамильца первого основателя, отец которого, Кимон, из зависти к его власти или репутации, был убит сыновьями Писистрата [245]. Новый Мильтиад был человеком выдающихся способностей, но не слишком щепетильным в выборе средств для достижения своих целей. Прибыв к своему правительству, он глубоко скорбел о потере брата; главные вельможи различных городов Херсонеса собрались в одну общественную процессию, чтобы соболезновать ему; хитрый вождь схватил и заковал их в железа, и, напугав таким образом возможных соперников своей власти или врагов своих замыслов, он обеспечил себе бесспорное владение всем Херсонесом и поддерживал свою гражданскую власть постоянной военной силой. Брак с Гегесипилой, дочерью одного из фракийских князей, сразу же повысил достоинство и утвердил власть молодого и честолюбивого вождя. Спустя несколько лет мы увидим в этом Мильтиаде самого выдающегося воина своей эпохи, а пока оставим его в беспокойной и опасной державе и вернемся к Гиппию.

IV. Против безопасности и честолюбия тирана быстро нарастала буря. Выходной и надменный род Алкмеонидов был изгнан из Афин после победоносного возвращения Писистрата: их поместья в Аттике конфискованы, дома разрушены, гробницы уничтожены. После бесплодных попыток противостоять угнетателям они удалились в Липсидрий, крепость на высотах Парнеса, где продолжали лелеять надежду на возвращение и желание отомстить. Несмотря на конфискацию аттических владений, их богатство и ресурсы, сохраненные в других местах, были огромны. Храм в Дельфах был разрушен пожаром, они договорились с Амфикионами о его восстановлении и выполнили священную задачу с великолепием, намного превосходящим условия договора. Но в этой религиозной стране богатство, расточаемое таким образом, не было невыгодным вложением. Дельфийские

жрецы не остались равнодушными к либеральности изгнанников, а Клистен, самый выдающийся и способный из Алкмеонидов, был более чем заподозрен в подстрекательстве пифийцев. Спарта, сторонница олигархий, была врагом тиранов, и каждый спартанец, обратившийся к оракулу, торжественно обещал помочь славному предприятию освобождения афинских Евпатридов от ига Писистратидов.

Спартанцы, в конце концов, были тронуты столь неоднократно приводимыми примерами. Политика не могла не смягчить это ревнивое государство к таким призывам к ее суеверию. Под гением Писистратидов Афины стремительно набирали силу, и восстановление Алкмеонидов могло показаться спартанской проницательности лишь очередным термином для установления прежней олигархии, подавлявшей интеллект и истощавшей ресурсы деятельного и честлюбивого народа. Тогда Спарта воспрянула духом и, "нарушив, - говорит Геродот, - некоторые древние узы гостеприимства", отправила морские силы против афинского князя. Этот бдительный и умелый правитель не терял времени и обратился за помощью к своим союзникам, фессалийцам; один из их могущественных князей повел тысячу всадников против спартанцев, которые высадились в Фалеруме. Вместе с этими союзниками Гиппий сразился с врагом и разбил его, а сам спартанский вождь пал на поле битвы. Его могила долгое время была видна в Киносирхе, недалеко от ворот Афин - место, ставшее впоследствии еще более знаменитым благодаря имени философов-киников. [246]

Не опечаленные поражением, спартанцы отправили против тирана более значительные силы под командованием своего царя Клеомена. Это войско двинулось по суше, вошло в Аттику, встретило фессалийскую конницу, потерпело поражение [247] и двинулось к воротам Афин, к нему присоединились все те афиняне, которые надеялись, что с падением Гиппия воскреснут их вольности. Спартанские войска поспешили осадить афинского принца в цитадели, куда он удалился со своими войсками. Но Гиппий снабдил свое убежище всем необходимым, что могло бы поддержать его в упорном и длительном сопротивлении. Спартанцы не были готовы к осаде - блокады в несколько дней было достаточно, чтобы расстроить их, и они уже подумывали об отступлении. Внезапный случай, открывший нам в разгар насилия один из тех прекрасных проблесков человеческой привязанности, которые так часто украшают и освящают мрачные страницы истории, неожиданно обеспечил спартамцам триумф. Гиппий и его друзья, опасаясь за безопасность своих детей в цитадели, решили уединить их в каком-нибудь более безопасном месте. К несчастью, их забота не оправдалась, и дети попали в руки врага. Когда все средства для достижения успеха были в пределах досягаемости (враг измотан, гарнизон верен), родители все же смирились и добровольно пожертвовали завоеваниями и амбициями.

При единственном условии - вернуть своих детей - Гиппиас и его партизаны согласились сдать цитадель и в течение пяти дней покинуть территорию Аттики. Так, на четвертый год после смерти Гиппарха (510 г. до н. э.) и примерно через пятьдесят лет после первого установления тирании при ее блестящем основателе, афинское владычество ушло из дома Писистрата.

V. Партия Гиппия, побежденная не мечами врага, а мягкими порывами природы, переправилась через поток незапамятной Скамандры и нашла убежище в Сигее, все еще под властью Гегесистрата, родного брата изгнанного принца.

Как только давление одной верховной власти было устранено, две партии, воплощающие аристократические и народные принципы, оживились. Государство должно было стать республикой, но какой? Знать, естественно, стремилась к преобладанию - во главе ее стоял Евпатрид Исагор; партийная борьба всегда имеет тенденцию приводить к народным

результатам, даже из элементов, казалось бы, самых враждебных. Клистен, глава Алкмеонидов, по происхождению был даже более знаменит, чем Исагор; ведь среди знати семья Алкмеонидов занимала главенствующее положение. Но, не сумев добиться единоличной власти в государстве, Клисфен и его партия не пожелали уступить более многочисленной фракции равных. Изгнание и страдания Алкмеонидов, несомненно, обеспечили им большую часть народного сострадания; их доблестная борьба с узурпатором и конечная победа над ним вызвали народный энтузиазм; поэтому вполне вероятно, что между этой высокородной фракцией и народом в целом возникла почти неосязаемая симпатия; и когда, будучи не в состоянии справиться с партией знати, Клисфен присоединился к движению общинников, враг тирана оказался на своем естественном месте - во главе демократии. Однако Клисфен был скорее государственным деятелем партии, чем законодателем народа: его целью было навсегда сломить власть крупных собственников, но не как врагов государства, а как соперников его фракции. Самый верный способ уменьшить влияние собственности на выборы - это изменить избирательные округа таким образом, чтобы вывести избирателей из-под непосредственного контроля отдельных собственников. При старом ионическом и наследственном делении на четыре племени неизбежно возникали многие древние ассоциации и связи между бедными и знатными классами. Одним смелым нововведением, важность которого не сразу стала очевидной, Клисфен отменил эти почтенные деления и, проведя новое географическое исследование, создал десять племен вместо прежних четырех. Они снова были разделены на округа, или демы; их число, по-видимому, варьировалось, но в ранний период их было не менее ста, а в более поздний - более ста семидесяти. К этим демам переходили все политические права и привилегии тех подразделений, которые они вытеснили. В каждом из них был местный магистрат и местные собрания. Подобно корпорациям, эти мелкие законодательные суды способствовали созреванию морального духа демократии и одновременно готовили людей к осуществлению более широких прав, которых они требовали. Следствием изменения численности племен стало увеличение числа членов сената, которое теперь возросло с четырех до пятисот человек.

Клисфен не ограничился этим изменением в учредительных органах - он увеличил общее число избирателей; были приняты новые граждане - аиены - и, как предполагают некоторые, хотя и на основании довольно смутных данных, несколько рабов были наделены избирательными правами. Однако недостаточно было увеличить число людей, необходимо было также предотвратить возвышение одного человека. Воодушевленный примером других греческих государств и предупрежденный тиранией Писистрата, Клисфен ввел институт остракизма [248]. Вероятно, примерно в тот же период способ избрания на государственные должности в целом был изменен с публичного голосования на тайный жребий [249]. Очевидно, что эти изменения, будь то полезные или пагубные, не были необдуманными или неоправданными. Прежней конституции было недостаточно, чтобы защитить республику от тирании: что-то недостаточное в механизме законодательства Солона в течение полувека препятствовало его практическим намерениям. Поэтому для существования свободного государства необходимо было что-то изменить; и то, с какой тщательностью эти изменения были направлены на уменьшение аристократического влияния, само по себе является доказательством того, что именно это влияние было прибежищем победившей тирании. Сами афиняне всегда рассматривали нововведения Клистена лишь как естественное развитие народных институтов Солона; и этот решительный и энергичный аристократ, похоже, действительно был одним из тех грубых, но полезных инструментов, с помощью которых из неоконченных теорий великих государственных деятелей часто вырабатываются более практичные и совершенные действия.

VI. Между тем Исагор, побежденный своим соперником, имел подлое честолюбие обратиться к спартанскому мечу. Древний скандал приписывает Клеомену, царю Спарты, неподобающую связь с женой Исагора, а всем известно, что самым любящим другом рогоносца неизменно является прелюбодей; национальная политика основания аристократий была, однако, несомненно, более серьезным мотивом у спартанского царя, чем его желание помочь Исагору. Клеомен публично объявил об изгнании Клистена под легкомысленным предлогом, что Алкмеониды все еще осквернены наследственным святотатством Килона. Клисфен удалился из города, а спартанский царь во главе незначительного отряда снова вошел в Афины, изгнал по приказу Исагора семьсот афинских семей, как виновных в мнимом загрязнении Клисфена, распустил сенат и передал все государственные должности олигархии из трехсот человек (число и совет, основанные на дорийских привычках), каждый из которых был креатурой Исагора. Но знатное собрание, которое он насильно распустил, отказалось повиноваться его приказам; они обратились к народу, которого одновременно возбудила доблесть свободы, и цитадель, которой мгновенно овладели Исагор и спартанцы, была осаждена всей мощью Афин. Заговорщики продержались всего два дня; на третий они приняли условия осаждающих и мирно покинули город. Некоторые из афинян, которые разделяли измену, не участвуя в бегстве, были справедливо казнены. Клисфен с семьями, изгнанными Клеоменом, был отозван, и таким образом Афинская республика была счастливо восстановлена.

VII. Но железная месть этого народа воинов, до сих пор успешно храброго, не вызвала у афинян тревоги. Они чувствовали, что Клеомен лишь отказался от своих замыслов, чтобы вернуться к ним более подготовленным к борьбе, а Афины еще не были в том состоянии, чтобы противостоять решительной и не щадящей себя энергии Спарты. Афиняне окинули взглядом греческие государства: многие из них были в союзе с Лакедемоном, в некоторых правили тираны, другие были отвлечены своими собственными гражданскими раздорами; не было ни одного, от которого новое сообщество могло бы надеяться на достаточную помощь против мести Клеомена. В этой дилемме они прибегли к единственной помощи, которая сама собой напрашивалась, и искали за пределами Греции союза с варварами. Они направили официальное посольство к Артаферну, сатрапу Сард, чтобы заручиться поддержкой Дария, царя Персии.

Сопровождая афинян в этой миссии, полной интереса, так как это была первая публичная сделка между республикой и персидским тронem, я делаю паузу, чтобы сделать быстрый обзор происхождения этой могущественной империи, судьбы которой отныне стали частью истории греческих несчастий и греческой славы. Этот обзор начинается с основания Лидийской монархии.

VIII. Среди греческих колоний Азии, чей подъем мы отмечали, вокруг и над холмом, откуда открывается вид на просторные и плодородные равнины, орошаемые потоками Кайстера и Меандра, обосновалось древнее пеласгическое племя, называемое маэонянами. Согласно Геродоту, эти поселенцы рано получили название лидийцев от Лида, сына Атиса. Дорийская революция не пощадила эти восхитительные места, и династия Гераклидов, как говорят, царствовала пятьсот лет над маэонцами; их, в свою очередь, вытеснила раса, известная нам как мермнады, основатель которой, Гигес, убил и сверг последнего из Гераклидов, и с новой династией, кажется, начал новую, менее азиатскую политику. Гигес, поддержанный дельфийским оракулом, был первым варваром, за исключением одного из многочисленных фригийских царей, претендовавших на имя Мидаса, который принес вотивные жертвы этой греческой святыне. С его времени это пестрое племя, связующее Элладу с Востоком, часто вступало в столкновения с греческими колониями. Сам Гигес вел войну с Милетом и

Смирной и даже захватил Колофон. С Милетом же вражда лидийцев стала наследственной и возобновлялась с разным успехом потомками Гигеса, пока во времена его правнука Алятта двенадцатилетняя война с этой великолепной колонией не завершилась торжественным миром и строгим союзом. Тем временем основанная Гигесом мелкая, но воинственная монархия уберегла азиатских греков от опасностей, более грозных, чем собственное честолюбие. С давних пор дикие и свирепые племена, среди которых выделялись треры и киммерийцы, часто опустошали внутренние равнины - то для грабежа, то для поселения. Магнесия была полностью разрушена триерами, даже Сарды, столица Мермнады, были взяты киммерийцами, кроме цитадели. Аляттесу было поручено положить конец этим грозным нашествиям, и Азия была окончательно освобождена его оружием от народа, в котором современная эрудиция слишком пристрастно прослеживает предков кимров, или древних бриттов [250]. На смену этому предприимчивому и способному королю пришел еще более прославленный монарх, который должен был найти в своем гении ту славу, которую он извлек из своих несчастий. В возрасте тридцати пяти лет Крез вззошел на лидийский престол. До этого он вместе с отцом участвовал в управлении государством и отличился на военной службе; мудрый, опытный, но при этом хваткий и амбициозный, этот замечательный монарх теперь завершил замыслы своих предшественников. Начав с Эфеса, он добился подчинения всех греческих колоний на западном побережье Азии; оставив каждому государству его прежние институты, он умеренно удерживал то, что получил силой.

Крез собирался построить флот, чтобы присоединить к своим владениям Эгейские острова, но, как рассказывают, его отговорила от этой цели глубокая остроота одного из семи мудрецов Греции. "Островитяне, - сказал мудрец, - собираются штурмовать тебя в твоей столице Сардах с десятью тысячами конницы". "Ничто не может доставить мне большего удовольствия, - сказал царь, - чем увидеть, как островитяне вторгнутся на лидийский континент с всадниками". "Верно, - ответил мудрец, - и такое же удовольствие получат островитяне, когда лидийцы нападут на них с флотом. Чтобы отомстить за свои бедствия на суше, греки не желают ничего лучшего, чем встретиться с вами на океане". Ответ просветил царя, и, вместо того чтобы снаряжать свой флот, он вступил в дружественный союз с ионийцами на островах [251]. Но его честолюбию было достаточно помешать в одном направлении, чтобы пустить корни в другом; и он обратил свои захватнические войска против своих соседей на континенте, пока постепенно не покорил почти все народы, кроме ликийцев и киликийцев, на запад до Халиса. Так быстро и величественно из немногочисленного племени и ограниченной территории старых мазонян выросла малоазийская монархия.

IX. Слава Креза укрепилась, его столица Сарды стала местом отдыха мудрых и отважных людей, как в Азии, так и в Греции. Во многих отношениях лидийцы так близко напоминали греков, что это наводило на мысль о родстве, которое исторические свидетельства едва ли позволяют нам утверждать с полной уверенностью. Нравы и обычаи обоих народов не сильно отличались, за исключением того, что у лидийцев, как и по всему Востоку, женщинам уделялось мало внимания; они были одинаковы в своем культивировании искусств и уважении к религиозным оракулам, а Дельфы, в особенности, были неумеренно обогащены расточительным суеверием лидийских царей.

Традиция, приписывающая лидийцам изобретение чеканных денег, свидетельствует об их торговых привычках. Соседний Тмолус изобиловал золотом, которое воды Пактола приносили на самые улицы города. Их промышленность была направлена на производство предметов роскоши, а не необходимости. Их пурпурные одежды, их мастерство в обработке металлов, их рынки для рабов и евнухов, их экспортная торговля некованым золотом - все это

является достаточным свидетельством как масштабов, так и характера их цивилизации. Однако природа восточного правительства не преминула пагубно отразиться на более простых и полезных направлениях их энергии. Похоже, что они никогда не работали на золотых приисках, крупницы которых доставлял им беспечный Пактолус. Их первые традиционные колонии были доставлены на греческих кораблях. Великолепные подарки, которыми они обогатили эллинские храмы, похоже, были изготовлены греческим искусством, и даже преимущества торговли они, кажется, скорее терпели, чем искали. Но каким должен был стать народ, так внезапно вознесшийся в великолепие, управляемый мудрым князем и, возможно, стимулированный к окончательной свободе примером европейских греков, невозможно предположить; возможно, эллинами Востока.

Однако в этот период такого могущества и таких обещаний падение Лидийской империи было предreshено. Вдали от плодородных полей и великолепной столицы Лидии, среди стерильных гор, населенных простой и выносливой расой, возшла знаменательная звезда персидского Кира.

X. Жертва той роскоши, которая утверждает свободное, но разрушает деспотическое государство, обширные основы Ассирийской империи разрушались, когда новая монархия, которой суждено было стать ее преемницей, возникла среди одного из подвластных ей народов. Разделенная на различные племена, каждое из которых зависело от ассирийского скипетра, воинственная, странствующая и примитивная раса, известная нам под именем медов. Вождь одного из племен Дейокс сумел объединить эти разрозненные части в единый народ, построил город и основал независимый трон. Его сын, Фраортес, подчинил персов своему игу, прошел через всю Азию до Ниневии и в конце концов погиб в битве со значительной частью своей армии. Сменив своего сына Киаксара, этот монарх осуществил амбициозные замыслы своих предшественников. Он организовал разношерстные орды, составляющие восточную армию, в эффективную и грозную дисциплину, победил ассирийцев и осадил Ниневию, когда мощный натиск скифских полчищ привлек его внимание на родину. Поражение, одним ударом лишившее этого великого царя владычества в Азии, было в конце концов восстановлено вероломной расправой над скифскими вождями (606 г. до н. э.). Медяне вернули себе власть и продолжили свои завоевания - Ниневия пала, и из всего Ассирийского царства только Вавилон остался непокоренным медяками. В этой вновь созданной и широко раскинувшейся империи преемником стал Астиагес, сын удачливого Киаксара. Но обычно завоевательные племена перенимают привычки и развращаются пороками покоренных народов, среди которых поселяются захватчики; и мирное правление Астиагеса было достаточным для того, чтобы угасить тот бдительный и воинственный дух в расе победителей, благодаря которому только и могут сохраниться огромные империи Востока от их естественной тенденции к упадку. Персы, покоренные внуком Астиага, воспользовались поводом для восстания. Среди них восстал родной герой, Генгиз-хан древнего мира. Из небылиц, заслоняющих его историю, можно предположить, что Кир, или Хосру, был, возможно, связан кровными узами с Астиагесом, и, что более вероятно, этот слабый и ленивый монарх доверил ему командование персами. Как бы то ни было, ему удалось объединить под своими знаменами воинственное и незапятнанное население, свергнуть Медийскую монархию и передать династии, уже изможденной преждевременной старостью, энергичную и устремленную молодость горной расы. Таков был грозный враг, который теперь угрожал восходящей славе лидийского царя.

XI. Крез был в кровном союзе со свергнутым Астиагом, и личная обида на свержение своего родственника сочеталась с его тревожными опасениями по поводу амбиций победителя. Менее проницательный принц мог бы легко предвидеть, что персы едва ли будут в

безопасности в своих новых владениях, прежде чем богатства и владения Лидии соблазнят беспокойную корысть их вождя. После долгих размышлений о том, как поступить, Крез обратился за советом к самым знаменитым оракулам Греции и даже к оракулу ливийского Аммона. Ответ, полученный из Дельф, польстил склонностям царя больше, чем все остальные. Ему сообщили, что "если он будет вести войну с Персией, то могущественная империя будет низвергнута, и посоветовали искать союза с самыми могущественными государствами Греции". Обрадованный ответом, которому его надежды давали лишь одно толкование, царь осыпал дельфийцев новыми подарками и получил от них взамен для своего народа и себя честь первенства перед всеми другими народами в обращении к оракулу, почетное место в храме и право гражданства Дельф. И вновь обратился роковой монарх к оракулу с вопросом, может ли его власть когда-нибудь рухнуть. Пифия ответила: "Когда мул воссядет на престол над мидянами, лети, мягкий лидиец, по галечным водам Гермуса". Находчивый Крез не нашел в этом ответе причин для тревоги, уверенный, что мул никогда не сможет стать государем медян. Воодушевленный таким образом, сын Алятты приготовился противостоять, пока еще есть время, продвижению персидского оружия. Он собрал все силы, которые мог собрать из своих провинций, переправился через Халис, вошел в Каппадокию, опустошил окрестности, разрушил несколько городов и, наконец, встретил на равнинах Птерии персидскую армию. Победа осталась нерешенной, но Крез, не удовлетворенный тем, что возглавляемое им войско уступает Киру, вернулся в Сарды, отправил посланников за помощью в Египет и Вавилон и распустил на время дисциплинированных наемников, которых он привел в Каппадокию. Но Кир был осведомлен о передвижениях врага, и форсированным и быстрым маршем прибыл в Сарды и расположился лагерем перед их стенами. Его армия была распущена, его союзники едва ли достигли его посольств, но Кир все же показал себя равным опасности своей судьбы. Его лидийцы были одними из самых доблестных среди азиатских народов - они ловко владели своим национальным оружием, копьем, и славились мастерством и доблестью своей кавалерии.

XII. На широкой равнине, в непосредственной близости от царского Сардиса, омываемого "галечным потоком Гермуса", лидийская конница встретила войско Кира и была разбита. Город был осажден и взят, а мудрейший и богатейший из восточных царей отныне превратился в мелкого вассала, отправленного в качестве гостя или пленника в медийский город близ Экбатаны [252]. Пророчество исполнилось, и могущественная империя была низвергнута. [253]

Греческие колонии в Азии во время Лидийской войны сопротивлялись натиску Кира и хранили верность Крезу; теперь у них появилась причина опасаться мести завоевателя. Ионийцы и эолийцы, посланные требовать помощи от Лакедемона, наравне с ними были привержены лидийскому делу. Но спартанцы, скорее осторожные, чем отважные, не увидели особой выгоды в столь неравном союзе. Они решительно отказались от предложения колонистов, но после их ухода осторожно отправили судно с пятьюдесятью веслами наблюдать за действиями Кира и, наконец, послали Латрина, выдающегося спартанца, сообщить монарху Персидской, Мидийской и Лидийской империй, что любой ущерб, нанесенный греческим городам, будет воспринят спартанцами с негодованием. Кир с вежливым удивлением спросил у собравшихся греков: "Кто эти спартанцы?" - и, выяснив, сколько мог, об их военной силе и общественных привычках, ответил: "Люди, которые имеют большое пространство в центре своего города для обмана друг друга, не могут быть для него предметом ужаса": так мало уважал этот выносливый воин приличные ораторские и торговые мошенничества. Между тем он услужливо добавил, "что если он будет здоров, то их забота об ионийских бедах, возможно, сольется с величием их собственных". Вскоре после этого Кир

устремился вперед, осуществляя свои грандиозные замыслы, разгромил Ассирию и пронесся по руслу Евфрата в вавилонские дворцы и залы писаного Белшаззара. Его сын, Камбиз, добавил к обширным завоеваниям Кира мистический Египет, а на трон Азии, известный европейской истории под именем Дария, взошел чужой по крови великий победитель, по суеверной случайности или в результате политических интриг. Полководцы Кира подчинили персидскому игу ионийские колонии; остров Самос (первый из подчиненных островов) был впоследствии завоеван сатрапом Сардиса, и Дарий, который, движимый честолюбием своих предшественников, без особого успеха повел огромное войско против странствующих скифов, по возвращении присоединил к новой монархии Лесбос, Хиос и другие острова в Эгейском море. Как в часто аналогичной истории италийских республик при каждом вторжении германского императора мы видим, что какой-нибудь хитрый дворянин из свободного государства присоединялся к знамени Фридриха или Генриха в надежде получить от императорской милости тиранию своего собственного города, так и в греческих колониях не было недостатка в смелых и честолюбивых людях, которые стекались к персидским знаменам и, в благодарность за свои заслуги против скифов, получали в награду верховное управление своими родными городами. Так частный гражданин Коэс был поднят против тирании Митилены, а Гистиэй, уже владевший Милетом, был утвержден Дарием в нем. Тем временем Мегабаз, полководец персидского монарха, во главе восьмидесятитысячной армии покорил Фракию и сделал Македонию данницей персидского престола. Устроив, как он считал, дела империи в Малой Азии, Дарий поставил своего брата Артаферна в могущественной сатрапии Сарды и вернулся в свою столицу Сузы.

XIII. К этому сатрапу, брату этого могущественного монарха, прибыли послы из Афин. Бросим взгляд на карту древнего мира - и увидим огромную окружность персидского царства, простиравшуюся почти над всем цивилизованным земным шаром. На востоке до Инда не было видно границ. На севере империя простиралась до Каспийского и Эвксинского морей с крутым Кавказским хребтом, который не преодолевали даже самые смелые из первых азиатских завоевателей. К востоку от Каспия реки Оксус и Иаксартес отделяли подданных великого царя от тартарских набегов; Аравийский полуостров с его горящими песками служил барьером на юге, а западные территории империи, включая Сирию, Финикию, плодородные сатрапии Малой Азии, омывались Средиземным морем. Внезапно отвлекаясь от этой огромной империи, давайте попытаемся обнаружить те владения, из которых были отправлены афинские послы: далеко внизу, в отдаленном уголке земли, мы наконец увидели едва различимый уголок Аттики со столицей в Афинах - владения, длина которого в самом крайнем случае измерялась шестьюдесятью географическими милями! Теперь мы можем судить о том, с каким снисходительным удивлением брат Дария выслушал послов народа, слава которого передана потомкам. Однако в его ответе не было ничего неестественного или излишне высокомерного. "Пришлите Дарию, - приветливо сказал сатрап, - землю и воду (привычные символы почтения), и он примет ваш союз". Послы посовещались и, впечатленные могуществом Персии и осознанием собственного недружелюбного положения, приняли предложения.

Если, только что ознакомившись с неизмеримым неравенством сил между двумя государствами, мы не можем не признать, что ответ сатрапа был таким, какого можно было ожидать, то не без трепета сочувствия и восхищения узнаем, что едва послы вернулись в Афины, как получили от горстки граждан суровый выговор за свою покорность. Возмущенный предложением сатрапа, этот храбрый народ больше не возвращался к мысли о союзе. В надменном терпении, без поддержки и в одиночестве, они ожидали разразившейся бури, которую предвидели.

XIV. Тем временем Клеомен, удрученный неудачей своего покушения на афинские свободы и полагая, в истинном духе несправедливости, что он был скорее обиженным, чем агрессором, собрал войска в разных частях Пелопоннеса, не раскрывая, однако, цели, которую он имел в виду [254]. Эта цель была двоякой - месть Афинам и восстановление Исагора. В конце концов он сбросил маску и во главе значительного войска захватил священный город Элевсис. Одновременно со спартанцами беотийцы силой овладели Эноем и Гисиксом - двумя городами на краю Аттики, а из Халкиса (главного города острова Эвбея, примыкавшего к аттическому побережью) грозная банда опустошила афинские территории. Оказавшись под угрозой такого тройного вторжения, афиняне приняли быстрые и энергичные меры. Оставив пока без внимания вторжения беотийцев и халкидян, они выступили со всеми силами против Клеомена в Элевсисе. Обе армии были готовы к сражению, когда внезапный переворот в спартанском лагере избавил афинян от самого сильного из их врагов. Коринфяне, подстрекаемые Клеоменом к мерам, о цели которых они сначала не знали, внезапно ушли с поля боя. Сразу же после этого между Клеоменом и Демаратом, другим царем Спарты, который до сих пор поддерживал своего коллегу во всех его замыслах, вспыхнул раздор, и Демарат поспешно покинул Элевсис и вернулся в Лакедемон. При таком разладе между царями Спарты, сопровождавшемся отделением коринфян, остальные конфедераты разбили лагерь, вернулись домой и оставили Клеомена с такими скудными силами, что он был вынужден отказаться от обиды и мести и отступить от священного города. Теперь афиняне направили оружие против халкидян, отступивших на Эвбею; но, столкнувшись с беотийцами, шедшими на помощь своему островному союзнику, они вступили с ними в бой и победили их со значительной резней. Окрыленные победой, афиняне не остановились на достигнутом - в тот же день они переправились через узкий пролив, отделявший их от Эвбеи, и одержали вторую, столь же значительную победу над халкидянами. Там они подтвердили свое завоевание, поселив четыре тысячи колонистов [255] на плодородных лугах Эвбеи, которые островитяне отдали под выпас своих лошадей. Афиняне с триумфом вернулись в свой город. За две мины за каждого выкупили многочисленных пленников и подвесили их на цепях к стенам цитадели. Десятая часть общего выкупа была посвящена покупке медной колесницы, поставленной у входа в цитадель, с надписью, посвящавшей ее богине-покровительнице Афины.

"Не только на примере афинян, - продолжает отец истории, - но и из всеобщего опыта мы узнаем, что равная форма правления является наилучшей. Находясь в подчинении у тиранов, афиняне не превосходили в войне никого из своих соседей; освободившись от угнетателя, они превосходили их всех; очевидное доказательство того, что, управляемые одним человеком, они напрягались слабо, потому что напрягались для господина; получив свободу, каждый человек стал ревностным, потому что его ревность была направлена на него самого, а его индивидуальный интерес - на общее благо". [256] Достопочтенная похвала и точное разграничение! [257]

XV. Беотийцы, возмущенные поражением, отправились к пифийскому оракулу, чтобы узнать, как лучше отомстить. Пифия посоветовала заключить союз с ближайшими соседями. Беотийцы, которые, несмотря на то, что вдохновляющий Геликон освятил их владения, считались тупой и туповатой расой, истолковали этот ответ в пользу жителей скалистого острова Эгина - конечно же, не ближайших соседей, если бы этот вопрос решали географы. Богатые жители этого прославленного острова, который, возвышаясь над той частью Эгейского моря, которая называется Синус Сароникус, мы можем и сейчас наблюдать в ясном небе с высот Филе, давно питали ненависть к афинянам. Они охотно приняли предложенный беотийцами союз, и два государства совместно опустошили побережье Аттики. Пока афиняне готовились отомстить за нападение, они получили предупреждение от

дельфийского оракула, который предписывал им воздерживаться от любых военных действий с жителями Эгины в течение тридцати лет, по истечении которых они должны были воздвигнуть фантом Эаку (сыну Юпитера, от которого, по преданию, остров получил свое название), и тогда они смогут начать войну с успехом. Афиняне, услышав ответ, отсрочили указанное оракулом время, сразу же воздвигнув на своем форуме храм Эаку. Последующие обстоятельства не позволили им отложить ведение войны на тридцать лет. Тем временем неутихающий гнев их старого врага, Клеомена, требовал их полного внимания. В характере этого свирепого и беспокойного спартамца мы с самого начала его карьеры распознаем отпечаток того безумия, жертвой которого он впоследствии стал [258]. В своей ранней жизни, во время войны с аргивянами, он сжег пять тысяч беглецов, поджег рощу, из которой они убежали, - поступок вопиющей нечестивости, не менее свирепой жестокости, согласно нежным суевериям греков. Во время своего пребывания в Элевсисе он бесцеремонно нарушил таинственное святилище Оргаса - место, более других освященное элевсинскими богам. Его действия и предприятия были неизменно непоследовательны и туманны. Он вступает в Афины, чтобы восстановить ее свободы; объединяется с Исагором, чтобы уничтожить их; предпринимает попытку революции в этом энергичном государстве без какой-либо надлежащей подготовки; захватывает цитадель сегодня, чтобы с позором покинуть ее завтра; вторгается в Элевсис с армией, которую он не может собрать вместе, и, в смехотворной хитрости, свойственной безумцам, скрывает от своих союзников самого врага, против которого они должны сражаться, чтобы, как можно было ожидать с точки зрения здравого смысла, быть покинутым ими в момент битвы. И вот, продолжая противоречивость своего поведения, тот, кто изгнал Гиппия из Афин, убеждает спартанское собрание восстановить того самого тирана, которого изгнало спартанское оружие. Чтобы возбудить страх своих соотечественников, Клеомен [259] утверждал, что обнаружил в афинской цитадели некие прорицания, до тех пор неизвестные, предвещающие спартамцам множество мрачных и странных бедствий от рук афинян [260]. Проницательные люди, к которым обратился царь, были движимы скорее политическими интересами, чем религиозными предостережениями. Они заметили, что, будучи угнетены тиранией, афиняне были слабы и раблепны, но, получив преимущества свободы, скоро достигнут могущества, равного их собственному [261]; а при восстановлении тирана их проницательность предвещала падение соперника.

XVI. Гиппий, до сих пор проживавший со своим сводным братом в Сигее, был приглашен в Лакедемон. Он прибыл, спартамцы собрали послов от разных племен и на совете в полном составе изложили политику Спарты.

"Друзья и союзники, мы признаем, что ошиблись; введенные в заблуждение обманчивыми оракулами, мы изгнали из Афин людей, объединенных с нами древним гостеприимством. Мы восстановили республиканское правление у неблагодарного народа, который, забыв, что нам он обязан своей свободой, изгнал из своих рядов наших подданных и нашего царя. С каждым днем они проявляют все более свирепый дух, доказательства чего уже испытали на себе беотийцы, халкидяне и могут быстро распространиться на других, если они вовремя не примут мудрые и полезные меры предосторожности. Мы ошиблись - мы готовы искупить свою вину и помочь вам в наказании афинян. С этим намерением мы созвали Гиппия и вас самих, чтобы общим советом и объединенным оружием вернуть сыну Писистрата владычество и достоинство, которых мы его лишили".

Настроение спартамцев не нашло поддержки в собрании. После мертвого и леденящего душу молчания поднялся Сосикл, посол от Коринфа, чей благородный ответ раскрывает нам истинную причину отделения коринфян в Элевсисе.

"Мы можем ожидать, - сказал он с возмущенным красноречием, - что земля займет место неба, поскольку вы, о спартанцы, замышляете ниспровержение равных законов и восстановление тиранических правительств - замысел, который не может быть более несправедливым, более злобным. Если вы считаете правильным, чтобы государствами управляли тираны, спартанцы, то прежде чем устанавливать тиранию для других, установите ее для себя! Вы недостойно поступаете со своими союзниками. Вы, которые так тщательно оберегаетесь от вторжения тирании в Спарту, - если бы вы знали ее так же, как мы, вы бы лучше понимали, какие бедствия она влечет за собой: послушайте о некоторых ее последствиях". (Здесь посол подробно рассказал о жестокостях Периандра, тирана Коринфа). "Таково, - сказал он в заключение, - тираническое правительство - таковы его последствия. Велико было наше изумление, когда мы узнали, что это вы, о спартанцы, послали за Гиппием, - вашим чувствам мы удивляемся еще больше. О боги, небесные хранители Греции, мы просим вас не устанавливать тирании в наших городах. Если ты будешь упорствовать в своем намерении - если, вопреки всякой справедливости, попытаешься восстановить Гиппия, - знай, что коринфяне никогда не одобряют твоих замыслов".

Напрасно Гиппий, несмотря на свои способности, несмотря на одобрение спартанцев, пытался противостоять впечатлению от этой суровой речи, напрасно он опирался на заявления оракулов, напрасно взывал к ревности коринфян и уверял их в честолюбии Афин. Конфедераты единодушно поддержали чувства Сосикла и призвали спартанцев не санкционировать никаких нововведений, наносящих ущерб свободе ни одного города Греции.

XVII. Провал столь открыто выдвинутых предложений - еще одно доказательство опрометчивости и непредусмотрительности Клеомена, который, как обычно, был готов ко всем замыслам и не был готов ни к одному. Спартанцы отказались от своего замысла, и Гиппий, удрученный, но не подавленный, покинул лакедемонскую столицу. Некоторые из фессалийских вождей, а также македонский принц предложили ему почетное убежище в своих владениях. Но неукротимое честолюбие Гиппия желало получить не убежище, а союзника. Он вернул себе Сигеум, а затем, отправившись в Сарды, обратился за помощью к сатрапу Артаферну. Тот, кто в благоденствии был тираном, в несчастье стал предателем своей страны; сын Писистрата приложил все усилия своего наследственного таланта убеждения, чтобы склонить сатрапа не столько к восстановлению узурпатора, сколько к тому, чтобы подчинить Афинскую республику персидскому игу [262]. Прибытие и интриги этого грозного гостя при сардийском дворе вскоре достигли ушей бдительных афинян; они послали к Артаферну, увещевая его не доверять тем, чьи проступки изгнали их из Афин. "Если вы хотите мира", - ответил сатрап, - "отзовите Гиппия". Вместо того чтобы согласиться на это условие, этот храбрый народ в своей ничтожной доле, выпавшей на долю Греции, предпочел считаться врагом огромной монархии Персии. [263]

ГЛАВА IV.

Гистизей, тиран Милета, удаляется в Персию; управление городом поручается Аристагору, который с помощью персов вторгается на Наксос; успех экспедиции; Аристагор решает восстать против персов; возвращается в Спарту и в Афины; афиняне и эретрийцы склоняют ионийцев к помощи.-Сожжение Сард.- Ионийская война.- Судьба Аристагора.- Морское сражение при Ладе.- Падение Милета.- Уменьшение Ионии.- Мильтиад.- Его характер.- Мардоний заменяет Артаферна в Лидийской сатрапии.- Вражда между Эгиной и Афинами.- Поступок Клеомена.- Демарат свергнут.- Смерть Клеомена.- Новая персидская экспедиция.

I. Мы видели, что Дарий вознаграждал данью услуги греческих вельмож во время своей скифской экспедиции. Самым выдающимся из этих заместителей тирана был Гистий, тиран Милета. Обладая этим саном до связи с Дарием, он получил от щедрости монарха участок земли у реки Стримон во Фракии, достаточный для возведения города под названием Мирцин. Своему двоюродному брату, Аристагору, он передал управление Милетом, а сам активно занялся основанием колонии, которая обещала стать одной из самых могущественных, какие только были созданы в Милете. Место для младенческого города было выбрано с удивительной продуманностью на судоходной реке, вблизи рудников и ключа торгового сообщения между длинной цепью фракийских племен с одной стороны и торговыми предприятиями греческих городов с другой. Гистий описывал стены, которыми были окружены древние города, когда Мегабазу, командующему войсками, предназначенными для завершения завоевания Фракии, хватило смекалки предупредить персидского царя, находившегося в то время в Сардах, о возможных последствиях царского пожертвования. "Разумно ли ты поступил, государь, - сказал он, - разрешив этому способному и деятельному греку возвести новый город во Фракии? Не знаете ли вы, что эта благодатная земля, изобилующая серебряными рудниками, обладает также всеми преимуществами для строительства и оснащения кораблей; там смешались дикие греки и бродячие варвары, созревшие для предпринимательства и готовые исполнить приказ любого решительного и честолюбивого вождя! Опасаясь возможности гражданской войны, пресеките честолюбие Гистиея, прибегните к хитрости, а не к силе, возьмите его в свою власть и не допустите его возвращения в Грецию".

Дарий последовал совету своего полководца, послал за Гистиеем, засыпал его комплиментами и, притворившись, что не может жить без его советов, увез его из фракийского поселения в персидскую столицу Сузы. Его родственник, Аристагор, продолжал управлять Милетом, в то время самым надменным и процветающим из ионийских государств; но Наксос, уступая ему в могуществе, превосходил его в богатстве; плодородная почва этого прекрасного острова, многочисленное население, удобное местоположение, богатые ресурсы привлекли корыстолюбие Аристагора; Он воспользовался гражданским беспорядком, во время которого многие вельможи были изгнаны народом, принял изгнанников и, под предлогом их восстановления, задумал присоединить крупнейший из Кикладских островов к тирании Милета.

Он уговорил вероломных вельмож позволить ему вступить в переговоры с Артаферном, успешно представил сатрапу преимущества присоединения жемчужины Киклад к персидской диадеме, и Дарий, прислушавшись к совету своего делегата, отправил двести судов для вторжения на Наксос (501 г. до н. э.) под командованием своего родственника Мегабата. Однако между персидским полководцем и правителем Милета возникла ссора. Мегабат, не имея достаточно сил, чтобы сокрушить тирана, тайно сообщил наксийцам о готовящемся нападении; подготовившись к штурму, они так хорошо держались в своем городе, что после четырехмесячной осады денежные ресурсы не только Мегабата, но и Аристагора были исчерпаны, и захватчики были вынуждены отступить с острова. Теперь Аристагор увидел, что попал в яму, которую вырыл для других: его казна истощилась, он влез в большие долги перед персидским правительством, которое обязывало его возместить все расходы на предприятие, он боялся недовольства Мегабата и разочарования Артаферна и предвидел, что его неудачи могут послужить разумным поводом для отстранения его от управления Милетом. Пока он сам размышлял над отчаянной мерой - восстанием, в Милет неожиданно прибыл тайный гонец от Гистиея. Этот хитрый грек, испытывая отвращение к своему великолепному плену, прибег к необычному средству: выбрав самого верного из своих рабов, он обрил его череп, написал на его поверхности определенные символы и,

когда волосы снова отросли, передал это живое письмо Аристагору[264]. Иероглифы повелевали наместнику начать восстание, ибо Гистизей вообразил, что спокойствие Милета - это приговор к его изгнанию.

II. Этот своевременный совет, столь согласный с его собственными взглядами, очаровал Аристагора: он созвал милетян и, чтобы заручиться их ревностной помощью, избавился от тирании и установил республику. Это была великая эпоха, ибо волнение мысли! повсюду пробудило желание свободного правления и равных законов; и Аристагор, желая примирить остальную Ионию, помогал различным ее государствам в установлении республиканских институтов. Коэс, тиран Митилены, погиб рук народа; в остальной Ионии тираны были наказаны лишь изгнанием. Таким образом, искра зажгла уже подготовленный в мыслях универсальный поезд, и эгоистическое честолюбие Аристагора ускорило марш революции в пользу свободы, охватившей все города Ионии. Но Аристагор, очевидно, человек глубокой, хотя и извилистой политики, желал вовлечь не только колонии Греции, но и родную страну в великую и опасную попытку противостоять персам. Над всеми государствами старшей Греции возвышалась военная слава Спарты, и этот народ коварный милезиец решил сначала склонить к своему дерзкому проекту.

Доверившись не послу, а собственным красноречивым способностям, он лично прибыл в Спарту. С наглой картой мира, как тогда было принято, в руках, он пытался вдохновить честолюбие Клеомена, указывая на обширные владения и неисчерпаемые сокровища персидского царства. Он обесценивал доблесть его жителей, высмеивал их оружие и побуждал его к грандиозному замыслу - создать с помощью спартанской доблести великолепное завоевание Азии. Спартанцы, всегда холодно относившиеся к свободе других государств, были не менее равнодушны к славе бесплодных побед; и когда Аристагор слишком честно ответил на вопрос царя, что от Ионического моря до Суз, персидской столицы, три месяца пути, Клеомен резко воскликнул: "Милесианин, отправляйся из Спарты до захода солнца; трехмесячный поход от моря - спартанцы никогда не выслушают столь неистового предложения!" Аристагор, не уступая, добился последующей беседы, в которой попытался подкупить царя, но тот, привыкший больше подкупать других, чем быть подкупленным, прервал беседу и в дальнейшем никогда не возобновлял ее.

III. Терпеливый и коварный Милезиан отправился в Афины (500 г. до н. э.): он прибыл туда как раз в тот момент, когда афинские послы вернулись из Сард с надменным ответом Артаферна на миссию, касающуюся Гиппия. Граждане были возбуждены, взволнованы, разгорячены; они были в равной степени возмущены дерзостью и напуганы могуществом сатрапа. Это был благоприятный случай для Аристагора!

Перед воображением читателя этот исторический отрывок предстает поразительной картиной. Мы видим большое собрание этого живого, высокодуховного, чувствительного и вспыльчивого народа. Вот Агора; вот полуразрушенный храм Эака; выше - цитадель, где еще висят цепи пленного врага; в ушах народа, уже тщеславного своей доблестью и надменного своей свободой, все еще звучат угрозы перса - слова, грозившие им восстановлением изгнанного тирана; И в этот момент, в этом скоплении народа, мы видим тонкого милезийца, умудренного опытом человечества, популярного среди всех свободных государств, вернувшего свободу колониям Ионии - все преимущества внешних обстоятельств и врожденных способностей в его пользу, - собирающегося обратиться к затаившей дыхание и возбужденной толпе. Он поднялся: как и Клеомену, он в живых красках обрисовал богатство Азии, женоподобные привычки ее народа, описал ее армии, сражающиеся без копья и щита, призвал доблесть народа, уже добившегося успеха в войне с выносливыми и героическими врагами, воззвал к старым наследственным связям; жители Милета были афинской колонией

- разве не должен родитель защищать ребенка в величайшем из всех благ - праве на свободу? Теперь он умоляет, теперь он обещает, - симпатии свободных, энтузиазм храбрых одинаково возбуждены. Он добивается успеха: народ присоединяется к его взглядам. "Легче", - говорит домовитый Геродот, - "завоевать (или ввести в заблуждение) толпу, чем отдельного человека; и красноречие, которое потерпело неудачу с Клеоменом, привлекло тридцать тысяч афинян". [265]

IV. Афиняне согласились послать на помощь своим колонистам, ионийцам, двадцать военных кораблей. Начальником был назначен Мелантий, человек с приятным характером и популярным влиянием. Так началась великая персидская война.

V. Добившись успеха, Аристагор отбыл из Афин. Прибыв в Милет, он попытался еще больше помочь своему замыслу, попытавшись пробудить некую колонию во Фригии, образованную из фракийских пленников, [266] взятых Мегабазом, персидским генералом. Большая часть этих колонистов воспользовалась случаем, чтобы вернуться в родные края, отразила преследование персидского коня, достигла берега и была перевезена на ионийских кораблях в свой древний дом на берегах Стримона. Тем временем афинские корабли прибыли в Милет, к ним присоединились пять кораблей, на которых находились эретрийцы с Эвбеи, помнившие о прежней помощи милетян в войне с их соотечественниками, халкидянами, и, возможно, не осознававшие могущества врага, которого они спровоцировали.

Аристагор остался в Милете и передал своему брату командование милезийскими войсками. Греки отплыли в Эфес, высадились в окрестностях Корессуса и под руководством эфесских проводников двинулись в поход по извилистой долине Кайстера, чье стремительное течение под варварским названием путешественник еще помнит, хотя лебеди греческих поэтов больше не бродят по его волнам, прошли через аурифициальную гору Тмолус, зеленеющую виноградной лозой и благоухающую шафраном, и прибыли к воротам сладострастного Сардиса. Они нашли Артаферна неподготовленным к этому внезапному вторжению и захватили город (499 г. до н. э.), а сатрап и его войска отступили в цитадель.

Дома в Сардах были построены в основном из тростника, и этим же легким и горючим материалом были покрыты крыши даже тех немногих особняков, которые были построены из кирпича. Один из домов был подожжен солдатом, и пламя охватило весь город. В разгар пожара отчаяние придало осажденным доблести - человеческий гнев оказался менее страшен, чем стихия; лидийцы и персы, находившиеся в гарнизоне, бросились на рыночную площадь, через которую протекала река Пактол. Там они решили встретить врага. Захватчиков охватила внезапная паника, вызванная, возможно, как яростью пожара, так и отчаянием врага, и, отступив к горе Тмолус, они воспользовались ночью, чтобы повторить свой марш по долине Кайстера.

VI. Но ионийцам не суждено было вернуться в целостности и сохранности: от берегов реки Галис отряд персов последовал за их отступлением и, настигнув их, когда территория Эфеса была уже завоевана, разбил ионийцев с большой резней, среди которой пал и предводитель эретрийцев.

Афиняне, естественно, были разочарованы результатами этой экспедиции. Вернувшись домой, они отвергли все уговоры Аристагора возобновить вторжение в Азию. Однако доблестные ионийцы продолжили начатые ими военные действия против Дария. Они доплыли до Геллеспонта и разрушили Византий с соседними городами. К их войскам присоединились киприоты, которых против персидского ига пробудил Онесиий, дерзкий узурпатор, свергнувший на Кипре своего брата, князя Саламины; а пожар в Сардах,

ослепивший карийцев, доселе остававшихся в стороне, объединил на стороне ионийцев большую часть этого выносливого населения. Теперь восстание приобрело угрожающий и грозный вид. Узнав об этих событиях, Дарий вызвал к себе Гистиея: "Человек, - сказал он, - которого ты назначил управлять Милетом, восстал против меня. При содействии ионийцев, которых я, несомненно, покараю, он сжег Сарды. Получил ли он твое одобрение? Разве без него он решился бы на такую измену? Остерегайся, как бы тебе не оступиться во второй раз против моей власти". Гистией искусно оправдывался от подозрений царя. Он объяснил восстание ионийцев своим отсутствием, заявил, что если его направить в Ионию, то он быстро вернет ее жителей к их привычной покорности, и даже пообещал сделать остров Сардинию данником Персии.

VII. Обманутый этими заверениями, Дарий отпустил милетского тирана, потребовав от него возвращения только при условии выполнения обещаний. Тем временем полководцы Дария энергично наседали на повстанцев. Против Онесилия, занятого в то время постройкой Аматуса (единственного города на Кипре, противостоявшего ему), Артибий, персидский офицер, направил грозный флот. Ионийцы поспешили на помощь своему кипрскому союзнику - сражение произошло как на суше, так и на море: в последнем ионийцы после тяжелого поединка победили финикийских помощников из Персии, в первом - вероломное дезертирство части кипрских войск дало победу персам. Среди убитых был и храбрый Онесил, поставивший свою судьбу в зависимость от исхода поединка. Персы приступили к блокаде кипрских городов и, в конце концов, к их возвращению: из них Соли, выдержавший пятимесячную осаду, оказал самое упорное сопротивление; со сдачей этого галантного города Кипр снова, после года свободы, оказался под властью великого царя.

К этому успеху прибавилось уменьшение нескольких городов на Геллеспонте и два значительных поражения карийцев (498 г. до н. э.), в последнем из которых милезийцы, присоединившиеся к их союзнику, понесли огромные потери. Карийцы, однако, не были покорены, и в последующем сражении они устроили большую резню среди персов, слава которой была усилена смертью Дауриса, генерала варваров и зятя Дария. Но эта акция не была достаточно решительной, чтобы остановить продвижение персидского оружия. Артаферн, сатрап Сард, и Отанес, третий полководец, направили свои войска в Ионию и Эолию: ионийские Клазомены и эолийская Кума были быстро разрушены.

VIII. Взятие этих мест и общая удача в войне обескуражили даже терпеливого и предприимчивого Аристагора. Он не мог не поверить, что все попытки противостоять сокрушительной силе Дария тщетны. Он собрал приверженцев, все еще верных его оружию, и объяснил им необходимость создания нового поселения. Милет больше не был в безопасности, а месть Дария стремительно надвигалась на них. Посоветовавшись, они решили отправиться в тот город и территорию во Фракии, которые Дарий отдал Гистиею [267]. Милет был поручен популярному гражданину по имени Пифагор, и эти выносливые и неугомонные искатели приключений отправились во Фракию. Аристагору посчастливилось благополучно добраться до поселения, которое показалось персидскому полководцу столь грозным владением; но его обычная интрига и дерзкое честолюбие, не удовлетворившись этим владением, побудили его напасть на город в его окрестностях. Жители согласились отдать его в его руки, и, вероятно, убаюканный этой уступкой, он был внезапно, со всеми своими силами, отрезан вторжением фракийского врага. Так погиб (497 г. до н. э.) автор многих последующих и могущественных событий, который, чем больше мы оцениваем его ремесло, его мужество, его настойчивость и активность, обширность его целей и упорство, с

которым он их преследовал, должен рассматриваться историком как один из самых ярких и замечательных духов того предприимчивого века.

IX. Жители Милета не по легкомыслию и не по слабости духа предприняли опасную попытку вернуть свои свободы. Глубокие чувства вдохновляли их, торжественная и суровая энергия поддерживала их. Теперь персидские генералы собрали в единое целое свои родные и вспомогательные силы. Киприаны, недавно покоренные (496 г. до н. э.), были принуждены к службе. Египет и Киликия увеличили вооружение, а мастерство финикийцев сделало еще более грозным флот из шестисот судов. С этой мощью варвары двинулись на Милет. Большинство, если не все, ионийских государств приготовились к борьбе: делегаты собрались в Паниониуме, договорились избегать персов на суше, оставить милетянам защиту их города, снарядить максимальные морские силы, которыми они могли командовать, и, собравшись в один флот у небольшого острова Ладе, напротив Милета, рискнуть сразиться на море. Триста пятьдесят трирем были предоставлены, и они собрались в назначенном месте. Дисциплина флота не соответствовала доблести предприятия; Дионисий, командующий фокейцами, попытался, возможно, слишком строго, обеспечить ее соблюдение; в войсках вспыхнули ревность и отвращение, и саамские вожди, то ли недовольные своими союзниками, то ли соблазненные персами, которые через посредство изгнанных тиранов Греции, служивших у них, вели переписку с ионийцами, тайно согласились дезертировать в разгар предстоящей битвы. Заключив этот договор, финикийцы начали атаку, а ионийцы, не подозревая о предательстве, встретили их сомкнутым строем. В самом начале сражения саамийцы, за исключением одиннадцати кораблей (капитаны которых впоследствии были награждены публичной колонной на родном рынке), выполнили свое обещание и отплыли на Самос. Лесбии, стоявшие рядом с ними, последовали их примеру, и смятение и бегство стали заразительными. Лишь хианы искупили вину союзников, чему способствовал Дионисий Фока, который, захватив три вражеских корабля, отказался отступать до конца дня, а затем, отплыв в Финикию, потопил несколько торговых судов, обогатился за счет их добычи и, достигнув Сицилии, прославился как пират, грозный для карфагенских и тирсийских семей старого финикийского врага, но свято хранивший своих греческих соотечественников от его грабежей.

Теперь персидские войска обрушили всю свою месть на Милет; они осаждали его и на суше, и на море - все известные тогда виды военных машин были направлены против его стен, и на шестой год после восстания Аристагора Милет пал (494 г. до н. э.) - Милет, столица Ионии, мать ста колоний! Питтак, Фалес, Арктин были среди великих имен, которые она дала науке и песне. Достойная своей славы, она пала среди руин той свободы, которую она показала, как благородно она могла продолжать украшать, доказав, как сурово она могла защищать. Большая часть горожан была убита, а те, кто остался, с женщинами и детьми, были уведены победителями в рабство. Их доблесть и слава тронули сердце Дария, и он поселил пленников в одном из городов у той части Эритрейского моря, куда впадают воды варварского Тигра. Их древние территории были поделены между персами и карийцами Педаса.

X. Афиняне восприняли известие об этой роковой осаде с глубочайшей скорбью, и Геродот приводит анекдот, иллюстрирующий характер этого впечатлительного народа и интересный для истории его ранних писем. Фриних, ученик Фесписа, представил на сцене взятие Милета, и вся аудитория разрыдалась. Искусство поэта было сочтено преступным, если он таким образом насильно напомнил афинянам о бедствии, которое считалось их собственным: его оштрафовали на тысячу драхм и запретили повторять пьесу - наказание было лишь славной данью уважения гению поэта и чувствительности народа.

После бесчисленных приключений, в которых он проявил значительные, но извращенные способности, Гистиэй попал в руки Артаферна и умер на кресте. Дарий порицал рвение сатрапа и оплакивал смерть человека, чье положение, возможно, оправдывало его проделки.

И вот туча понеслась вперед - один за другим ионийские города были разрушены, острова Хиос, Лесбос, Тенедос обезлюдели, а вся Иония покорена и порабощена. Персидский флот продолжал покорять все города и территории слева от Геллеспонта. В это время их успех в Херсонесе изгнал с этого беспокойного перешейка вождя, чьи острые и смелые способности сделали его впоследствии бичом Персии и избавителем Греции.

XI. Мы видели, как Мильтиад, племянник первого из названных, прибыл в Херсонес с помощью ловкого коварства, овладел лицами соседних вождей, получил власть над полуостровом и женился на дочери фракийского князя. В его характере сочетались, наряду с большим умом, вся двуличность грека. Во время войны между Дарием и скифами он, хотя и пытался следовать за персидской армией, вероломно общался с врагом. Он предложил греческим вождям разрушить лодочный мост через Дунай, доверенный им; таким образом, под воздействием скифов и голода армия Дария погибла бы в скифских пустошах, а Греция лишилась бы могущественного врага - план, который, если бы не злодейство, был бы мудрым. При всех своих хитростях и бесчестности Мильтиад умел не только сделать власть твердой, но и популярной. Изгнанный из своего государства скифскими кочевниками, он был добровольно отозван теми самими подданными, над которыми установил вооруженный суверенитет - редкое явление в ту эпоху республик. Окруженный свирепыми и беспокойными врагами и участвуя в постоянных, хотя и мелких войнах, Мильтиад приобрел столько же опыта лагерей, сколько и тонкостей греческой дипломатии; однако, как и многие мудрые представители малых государств, он, похоже, был скорее хитрым, чем опрометчивым: первым бежал, когда бегство было лучшей политикой, но первым вступал в бой, если сражение было более благоразумным. В нем не было ни беспечного энтузиазма героя, ни слепого, но благородного подчинения чести. Доблесть, похоже, была для его глубокого ума лишь суммой шансов, и когда впоследствии мы находим его самым смелым солдатом, то только потому, что он был самым точным расчетчиком.

Увидев финикийский флот, набег на Персию, у острова Тенедос, что напротив Херсонеса, Мильтиад решил не дожидаться исхода битвы: как раньше он бежал от скифа, так теперь, без борьбы, поддался финикийскому мечу. Он нагрузил пять кораблей своим имуществом: на четырех он ускользнул от вражеского флота, а пятый, которым командовал его старший сын, был преследован и захвачен [268]. В триумфальной безопасности вождь херсонеситов прибыл в Афины. Он прибыл в это свободное государство, чтобы потерять достоинство фракийского князя, и вдруг ему напомнили, что он афинский гражданин. Его немедленно привлекли к ответственности за тиранию. Однако его влияние или искусство, восхищение его гением или сострадание к его неудачам позволили ему оправдаться. Можно предположить, что, будучи высокородным и богатым, он не упустил случая закрепить свою популярность в родном государстве.

XII. Тем временем персы приостановили на этот год все дальнейшие военные действия против ионийцев. Артаферн старался примирить покоренные колонии полезными законами, беспристрастными налогами и благожелательными рекомендациями к порядку и миру. Однако в следующем году сатрап был отозван (492 г. до н. э.), и Мардоний, очень молодой знатный человек, зять Дария, был назначен во главе значительного военно-морского флота управлять делами в этой части Персидской империи. Вступив в Ионию, он осуществил новый, смелый, но не лишенный государственности политический ход. Он сместил всех

ионийских тиранов и повсеместно восстановил республиканские формы правления, считая, несомненно, что самый надежный хозяин отдаленных провинций тот, кто устанавливает в них те институты, которые им больше всего по душе. Затем Мардоний направился к Геллеспонту, собрал свой могучий флот и мощную армию и прошел через всю Европу к предполагаемым объектам персидской мести - городам Эретрия и Афины.

С тех пор как афиняне помогли войскам Милета и Долгого в разрушении Сардиса, их обида не давала покоя Дарию. Как и большинство монархов, он считал более отвратительными преступниками иностранных пособников мятежа, чем самих мятежников. Религия, несомненно, способствовала усилению его негодования. При пожаре в Сардах погиб храм великого персидского божества, и неосознанное святотатство стало долгом мести. Дарий так остро возмущался тем, что далекие афиняне приняли участие в разрушении его лидийской столицы, что, получив известие, он, как говорят, призвал свой лук и, пустив стрелу в воздух, молился об отмщении обидчикам; и каждый день три раза, когда он садился за стол, его слуги приказывали ему повторять: "Господин, вспомни об афинянах".

XIII. Но замысел Мардония был направлен не только против афинян и Эретрийского государства, он распространялся и на остальную Грецию: столь масштабные приготовления не должны были быть растрчены на врагов, казавшихся незначительными, а скорее должны были закрепить персидские завоевания на азиатских берегах и внушить соседнему европейскому континенту адекватные представления о могуществе великого царя. По морю Мардоний покорил жителей острова Тасус, богатого золотыми приисками; по суше он пополнил персидские владения во Фракии и Македонии. Но потери, как в штурме, так и в сражениях, заставили его вернуться в Азию и на некоторое время отложили обдуманное и организованное вторжение в Грецию.

В следующем году (491 г. до н. э.), пока покоренные Мардонием города были заняты строительством военных кораблей и транспортов для конницы, Дарий отправил послов в различные государства Греции, требуя почтения земли и воды - предварительный расчет, чтобы выяснить, кто будет сопротивляться, а кто покорится его власти, и определенно дать предлог, в одном случае для империи, в другом - для вторжения. Многие города континента и все острова, которые посетили послы, робко согласились на предложенные условия. Спарта и Афины, до сих пор враждовавшие между собой, сразу же объединились в надменном и возмущенном отказе. Народная ярость в обоих государствах была доведена до такого предела самим требованием, что спартанцы бросили послов в свои колодцы, а афиняне - в свою яму для наказаний, приказав им взять оттуда землю и воду; необычное совпадение чрезмерности в двух государствах, которое нельзя оправдать никакими притязаниями и которое можно смягчить только размышлением о том, что свобода всегда становится видом благородного безумия, когда ей угрожает иностранная опасность. [269]

XIV. Вместе с остальными островитянами жители Эгины, менее решительные, чем их ближайшие соседи и древние враги, афиняне, согласились на предложение о дани. Это обстоятельство, более чем беспечность других государств, встревожило и раззадорило афинян; они заподозрили, что эгинцы заключили против них некий враждебный союз с персами, и поспешили обвинить их в Спарте в предательстве свобод Греции. Подозрения афинян в отношении Эгины не имели под собой никаких оснований. Жители этого острова вели наследственную и ожесточенную вражду с афинянами, начиная почти с момента их независимости от родительского государства Эпидавра; к вражде предков добавилась меркантильная ревность, и афинские товары было запрещено использовать в священных целях на Эгине. Мы видели недавний случай, когда в Аттику вторглись эти враждебные соседи, тогда союзные с Фивами: в тот период военно-морские силы гинов были таковы, что

превосходили неосознанные и неиспытанные ресурсы афинян. Таким образом, у последних сразу появились причины ненавидеть и бояться соперника, поставленного природой в такую непосредственную близость к ним, что подчинение Эгины персам казалось само по себе достаточным для уничтожения Афин.

XV. Афинские послы встретили в Спарте самый благосклонный прием. Чувство общей опасности и сочувствие к взаимному мужеству сразу объединило эти соперничающие государства, и даже опрометчивый и доселе неумолимый Клеомен жаждал примирения со своим бывшим врагом. Этот принц лично отправился в Эгину, решив выяснить, кто виновен в предполагаемом предательстве; с характерной жестокостью, которую он никогда не предоставлял средств для поддержки и которая так неизменно выдает этого неспособного и самоуверенного спартанца, как человека, который был бы глупцом, если бы не был безумцем, Клеомен попытался захватить обвиняемых. Ему оказали упорное сопротивление и с позором пресекли это бессильное безрассудство, а его соратник Демарат, который, как мы помним, внезапно покинул Клеомена в Элевсисе, тайно сговорился с эгинетянами в их противостоянии своему коллеге и дал им повод, намекнув, что Клеомен был развращен афинянами. Но Демарат мало знал о темных и смертельных страстях, которые сочетались в Клеомене с его конституционным безумием. Месть составляла большую часть его характера, и греческая история знает не так много примеров более жестокой мстительной натуры.

В Спарте ходили разные слухи о легитимности Демарата. Клеомен вступил в тайную интригу с родственником своего коллеги по имени Леотихид, который питал такую же ненависть к Демарату [270]; условия между ними были таковы: Клеомен должен содействовать возведению Леотихида на престол Демарата, а Леотихид - помогать Клеомену в его мести Эгине. Не успели договориться об этом заговоре, как Леотихид распространил повсюду сообщение о том, что рождение Демарата было поддельным. Спартанцы придавали огромное значение законности - они послали посоветоваться с пифией, и Клеомен с помощью Колона, влиятельного гражданина Дельф, подкупил оракула, чтобы тот подтвердил незаконность его врага. Демарат был низложен. Сразу же опустившись в ранг частного лица, он был избран на какую-то низшую должность. Его враг, Леотихид, теперь уже на своем троне, в качестве оскорбления прислал ему послание, в котором требовал, что он предпочитает - свое прошлое или нынешнее достоинство. Демарат был уязвлен и ответил, что этот вопрос может определить дату большого блага или большого несчастья для Спарты; сказав это, он покрыл голову, устремился домой, принес жертву Юпитеру и торжественно попросил свою мать просветить его относительно его законности. Родительский ответ был далеко не однозначен, и матрона, казалось, желала приписать отличие его рождения скорее тени древнего спартанского героя Астробаха, чем земным объятиям своего мужа. Выслушав, Демарат принял решение: он бежал из Спарты, отразил преследователей и скрылся в Азии, где был с почестями принят и облагодетельствован благосклонным Дарием.

XVI. Леотихид, избранный на царское достоинство, сопровождал Клеомена в Эгину: жители этого острова уступили власти, которой не могли оказать действенного сопротивления, и десять самых богатых граждан были отданы в заложники Афинам. Но тем временем сговор Клеомена с оракулом был раскрыт, жрица торжественно низложена, и Клеомен убоился справедливого гнева своих соотечественников. Он бежал в Фессалию, а затем, перейдя к аркадянам, попытался связать этот народ самыми мрачными клятвами, чтобы тот взялся за оружие против его родного города - так далеко могла завести ненависть человека, последовательного только в своей главной страсти - мести. Но когда могущественная сила Персии опустилась над Лакедемоном, спартанцы решили пожертвовать даже справедливостью ради благоразумия: не время было отвлекать силы на новых врагов, и они

пригласили Клеомена вернуться в Спарту, предложив ему занять прежнее место. Он вернулся, но его бурная карьера, к счастью для всех, была завершена; его конституционное безумие, уже не ограничивавшееся сомнительной экстравагантностью, вырвалось наружу в неуправляемом избытке. Он был заключен в темницу и, получив меч от одного из хелотов, который боялся послушаться его приказов, намеренно уничтожил себя - не одной раной, а медленно сдирая плоть со своих конечностей, пока постепенно не добрался до более благородных и смертных частей. Это свирепое самоубийство вызвало всеобщий ужас и, как правило, считалось божественным наказанием за его многочисленные и святотатственные преступления: греки спорили лишь о том, за какое из его черных преступлений гнев Небес был наиболее справедливым. [271]

XVII. Не успела весть о его самоубийстве дойти до эгинцев, как эти гордые и богатые островитяне отправили посольство в Спарту, чтобы вернуть своих заложников, задержанных в Афинах. Со смертью Клеомена гнев Спарты на Эгину внезапно прекратился - вернее, надо полагать, что к власти пришла новая партия, солидаризировавшаяся с эгинетской олигархией. Спартанцы обвиняли Леотихида в сотрудничестве с Клеоменом, даже предлагали выдать его эгинетянам, и в итоге было решено, что он должен сопровождать послов Эгины в Афины и настаивать на выдаче заложников. Но афиняне уже достигли той степени независимости, когда ни смертельные удары Персии, ни железный меч Спарты, ни вероломные враждебные действия ближайшего соседа не могли подавить их мужество или умерить их гордость. Они пренебрегли присутствием и речами Леотихида и категорически отказались выдать своих заложников. Военные действия между Эгиной и Афинами немедленно возобновились. Эгиняне захватили (494 г. до н. э.) священное судно, стоявшее в Суниуме, на котором несколько самых выдающихся афинян отправились на праздник Аполлона; святость путешествия не смогла уберечь пленников от позора иронии. Афиняне решили отомстить, и гражданский раздор в Эгине оказался им на руку. Эгинский предатель по имени Никодром предложил им свою помощь, и при поддержке народной партии, выступавшей против олигархического правительства, он захватил цитадель. С двадцатью кораблями из Коринфа и пятьюдесятью своими афиняне вторглись в Эгину; но, задержавшись с приготовлениями, они прибыли на день позже, чем было оговорено. Никодром бежал; восстановленная олигархия жестоко и варварски отомстила всем своим мятежным соотечественникам, попавшим в их руки. Тем временем афинский флот одержал победу на море, и война все еще продолжалась.

XVIII. В то время как Афины, казалось, не осознавая более серьезных опасностей, направили свои растущие силы против маленького острова Эгина, слуги персидского царя трижды в день восклицали: "Господин, вспомни об афинянах!" [272] Предатель Гиппий, постоянно находясь рядом с обходительным монархом, не переставал стимулировать его месть, взывая к его честолюбию. В конце концов Дарий решил больше не откладывать осуществление своих замыслов. Он отозвал Мардония, энергия которого, правда, не соответствовала его силам, и назначил двух других полководцев - Датиса, уроженца воинственной Мидии, и Артаферна, своего племянника, сына бывшего сатрапа с таким именем. Им было приказано немедленно выступить в поход на Эретрию и Афины. А Гиппий, теперь уже сломленный, преклонных лет [273] и после двадцатилетнего изгнания, сопровождал персидскую армию, предвкушая успех и хватаясь на краю жизни за тень своего прежнего скипетра.

ГЛАВА V.

Персидские полководцы входят в Европу.- Вторжение на Наксос, Каристус, Эретрию.- Афиняне требуют помощи Спарты.- Результат их миссии и приключения их посланника.- Персы продвигаются к Марафону.- Описанная равнина.- Разногласия в афинском лагере.- Советы Мильтиада берут верх.- Сон Гиппия.- Марафонская битва.

I. На киликийском побережье расположилось персидское войско - затем на флоте из шестисот трирем оно отплыло на Самос (до н. э. 490 г.) - прошел через Киклады и ту часть Эгейского моря, которую называют "Икарийской" из-за легендарной судьбы сына Дедала, - вторгся на Наксос, сжег его город и храмы, пощадил священный Делос, в котором медийские датисы почитали традиционное место рождения двух божеств, аналогичных тем, что наиболее почитаемы в персидском вероучении [274], - подчинил себе различные острова, пока не добрался до Эвбеи, отделенной от Аттики проливом и содержащей город эретриев. Сначала флот атаковал Карыст, великодушные граждане которого отказались как от помощи соседей, так и от заложников за свое поведение. Тесно осажденные, с опустошенными землями, они, однако, были вынуждены сдаться персам. Затем победоносное войско направилось в Эретрию. Афиняне отправили на помощь этому городу четыре тысячи колонистов, которых они поселили на острове, но в стенах царили страх, ревность, раздор. Казалось, что гибель неминуема, и один из вождей эретрийцев призвал колонистов покинуть город, который они не в силах спасти. Они последовали совету и благополучно добрались до Аттики. Однако Эретрия выдержала шестидневную осаду; на седьмой день город был предан варварам двумя из той роковой олигархической партии, которая в каждом греческом городе, кажется, не считала врага столь отвратительным, как большинство своих собственных граждан; город был разграблен, храмы сожжены, жители поработены. Здесь персы отдохнули несколько дней, прежде чем отправиться в Аттику.

II. Оставшись без поддержки и в одиночестве, афиняне не растерялись. Быстроногий гонец был отправлен в Спарту, чтобы просить ее о скорой помощи. На следующий день после отъезда из Афин он добрался до места назначения, направился к собравшимся магистратам и обратился к ним с такими словами:

"Мужи Лакедемона, афиняне молят вас о помощи; не допустите, чтобы древнейший из греческих городов был поработен варварами. Эретрия уже подпала под их иго, и вся Греция уменьшится от потери этого прославленного города".

Ресурс, на который афиняне имели полное право рассчитывать, их не устроил. Спартанцы, правда, решили помочь Афинам, но не раньше, чем помощь пришла бы слишком поздно. Они заявили, что их религия запрещает им начинать поход, пока луна не станет полной, а это был только девятый день месяца [275]. Получив этот неудовлетворительный ответ, гонец вернулся в Афины. Но, занятый этим трудным делом - его воображение было воспалено величиим опасности, а его работа еще больше разгорелась от одиночества его приключения и горной тишины мест, через которые он проходил, - афинский гонец по возвращении рассказал о видении, которое, вероятно, было не столько его изобретением, сколько возбужденной фантазией. Перевалив через гору Парфений, среди диких недр которой темнела античная роща, посвященная Телефу, сыну Геракла [276], афинянин услышал голос, громко обратившийся к нему, и увидел того мистического бога, которому, превыше всего на земле, были посвящены холмы и леса Аркадии - пеласгического Пана. Бог велел ему "спросить в Афинах, почему афиняне забыли его поклонение - того, кто хорошо их любил и мог бы еще помочь им в их нужде".

Таков был рассказ посланца. Живой народ поверил в ее истинность и в более спокойные времена посвятил божеству храм, почитал его ежегодными жертвоприношениями и зажжением факелов.

III. Пока афиняне внимали мечтам этого поэтического суеверия, могучие тысячи медян и персов высадились на аттическом побережье и под предводительством Гиппия двинулись к Марафонской равнине, которую путешественник и сейчас видит широкой и ровной, среди холмов и болот, на расстоянии всего десяти миль от афинских ворот. Вдоль берега равнина простирается на шесть миль, а вглубь - более чем на две. Тот, кто осматривает ее сейчас, видит унылую пустошь, скудная и засушливая трава которой разбавлена лишь скудной листвой редких кустарников и грушевых деревьев, да несколькими карликовыми соснами, склонившимися к морю. То тут, то там можно увидеть пасущегося буйвола или крестьянина, склонившегося над своим плугом: далекая крыша, разрушенная часовня - все это недостаточные свидетельства живого, чтобы встать между воображением зрителя и мертвым. Таков нынешний Марафон - мы призваны вернуться в прошлое.

IV. Следует помнить, что по инициативе Клистена афиняне были разделены на десять племен. Каждое из этих племен выдвинуло своего полководца; таким образом, в афинском войске было десять предводителей. Среди них был Мильтиад, который сумел заручиться расположением афинского народа и получил от него командование. [277]

При поддержке тысячи человек из Платеи, находившейся тогда в тесной дружбе с афинянами, маленькая армия выступила из города и подошла к входу в Марафонскую равнину. Здесь они расположились в боевом порядке возле храма Геракла, к востоку от холмов, ограждающих верхнюю часть долины. Расположившись таким образом и видя гигантскую мощь врага, омрачающую длинный простор, окаймляющий море, среди вождей начались разногласия: одни утверждали, что ни в коем случае нельзя рисковать сражением с такими слабыми силами, другие, напротив, выступали за немедленное сражение. К последним относился Мильтиад, его поддерживал человек, уже имевший высокую репутацию, хотя и впервые представленный нашему вниманию, которому впоследствии суждено было сыграть великую и великолепную роль в драме своего времени. Аристид был одним из генералов армии [278] и энергично сотрудничал с Мильтиадом в политике немедленного сражения.

Однако, несмотря на военную славу одного и гражданскую известность другого, противоположное и более мягкое мнение, казалось, должно было возобладать, когда Мильтиад неожиданно обратился к полемарху Каллимаху. Этот магистрат, третий из девяти архонтов, в силу своей должности был приравнен по достоинству к военачальникам, и ему было доверено право решающего голоса.

"От тебя, Каллимах, - сказал вождь херсонесцев, - зависит, будут ли Афины поработщены, или из века в век твоя страна, освобожденная твоим голосом, сохранит в тебе имя, более дорогое для нее, чем имена Аристоклитона и Гармодия [279]. Никогда со времен основания Афин она не подвергалась столь неминуемой опасности. Если она уступит медам, то снова окажется под тиранией Гиппия, но если победит, то сможет занять первое место среди греческих государств. Как это может быть достигнуто и как от вашего решения зависит это событие, я сразу же объясню. Мнения наших лидеров разделились: одни выступают за немедленное вступление в бой, другие - за промедление. Зависит от того, что если мы будем медлить, то среди афинян начнется смута, беспорядки, которые могут склонить часть из них на сторону медяков; но если мы вступим в бой сразу, и прежде чем хоть один раздор унесет от нас хоть

одного человека, мы, если боги дадут нам равную удачу, одержим победу. Подумайте об альтернативе - наше решение зависит от вас".

V. Доводы Мильтиада убедили Каллимаха, который хорошо знал о многочисленных подразделениях города, о силе, которой Гиппий и Писистратиды, вероятно, все еще обладали в его стенах, и не мог не признать, что превосходящая сила становится тем более страшной, чем более сознательно к ней относятся. Он вмешался в ход событий. Было решено дать сражение. Каждый генерал поочередно командовал в течение одного дня. Когда очередь дошла до Аристиды, он уступил свое право Мильтиаду, показав коллегам, что подчиниться глубокому опыту другого - не позор. Этому примеру последовали все, и Мильтиад остался в абсолютном и безраздельном подчинении. Но этот способный и проницательный вождь, опасаясь, что, если он отнимет у другого день командования, ревность может умерить пыл генерала, лишённого и, как бы сказать, униженного, дождался своего собственного назначенного дня, прежде чем начать атаку.

VI. Говорят, что в ночь перед тем, как Гиппий привел варваров на равнину Марафона, ему приснился сон. Ему казалось, что он находится рядом со своей матерью! В пристрастии к человеческим надеждам он истолковал видение благоприятно и льстил себе, что вернет себе власть и умрет в собственном доме от старости. Наступило утро (490 г. до н. э.), которое должно было подтвердить правдивость его толкования.

VII. Слева от афинян была невысокая цепь холмов, поросших деревьями (которые давали им древесину, чтобы сломить атаку персидских коней), справа - поток; их фронт был длинным, потому что, чтобы сделать его более внушительным по протяженности и предотвратить обход со стороны персов, центральные ряды были оставлены слабыми и мелкими, но на обоих флангах войска были построены более прочно и сильно. Каллимах, полемарх, командовал правым крылом, платейцы составляли левое. Всадников и лучников у них было мало, если вообще были. Подробности, которыми мы располагаем об их вооружении и военном снаряжении, если не в этом, то в других сражениях того же периода, дополняют картину. Мы можем видеть их облаченными в яркие доспехи, хорошо проверенные и закаленные, которые закрывали грудь и спину - поножи, так часто упоминаемые Гомером, все еще сохранялись; их шлемы были коваными и гребенчатыми, рожки в основном окрашены в сияющие цвета, а оперение из перьев или конского волоса было богатым и развевающимся, в соответствии с рангом владельца. Широкие, прочные и богато украшенные пряжки - гордость и драгоценность их оружия, потеря которых означала потерю чести; их копья были громоздкими, толстыми и длинными - главное отличие от легких персидских древков - и, вместе с коротким мечом, составляли их главное оружие нападения. Ни одно греческое войско не шло в бой без обетов, жертвоприношений и молитв, и сейчас, в тишине паузы, прорицатели исследовали внутренности жертв - они оказались пророческими, и Каллимах торжественно поклялся, что Диана принесет жертву на заклятие каждому врагу. Громко затрубили трубы [280]- штандарты, украшенные священной птицей Афины, были подняты ввысь [281]; это был сигнал к битве, и афиняне с неистовой яростью бросились на персидскую державу. "Первые греки, о которых я слышал, - говорит простой Галикарнасец, - которые побежали в атаку на врага, и первые, кто без ужаса смотрел на одежду и доспехи медяков; ведь до сих пор в Греции само имя медяка вызывало ужас".

VIII. Когда персидская армия, с ее многочисленными конями, животными и людьми, защищенными почтовыми пластинами [283], с ее искусными лучниками, с ее линиями и глубокими рядами воинов в тюбанах, великолепных со многими пылающими штандартами, - возглавляемая вождями, хорошо закаленными, несмотря на их нарядные одежды и украшенные нагрудники, на многих более ровных полях;-Когда, говорю я, это войско увидело

афинян, спешащих к ним, они сочли их, столь малочисленных и лишенных конницы и лучников [284], безумцами, спешащими к гибели. Но Мильтиад, очевидно, не без расчета начал атаку. Военный опыт его партизанской жизни научил его знать врага, против которого он сражается. Начать атаку добровольцем означало сорвать и искалечить атаку персидских конников - кроме того, длинные копья, тяжелое оружие, рукопашная доблесть греков не должны были стать легкой добычей для более слабовооруженной и менее грозной пехоты Востока. Для них, привыкших отдавать приказ, было в новинку и невыгодно принимать его. Битва была долгой, ожесточенной и упорной. Центральное крыло варваров, состоявшее из саков и чистокровных персов, в конце концов сильно надавило на мелкий центр греков, оттеснило их в глубь страны и, жаждая преследования, оставило свои крылья на откуп Каллимаху с одной стороны и платейским войскам с другой. Храбрый полемарх после самых ярких подвигов пал, сражаясь на поле боя; но его войска, не дрогнув, сразили его копьем и мечом. Варвары отступили назад к морю, где болота и топи затрудняли их движение, и здесь (хотя афиняне не преследовали их далеко) большая часть была убита, зажата болотами и, вероятно, сбита своей собственной беспорядочной конницей. Тем временем два племени, составлявшие центр, одним из которых командовал Аристид [285], мощным усилием восстановили свои силы, и два крыла, разгромив своих противников, теперь склонившись друг к другу, перехватили центр варваров, который, атакованный спереди и сзади (большие деревья, срубленные и разбросанные по равнине, мешали движению их конницы), был разбит с огромной резней. Наступил вечер [286]: растерянные и беспорядочные, персы теперь думали только о бегстве: вся армия отступила к своим кораблям, преследуемая греческими победителями, которые, среди резни, расстреляли флот. Кинегир, брат Эсхила, трагического поэта (сам он в тот день отличился своими подвигами), схватил одно из судов за полую часть: ему отрубили руку топором; он славно умер от ран. Но ни для кого судьба того поля не открыла более блестящей карьеры, чем для юноши из рода Леонтидов, в котором, хотя он, вероятно, был тогда простым солдатом в строю, впервые проявились характер и гений, предназначенные для командования. Звали этого юношу Фемистокл [287]. Семь кораблей были захвачены, шесть тысяч четыреста варваров пали на поле боя, афиняне и их храбрый союзник потеряли всего сто девяносто два человека, но среди них погибли многие из их храбрейших вельмож. Это суеверие было нехарактерно для этого богатого воображением народа и свидетельствовало о том, как сильно разгорелся их пыл, что многим из них (по словам Плутарха) привиделось, будто они видят гигантскую тень их предка Тесея, полностью вооруженного и несущегося перед ними на врага.

Так погибли надежды несчастного Гиппия; безвестный и бесславный в свой последний час, изгнанный принц упал, сбитый с толку, среди всеобщей резни. [288]

IX. Несмотря на захват одних судов и сожжение других, персы все еще сохраняли значительный флот и, сумев взять на abordаж эретрийскую добычу (которую они оставили на Эвбейском острове), перешли затем мыс Суний, намереваясь обойти афинян, и прибыть в Афины раньше их - предполагалось, что к этому их побудило вероломство некоего человека, которого без достаточных доказательств подозревали в принадлежности к дому Алкмеонидов, поднявшего щит в качестве сигнала персам, пока те находились под парусами [289]. Но афиняне были под началом быстрого и бдительного командира, и пока варварский флот удваивал мыс Суний, они достигли своего города и эффективно предотвратили замыслы врага. Аристид с племенем под его командованием был оставлен на поле боя охранять пленных и добычу, и его скрупулезная честность проявилась в ревностной заботе о разбросанных и неслучайных сокровищах [290]. Художник благородных школ мог бы найти, пожалуй, мало сюжетов, более достойных его искусства, чем Аристид, наблюдающий ночью при свете факелов своих людей за равнинами Марафона, за синим Эгейским морем, уже не

переполненным мачтами варваров, и за белыми колоннами храма Геракла, рядом с которым афиняне разбили свой лагерь.

Персидский флот бросил якорь у Фалерума, афинской гавани, и, простояв там недолго, грозно, но бездейственно, отплыл обратно в Азию.

X. Луна прошла свой полный круг, когда две тысячи спартанцев прибыли в Афины: битва была окончена, победа одержана, но так велико было их желание увидеть тела грозных мидян, что они отправились в Марафон и, вернувшись в Афины, своими рукоплесканиями и поздравлениями раздули триумф граждан.

XI. Мрамор, который персы привезли с собой, чтобы воздвигнуть в качестве трофея ожидаемой победы, впоследствии был превращен Фидием в статую Немезиды. Картина битвы, изображающая Мильтиада на первом месте и торжественно хранящаяся у всех на виду, не считалась недостаточной наградой этому великому полководцу; и все же над ровной равниной Марафона возвышается длинный курган, пятнадцать футов в высоту, предполагаемая могила афинских героев. Романтическая легенда, не знакомая с нашими северными традициями, придает этому месту сверхъестественный ужас. По ночам по равнине еще слышны суеверные крики всадников и стремительные тени призрачной войны [291]. И до сих пор во всем цивилизованном мире (насколько цивилизованном благодаря искусству и знаниям Афин!) люди любого климата, любого политического убеждения чувствуют себя греками при имени Марафона. Более поздние поля представляли зрелище равной доблести и почти такого же разброса жертв; но никогда, в летописях земли, не были так тесно связаны наши аплодисменты, восхищение героизмом победителей и сочувствие к святости их дела. Это была первая великая победа ОПИНИИ! И ее плоды были собраны не только Афинами, но и всей Грецией, как тогда, так и впоследствии, в виде могучего и нетленного урожая - невидимая, а не реальная сила деспотизма была сломлена. Не только развеялся ужас, нависший над именем Медии, не только свободные государства получили урок превосходства над громоздкими империями, разрушенными персидскими завоевателями, - более важный урок получила Греция, обнаружив, что монарх Азии не может навязать мелкому государству ни способ правления, ни выбор правителей. Поражение Гиппия имело не меньшее значение, чем поражение Дария; тот же удар, который нанес иностранный захватчик, разрушил и надежды отечественных тиранов.

Одна успешная битва за свободу ускоряет и возвышает тот гордый и пылкий дух, из которого быстрее, чем из столетий покоя, рождаются цивилизация и искусства, которые должна породить свобода. Для Афин победа при Марафоне стала вторым Солоном.

СНОСКИ.

[1] Однако во время их прохождения через печать у меня было много возможностей проконсультироваться и сослаться на умелую и тщательную работу мистера Тирлуолла.

[2] Хорошо известен отрывок из Аристотеля (*Meteorol.*, I. I, с. 14), в котором, говоря о древней Элладе (страна около Додоны и реки Ахелус), автор говорит, что она была населена народом (вместе с геллийцами, или селли), который тогда назывался греками, а теперь эллинами (*tote men Graikoi, nun de Hellaenes*). Греческая хроника на Арундельских мраморах утверждает, что греки назывались греками до того, как их стали называть эллинами; на самом деле, *Graeci*, скорее всего, когда-то было названием пеласгов или мощного, возможно, преобладающего племени пеласгов, широко распространенного вдоль западного побережья - от них это название было перенесено в Италию и (использовалось без разбора вместе с *Pelasgi*) дало латинское название эллинскому или греческому народу.

[3] Современные путешественники в своих красноречивых сетованиях на скудость вод этих бессмертных потоков, кажется, забывают, что Страбон прямо сообщает нам, что Цефис текла как поток и полностью исчезала летом. "То же самое, - добавляет он, - было и с Илиссом". Недостаток воды всегда был главной проблемой в Аттике, как мы можем узнать из законов Солона, касающихся колодцев.

[4] Платон. *Timaeus*. Clinton's *Fasti Hellenici*, vol. i., p. 5.

[5] По мнению одних, они происходили из Индии, по мнению других - из Египта, по мнению третьих - из Финикии. Их систематизировали в бактрийцев, скифов и филистимлян, готов и кельтов; их проследили с помощью столь же изобретательных, сколь и тщетных исследований за берегами Дуная до их поселений в Пелопоннесе. Однако никакая эрудиция и никакие домыслы не смогут доказать их существование в какой-либо части света до их появления в Греции.

[6] Sophoc. *Ajax*, 1251.

[7] Все те слова (в латыни), которые составляют основу языка, выражая нужды или простые отношения жизни, почти буквально греческие - такие, как *pater*, *frater*, *aratrum*, *bos*, *ager* и т. д. О происхождении латыни из эолийского диалекта Греции см. "Пролегомены Шейда к "Этимологическому справочнику греческого языка" Леннепа".

[8] Лелеги, дриопы и большинство других орд, распространенных в Греции вместе с пеласгами, я рассматриваю, как и мистер Клинтон, но как племена, принадлежащие к большой пеласгической семье. Одно племя, очевидно, становилось более цивилизованным, чем остальные, пропорционально социальному состоянию земель, через которые оно мигрировало, принимало чужаков с более развитого Востока или в зависимости от обстоятельств почвы, на которой оно поселилось, стимулировало его к промышленности или заставляло заниматься изобретательством. Традиция о Пеласге, которая утверждает, что он был первым, кто поселился в Аркадии, и одновременно заявляет, что он первым научил людей строить хижины, носить одежду из шкур и менять менее питательную пищу из трав и корней на сладкие и вкусные желуди "фагуса", справедливо озадачила Павсания. Такие традиции, если они что-то доказывают, в чем я более чем сомневаюсь, имеют тенденцию доказывать, что племя, олицетворяемое словом "пеласги", переселилось в ту самую Аркадию, которая, как утверждается, была их исконным домом, и обучило своим грубым искусствам еще менее культурное население, которое они там нашли.

[9] См. Исаия xxiii.

[10] Принятое мнение о сельскохозяйственных навыках пеласгов вполне обоснованно. Дионисий рассказывает, что аборигены, выделив тем пеласгам, которых оракул послал из Додоны в Италию, болотистую и непригодную землю под названием Велия, вскоре осушили болото: их любовь к земледелию, несомненно, способствовала формированию особого характера их цивилизации и религии.

[11] Солинус и Плиний утверждают, что пеласги впервые принесли письмо в Италию. Долгое время они были ведущей расой Италии, но их могущество упало, согласно Дионисию, за два поколения до Троянской войны.

[12] Paus. *Arcad.*, c. xxxviii. В предыдущей главе (II.) этот опытный антиквар отмечает, что ему показалось, что Кекропс и Ликаон (сын Пеласга и основатель Ликосуры) были современниками. По сильному и преувеличенному выражению Павсания, приведенному в тексте, мы должны предположить, что он считал Ликосуру не первым городом на земле, а

первым обнесенным стеной и укрепленным городом. Сыновья Ликаона были великими строителями городов, и в их время в Пелопоннесе, по преданию, был достигнут быстрый прогресс в цивилизации. Пеласгическую архитектуру часто путают с циклопической. Пеласгическая кладка многоугольная, каждый камень вставляется в другой без цемента; циклопическая, описанная Павсанием, совершенно иная, состоит из огромных каменных блоков, в промежутки между которыми вставлена мелкая галька. (См. "Топографию Рима и его окрестностей" Гелла). Некоторые антиквары, которые не ошиблись, спутав эти разные архитектурные порядки, считают циклопический более древним, чем пеласгический, но это тоже ошибка. Ликосура была обнесена стеной пеласгами за четыре-пять веков до введения циклопической кладки при строительстве города Тиринс. Сэр Уильям Гелл утверждает, что стены Ликосуры можно проследить вблизи места, которое сейчас называется Суриас Кастро.

[13] Изгнание гиксосов, которое было совершено не внезапно, а путем многократных революций, вызвало множество миграций, среди которых, по мнению египтян, была миграция Даная.

[14] В более поздний период египетские монархи нанимали финикийцев для длительных и авантурных морских путешествий. Сравнительно недавно Неко, царь Египта, отправил некоторых финикийцев в не менее масштабное предприятие, чем кругосветное плавание по Африке. Этот монарх был действительно создан для великих замыслов [Herod., iv., 12. Rennell., Geog. of Herod.]. Средиземное и Красное моря уже принимали его флоты, и он пытался соединить их каналом, который превратил бы Африку в остров. [Herod., ii., 158, 159. Heeren., Phoenicians, c. iii. См. также Диодор].

[15] Общие привычки народа ни в коем случае не могут исключать исключений в отдельных людях. Индийские раджи обычно не путешествуют, но у нас в Риджентс-парке несколько лет жил индийский раджа; китайцы не имеют привычки посещать Англию, но не так давно несколько китайцев были в Лондоне. Допустим, что финикийцы общались с Египтом и Грецией, и ничто не может быть менее невероятным, чем то, что на финикийском судне могли находиться египетские авантюристы. Они, конечно, могли быть людьми низкого звания и отчаянной судьбы - они могли быть беглецами от закона - но они могли казаться принцами и мудрецами для орды пеласгийских дикарей.

[16] Авторитеты в пользу египетского происхождения Кекропса следующие: Диод, lib. i.; Теопомп; Schol. Аристоф.; Плот.; Суидас. Платон говорит о древней связи между Саисом и Афинами. Солон находит имена Эрехтея и Кекропса в Египте, согласно одному и тому же авторитету, который я считаю сомнительным (Plat. Critias.) Лучшим положительным авторитетом, о котором я знаю, в пользу противоположного предположения, что Кекропс был местным жителем, является Аполлодор.

[17] Рассмотрение всех аргументов, которые приводились с той или иной стороны в отношении Цекропса, заняло бы около двухсот страниц этой работы, и все равно вопрос остался бы спорным. Возможно, двести страниц можно было бы посвятить более поучительным темам.

[18] Так, согласно перуанским традициям, явление двух людей величественного вида и изящных одежд, появившихся в одиночестве и без оружия на берегу озера Титиака, было достаточным, чтобы вернуть голую и жалкую орду от их дикарской жизни, привить элементы социального союза и собрать народ для установления трона.

[19] "Как и греки, - говорит Геродот (кн. II, с. 112), - египтяне ограничиваются одной женой". Позднее у греков это хотя и было распространено, но не было неизменным ограничением; но об этом подробнее далее.

[20] Путешествия Хобхауса, письмо 23.

[21] Ни в коем случае нельзя считать вероятным, что этот город, несмотря на свою крепость, был обнесен стеной, как Ликосура.

[22] По крайней мере, Страбон приписывает Беотию правительству Кекропса. Но я признаюсь, что, поскольку он не включил Беотию в состав Аттики, мне кажется, что традиции, относящиеся к его ближайшим преемникам, указывают на то, что в самой Аттике продолжали существовать независимые племена, которые скоро созреют, если уже не созрели, до независимых государств.

[23] Herod., ii., с. i.

[24] Ibid., ii., с. liii.

[25] То, что все пеласги, рассеянные по Греции, разделенные между собой, часто воюющие друг с другом и, конечно, не имеющие привычки к мирному общению - каждое племя с различным образом жизни и разной степенью цивилизации, должны были прийти к согласию в том, чтобы не давать имен своим богам, а затем так же единодушно получить имена из Египта, - утверждение настолько абсурдное, что несет в себе само противоречие. Многие ошибки, связанные с пеласгами, возникли из-за предположения, что общее имя подразумевает общее и единое племя, а не обширный и рассеянный народ, разделенный на бесчисленные семьи и разнообразный под влиянием бесчисленных влияний.

[26] Связь Цереры с Исидой была последующим нововведением.

[27] Оркос был олицетворением клятвы или святости клятвы.

[28] Naith в дорийском диалекте.

[29] Если Онка, или Онга, была именем финикийской богини - в "Семи против Фив" хор призывает Минерву под именем Онка, и нет сомнений, что греческая Минерва иногда называется Онкой; но мне не ясно, что у финикийцев было божество с таким именем - и я не могу согласиться с теми, кто настаивает на чтении Онки вместо Сиги у Павсания (lib. ix., Глава 12), где он говорит, что Сига была именем финикийской Минервы. У финикийцев, очевидно, было божество, соответствующее греческой Минерве; но то, что оно называлось Онка, или Онга, ни в коем случае не является удовлетворительным доказательством; и Схолиаст, опираясь на Пиндара, выводит эпитет, применяемый к Минерве, из беотийской деревни.

[30] De Mundo, с. 7.

[31] Египтяне предполагали три принципа: 1-е. Один благосклонный и универсальный Дух. 2d. Материя, соизмеримая с вечностью. 3d. Природа, противостоящая благу вселенского Духа. Мы находим эти принципы в различных формах, типизированных через их божества. Помимо природных типов, как у египтян боги-герои, были придуманы типичные басни, чтобы скрыть их человечность, оправдать их ошибки или возвеличить их достижения.

[32] См. "Политическую историю Греции" Хирена, в которой этот момент ярко аргументирован.

[33] Кроме того, не в характере эмигрантов из народа, привыкшего к кастам, распространять те касты, превосходящие их собственные, представителей которых они не вывезли. Предположим, что никто из того привилегированного и благородного ордена, называемого жрецами, не сопровождал бы египетских переселенцев, эти переселенцы никогда бы и не подумали учредить этот орден в своем новом поселении, так же как колония касты воинов в Индии учредила бы из своего собственного ордена надуманную и фиктивную касту браминов".

[34] Когда в более позднюю эпоху Кармат, самозванец Востока, попытался подорвать магометанство, его наиболее успешной политикой было объявление его заповедей аллегориями.

[35] Геродот (b. ii, c. 53) замечает, что именно Гесиоду и Гомеру греки обязаны своей теогонией; они дали богам титулы, определили их ранги и описали их формы. И хотя в это нельзя верить буквально, в некоторых отношениях это можно понимать метафорически. Несомненно, поэты брали свои описания из народных традиций, но они сделали эти традиции бессмертными. Юпитер никогда не мог стать символическим для людей, которые когда-то представляли себе кивки и кудри гомеровского Юпитера".

[36] Cicero de Natura Deorum, b. ii.- Большинство философских интерпретаций греческой мифологии - детище александрийских школ. К чести Аристарха, он боролся с теорией, очень похожей на философию, которая превратила юных читателей "Матушки Банч" в изобретателей аллегорической морали.

[37] Но это поклонение можно отнести к гораздо более ранней дате, чем та, которую наиболее правдоподобно приписывают персидскому Зороастру.

[38] Так, Эпименид Критский, как говорят, провел сорок пять лет в пещере, а Минос спускается в священную пещеру Юпитера, чтобы получить от него элементы закона. Благоговение перед лесами и пещерами, как можно заметить, присутствует как в северных, так и в восточных суевериях. И едва ли найдется на земле народ, в котором бы мы не обнаружили, что древнее суеверие особенно привязалось к пещере и лесу, населяя их особыми демонами. Темнота, тишина и одиночество - жрецы, вечно взывающие к чувствам; и мало кто из нас, наиболее скептически настроенных, заблудился в густом лесу или зашел в одинокую пещеру, не признав их влияния на воображение: "Ipsa silentia", - красиво говорит старший Плиний, - "ipsa silentia adoramus". Влияние ручьев и фонтанов на разум кажется еще более необычным и удивительным. Однако людям, не знакомым с физикой, воды, пропитанные минеральными свойствами или источающие сероводородные пары, вполне могут показаться обладающими чем-то сверхъестественным. Поэтому и по сей день среди многих дикарских племен мы видим, что к таким источникам относятся с почтением и благоговением. У жителей Фиджи в Южных морях есть колодец, который они считают проходом в мир иной, они даже верят, что в его водах можно увидеть призрачные образы вещей, катящихся в вечность. Фонтаны не меньше, чем рощи, были объектами почитания наших саксонских предков - см. Мегинхард, Уилкинс и др.

[39] 2 Царств xvi., 4.

[40] Из трех граций, Аглаи, Евфросинии и Талии, спартанцы первоначально поклонялись только одной (Аглае, великолепию) под именем Фаэны, яркости: они отвергли две другие, чьи имена означают Радость и Удовольствие, и заменили их одной, чье имя было Звук (Клета,) - очень распространенная замена в наши дни!

[41] Персидское вероучение, заимствованное от Зороастра, больше всего походило на христианское. В нем проповедовалось воскресение мертвых, всеобщее торжество Ормузда, Принципа Света, и уничтожение царствования Аримана, Принципа Зла.

[42] Куда бы ни мигрировали египетские или греческие колонии, не было ничего более естественного, чем то, что там, где они находили совпадение мест, они должны были установить и совпадение названий. В Эпире были также Ахерон и Коцит; а Кампания содержит всю топографию вергилиевского Аида.

[43] См. раздел xxi., с. 77.

[44] На Востоке огонь повсеместно был священным символом, хотя нельзя безоговорочно считать, что Вулкан или Гефест греков имеет своим прототипом или оригиналом египетского Пта или Птаса. Персидская философия сделала огонь символом божественного разума, а персидское легкое верие, как и греческое, превратило символ в бога (Max. Tyr., Dissert. 38; Herod., lib. 3, с. 16). Сами евреи связывали стихию со своим истинным Божеством. Именно в огне проявляет себя Иегова. Священное пламя непрерывно горело в храмах Израиля, и тяжкое наказание постигло тех, кто пренебрег им" (Маймонид, трактат vi).

[45] Анаглиф выражал тайные письмена египтян, известные только жрецам. Иероглиф был известен в основном образованным людям.

[46] В Галлии Цезарь находит некоторые племена, более цивилизованные, чем остальные, культивирующие науку жертвоприношений и владеющие темной философией суеверных тайн; но в некоторых других и более нецивилизованных племенах поклонялись только стихиям и небесным светилам (*quos cernunt et quorum opibus aperte juvantur*), а наука жертвоприношений была неизученной. Я полагаю, что у пеласгов, как и у галлов, такие различия могли существовать одновременно в разных племенах".

[47] Прибытие Цереры в Атику Аполлодор относит ко времени Пандиона.

[48] Когда Лобек хочет отнести дату этого религиозного союза к столь недавней эпохе, как время Солона, в связи с единственным отрывком в Геродоте, в котором Солон, беседуя с Крезом, говорит о вражде между афинянами и элейцами, он, как мне кажется, не имеет достаточных оснований для такого предположения. Обряд мог быть учрежден в результате гораздо более ранней вражды и союза, даже того, который традиционно записывается в мифическую эпоху Эрехтея и Эвмолпа, но не мог полностью положить конец борьбе Элевсиса за независимость или предотвратить вспышки случайной ревности и раздора.

[49] Кнеф, демон Агато, или Добрый дух Египта, имел свой символ в виде змеи. Именно потому, что змея была священна для остального мира, она должна была вызывать отвращение у евреев. Но по любопытному остатку восточного суеверия первые христиане часто представляли Мессию змеем, и эмблема сатаны становилась эмблемой Спасителя.

[50] Lib. ii., с. 52, 4.

[51] И это мнение подтверждают Дионисий и Страбон, которые считают додонский оракул изначально пеласгическим.

[52] Также пеласгические, согласно Страбону.

[53] "Американцы недолго думали, что эффективность колдовства ограничивается одним предметом - они прибегали к нему в любой ситуации опасности или беды... Из этой слабости также проистекала вера американцев в сны, их наблюдение за предзнаменованиями, их

внимание к щебету птиц и крикам животных, все это они считали указаниями на будущие события". - "История Америки" Робертсона, книга iv.

Разве никто не может представить, что читает характер древних греков? Это не единственная точка сходства между американцами (когда их открыли испанцы) и греками в их ранней истории; но сходство заключается лишь в том, что цивилизация в некоторых отношениях была одинаково развита.

[54] Представление Демокрита из Абдеры о происхождении снов и гаданий может быть небезынтересным для читателя, отчасти из-за чего-то огромного и ужасного в фантазии, отчасти как доказательство странного, несочетаемого, сбивающего с толку хаоса мысли, из которого наконец пробился свет греческой философии. Он ввел гипотезу об образах (eidola), исходящих как бы из внешних объектов, которые впечатляют наше чувство, и чье влияние порождает ощущения и мысли. Сны и гадания он относил к впечатлениям, передаваемым образами гигантского и огромного роста, которые населяли воздух и охватывали весь мир. И все же этот философ - оригинал Эпикура, а Эпикур - оригинал современных утилитаристов!

[55] Isaiah lxvi. l.

[56] Это невольно признает Лукиан, когда, высмеивая народную религию, говорит, что юноша, который читает о богах у Гомера или Гесиода и находит их различные безнравственные поступки столь известными, не испытает особого удивления, когда, войдя в мир, обнаружит, что эти самые поступки богов осуждаются и наказываются человечеством.

[57] Овидий. Metam., lib. ix.

[58] Так, в знаменитой преамбуле к законам локрийцев Италии (которая, хотя и не была написана Залевком, но, во всяком случае, была составлена греком) говорится, что люди должны держать свои души чистыми от всякого порока; что боги не принимают подношений злых, но находят удовольствие только в справедливых и благотворных действиях добрых людей - см. Diod. Siculus, lib. 8.

[59] Один майнот, услышав, как друзья хвалят свою доблесть, сказал с некоторой философией: "Они бы больше боялись смерти, если бы верили в будущее!"

[60] Во времена Сократа, судя по отрывку из "Федота" Платона, мы можем подозревать, что вульгарные люди скептически относились к бессмертию души, и можно обоснованно сомневаться, что взгляды Сократа и его божественного ученика когда-либо были очень популярны.

[61] Именно соединяя божественное с человеческим, мы всегда возвышаем наши творения - так, в более поздние времена святые, Дева и Христос пробудили гений итальянского искусства.

[62] См. примечание [54].

[63] В более поздний период философии у меня будет повод вернуться к этой теме. А в Приложении, которым я предполагаю завершить работу, я могу предаться некоторым догадкам относительно корибантов-куретов, тейхинов и т. д.

[64] Геродот (l. vi., с. 137) говорит о далеком времени, когда у афинян не было рабов. Поскольку мы располагаем авторитетом Фукидида в отношении превосходного положения Аттики по сравнению с остальной Грецией (ее население никогда не было завоевано), рабство в Аттике, вероятно, возникло позже, чем в других местах, и мы можем сомневаться,

что в этой благодатной стране рабы были взяты из какой-либо значительной части коренной расы. Я говорю "значительная часть", поскольку преступление или долг могли привести некоторых из них к рабству. Утверждение Геродота, что ионийцы были коренными жителями (а не завоевателями, как утверждает Мюллер), очень убедительно подтверждается отсутствием в Аттике такого класса крепостных, как пенесты в Фессалии и гелоты в Лаконии. Раса завоевателей непременно должна была породить класс крепостных.

[65] Или же земля (если говорить правильно) оставалась бы за рабами, как это было у мессенцев и гелотов, но определенная доля продукции причиталась бы завоевателям.

[66] Иммиграция до сих пор не рассматривалась должным образом как один из первоначальных источников рабства.

[67] В орде дикарей, никогда не общавшихся с другими племенами, действительно нашлись бы люди, которые благодаря превосходству физической силы получили бы преимущество над остальными; но они не завещали бы своим потомкам особых привилегий. Именно потому, что физическая сила возводила отца в ранг, недостаток физической силы привел бы к слиянию его детей со стадом. Сила и активность не могут передаваться по наследству. Когда в племени ценятся только быстрые ноги или сильные руки, наследственные привилегии невозможны. Но если одно такое варварское племя покорит другое, менее выносливое, и заселит новое поселение, - тогда действительно начнется аристократия, ибо в сообществах, хотя и не среди отдельных людей, физические способности могут передаваться по наследству. Один человек не может передать свои мускулы сыну, но одно племя, обладающее более мощным телосложением, чем другое, обычно стремится передать это преимущество коллективно своим потомкам. Чувство превосходства, вызванное завоеванием, вскоре приводит и к моральным последствиям - из поколения в поколение поднимает дух одного племени и угнетает дух другого. Те, кто отрицает в завоевании или колонизации происхождение наследственной аристократии, как мне кажется, основывают свои рассуждения на несовершенстве своих знаний о дикарских государствах, на которые они ссылаются для примера.

[68] Соответственно, в самых ранних записях греческой истории - в рассказах героического и гомеровского века - мы находим, что царь обладал лишь незначительной властью, за исключением военных вопросов: он был во всех смыслах этого слова ограниченным монархом, и греки хвастались, что никогда не знали безоговорочного деспотизма Востока. Чем дальше мы отходим от патриархальных времен, тем больше убеждаемся, что колонисты создавали в своих поселениях те аристократические институты, которые являются самыми ранними барьерами против деспотизма. Колонии всегда являются первыми учителями свободных институтов. Вероятно, нет нации, более привязанной к монархии, чем англичане, но я полагаю, что если бы, согласно древнему устройству, англичане мигрировали в разные части света и установили, колонизируя, свои собственные независимые формы правления; едва ли нашлась бы хоть одна такая колония, не являющаяся республиканской!

[69] В Аттике иммиграция, а не завоевание, должна была привести к учреждению аристократии. Фукидид отмечает, что благодаря спокойствию в Аттике (бесплодная почва которой не представляла соблазна для завоевателя), более могущественные семьи, изгнанные из других частей Греции, устремились в Афины в поисках безопасности и убежища. От некоторых из этих чужеземцев вели свое происхождение многие знатнейшие семьи в историческое время. До прибытия этих греческих чужеземцев финикийские или египетские поселенцы, вероятно, создали аристократический класс.

[Современные исследователи пытаются обнаружить египетские черты в изображении Минервы на самых ранних афинских монетах. Даже золотой кузнечик, которым афиняне украшали свои волосы и который по своему тщеславию считался символом их происхождения от земли, был истолкован как египетский орнамент - символ посвященных (Horapoll. Hierogl., lib. ii, c. 55.) "Они - единственный греческий народ, - говорит Диодор, - который клянется Исидой, и их манеры очень похожи на египетские; и столько правды было в этом замечании в свое время (когда египетское стало модой), что комический писатель упрекнул их, что их город - Египет, а не Афины". Но очевидно, что все сходство, которое могло быть получено от горстки египтян до эпохи Тесея, было полностью стерто до эпохи Солона. Даже если мы отдадим должное рассказу Кекропса, аттики все равно останутся пеласгическим населением, из которого несколько ранних институтов, несколько благ элементарной цивилизации и, возможно, несколько знатных семей, вероятно, были египетского происхождения.

[71] Некоторые утверждают, что в древней Аттике есть свидетельства существования каст, подобных тем, что существовали в Египте и на Дальнем Востоке. Но это утверждение было настолько убедительно опровергнуто, что я не считаю нужным вдаваться в долгие рассуждения. Достаточно заметить, что это предположение основано на существовании в Аттике четырех племен, названия которых этимологическая эрудиция пыталась свести к титулам, обозначающим различные профессии воинов, земледельцев, рабочих и (последнее гораздо более спорно и гораздо более спорно) жрецов. Во-первых, как убедительно заметил г-н Клинтон (F. H., vol. i., p. 54), этот институт каст был весьма непоследовательно приписан греческому Иону, а не (как, если бы он был египетским) египетскому Кекропсу. Во-вторых, если справедливо отнести его к Иону, который недолго предшествовал героической эпохе, то как получилось, что в ту эпоху повсеместно господствовал дух, прямо противоположный кастовому, о чем красноречиво свидетельствуют все наиболее достоверные постановления Тесея? Могли ли институты, рассчитанные на то, чтобы стать самыми постоянными из когда-либо созданных законодательством, и которые в Индии противостояли всем новшествам времени, всем революциям войны, исчезнуть из Аттики в течение нескольких поколений? В-третьих, следует отметить, что до разделения, упомянутого Ионом, мы находим одно и то же число четырех племен под совершенно разными именами; при Кекропсе, при Кранаусе, при Эриктонии или Эректее они получали последовательные изменения названий, ни одно из которых не обозначало профессии, но было образовано либо от отличий земли, которую они населяли, либо от имен божеств, которым они поклонялись. Если бы Ион переделал их в соответствии с различными профессиями и занятиями (а где есть такое социальное государство, которое не формирует различные классы - образование, прямо противоположное образованию различных каст?), которые культивируются большинством членов каждого племени, название, данное каждому племени, могло бы быть лишь общим названием, ни в коем случае не применимым к каждому человеку, и уж точно не подразумевающим наследственных и неизгладимых различий. В-четвертых, в подтверждение этого последнего аргумента нет ни одного свидетельства - ни одной традиции, - что такое деление когда-либо было наследственным. В-пятых, во времена Солона и Писистратиды мы находим четыре ионических племени неизменными, но без каких-либо черт, аналогичных восточным кастам" (Clinton, F. H., vol. i., p. 55). В-шестых, я добавлю то, на что я уже намекал ранее (см. примечание [33]), что я не считаю характерным для народа, привыкшего к кастам, создавать касты насмешливые и надуманные в любой стране, которую несколько из них могут посетить или колонизировать. Нет, явно и существенно противоречит такому характеру представление о том, что горстка странствующих египтян, даже если предположить (что абсурдно), что в их партии были члены всех различных каст, наблюдаемых их соотечественниками, включила бы в столь

скудные образцы каждой касты кого-либо из варварских туземцев - они бы оставили всех туземцев в касте самих по себе. И египетскому иерофанту вряд ли пришло бы в голову объединять с собой пеласгийского жреца, как брамину - создавать браминскую касту из набора христианских священнослужителей. Но если ни один египетский иерофант не сопровождал иммигрантов, вдвойне нелепо предполагать, что последние возвели бы кого-либо из своих, для которых такая смена касты была бы нечестивой, а тем более кого-либо из презируемых дикарей, в самый почетный и самый благоговейный ранг, который только могли присвоить египетские представления о достоинстве. Даже самые низкие египтяне не прикоснулись бы к вещи, которую загрязнил греческий нож - сама строгость, с которой в Египте сохранялись касты, запрещала распространять касты среди варваров, которые были бы намного ниже самой низкой касты, которую они могли ввести. Таким образом, если египетские авантюристы не ввели такой институт среди населения, их собственный дух кастовости должен был быстро угаснуть, поскольку браки с туземцами, отсутствие соотечественников и активная жизнь в нецивилизованном доме смешали их с кровью, занятиями и привычками их новых товарищей. Наконец, если этих аргументов (которые можно было бы легко умножить) недостаточно, я говорю, что не я должен более полно разрушить, а те, кто придерживается противоположного мнения, должны более полно обосновать гипотезу, которая так сильно противоречит афинскому характеру, признанным данным афинской истории, и которая утверждает существование институтов, которые труднее всего установить, а когда они установлены, их труднее всего изменить, тем более уничтожить.

[72] Фессалийцы были пеласгами.

[73] Thucyd., lib. i.

[74] Гомер - такой хороший дискриминатор, что он останавливается на варварском языке даже карийцев - никогда, кажется, не намекал на какое-либо различие между языком и расой пеласгов и эллинов, но он писал в эпоху, когда борьба еще не была завершена, и когда следы любого заметного различия должны были быть достаточно очевидными, чтобы обнаружить - достаточно интересными, чтобы заметить.

[75] Страбон, viii.

[76] Pausan., viii.

[77] При всем моем уважении к глубокой образованности и острой изобретательности Мюллера, невозможно не протестовать против духа, в котором задумана большая часть "Истории дорийцев" - духа, который не может быть более опасным для здравого исторического исследования. Смутная традиция, сомнительная линия, достаточно смелому автору для доказательства иностранного завоевания или свидетельства религиозной революции. Есть немецкие писатели, которые, кажется, воображают, что новая историческая школа построена на максиме отрицания того, что есть, и объяснения того, чего нет? Ион никогда не был записан как вытеснитель или даже преемник аттического царя. Возможно, он ввел поклонение Аполлону; но, как справедливо замечает мистер Клинтон, это поклонение никогда не вытесняло поклонение Минерве, которая по-прежнему оставалась божеством-покровительницей города. Какими бы расплывчатыми ни были предания об Ионе, все они свидетельствуют о союзе с афинянами, то есть как раз об обратном завоевании их.

[78] Эта связь, существовавшая по всей Греции, иногда чистая, иногда извращенная, была особенно и первоначально дорической.

[79] Придо о мраморах. Ионы включены в эту конфедерацию; они не могли, таким образом, взять свое имя от эллинского Иона, поскольку Ион не родился во времена Амфикиона. Однако название Амфикион - это всего лишь разновидность понятия амфикиония, или объединение. Лиги такого рода, вероятно, были очень распространены в Греции, возникая почти одновременно из обстоятельств, характерных для многочисленных племен, родственных друг другу, но часто враждовавших между собой. Общий язык привел их к созданию, путем взаимного принятия божеств-покровителей, общей религиозной церемонии, которая оставалась в силе после того, как политические соображения отпали. Одним из доказательств языковой близости между пеласгами и эллинами я считаю Амфикионийскую лигу. Очевидно, она была заключена, когда пеласги были еще сильны и не покорились эллинскому влиянию, и так же очевидно, что она не могла бы быть заключена, если бы пеласги и эллины не были совершенно понятны друг другу. Мистер Клинтон (F. H., vol. i., 66) назначает более позднюю дату, чем принято считать, для великой Амфикионийской лиги, помещая ее между шестидесятым и восьмидесятым годом от падения Трои. Он объясняет это тем, что до этого времени фессалийцы (один из двенадцати народов) не занимали Фессалию. Но, согласуясь с доводами этого великого авторитета, можно заметить, во-первых, что фессалийцы не включены в списки лиги, приведенные Гарпократом и Либанием; и, во-вторых, даже если допустить, что великое амфикионийское собрание двенадцати народов не началось в более ранний период, все же этой знаменитой амфикионии могли предшествовать другие и менее эффективные попытки объединения, согласно преданиям генеалогии. На это намекает и сам мистер Клинтон.

[80] Страбон, lib. ix.

[81] Mueller's Dorians, vol. i.

[82] Вероятно, их выбирали по очереди из разных городов.

[83] Даже биеромнеоны (или депутаты, которым поручались религиозные заботы) должны были как класс сильно уступать по способностям пилагорам; ведь первые выбирались по жребию, а последние - путем тщательного отбора. Таким образом, мы узнаем, что в то время как иеромнемон имел более высокий сан, пилагоры выполняли большую часть работы".

[84] Milton, Hist. of Eng., book i.

[85] Среди старых северных пиратов ни один человек не считался почетным, если не был пиратом, *gloriam sibi acquirens*, как говорится в "Вацдаэле".

[86] Скорее всего, не один, а несколько принцев. В Греции есть три заслуженных претендента на имя и атрибуты даже греческого Геракла.

[Геродот отмечает разницу между египетским и греческим божеством и говорит о храме, воздвигнутом финикийцами Гераклу, когда они построили Тасус, за пятьсот лет до того, как сын Амфитриона стал известен грекам. Историк одобряет тех греков, которые воздвигли два храма божеству с таким именем, поклоняясь в одном из них богу, а в другом соблюдая лишь обряды, как герой.

[88] Plot. in Vit. Thes.-Apollod., l. 3. Эта история часто заимствуется испанскими писателями-романтиками, для которых Плутарх был обильным источником легендарных басен.

[89] Plut. in Vit. Thes.

[90] Гениальное предположение г-на Мюллера, что дань была на самом деле религиозной церемонией и что путешествие Тесея первоначально не имело иного смысла, кроме высадки на Наксос и Делос, конечно, заслуживает доверия, но ничуть не больше, чем древние рассказы Плутарха, и уж точно не проще; как в случае с мифологическими, так и с историческими легендами лучше принять простое и популярное толкование, когда оно кажется соответствующим нравам времени, чем истолковывать историю с помощью вновь придуманных аллегорий. Весьма необычно, что именно такой план принимает каждый автор ранних хроник Франции и Англии, и в то же время так мало писателей соглашались с ***** [три неразборчивых слова в печатном варианте] ***** неясными записями греков.

[91] Плутарх цитирует Клидема в поддержку другой версии этой истории, несколько менее вероятной, а именно, что после смерти Миноса и его сына Девкалиона, Ариадна стала владеть трон и отменила дань.

[92] Фукидид, т. II, с. 15.

[93] Но многие афиняне до гораздо более позднего времени предпочитали жить без стен, рассеявшись по всей стране (Thucyd., lib. ii., 15.) Мы должны предположить, что с ними было так же, как с современными - богатые и великие обычно предпочитали столицу, но было много исключений.

[94] Другие случаи употребления того же слова у Гомера см. в "Быстрой аде" Клинтона, т. i., введение, ix.

[95] Paus., l. i., с. 19; l. ii., с. 18.

[96] Paus., l. vii., с. 25. Оракул из Додоны предупредил афинян о необходимости пощадить поданных.

[97] Herod. (lib. v., 76) приводит эту экспедицию дорийцев для основания колонии в Мегаре в качестве первого вторжения в Аттику.

[98] Суидас. Невозможно не полюбопытствовать о мотивах и политике человека, добродетельного как человек, но столь неумолимого как законодатель. Хотя Драко и сам был знатен, трудно предположить, что столь суровые и беспристрастные законы не действовали бы скорее против более наглого и посягающего на власть сословия, чем против более подчиненных. Эта попытка свидетельствует о крайне неблагоприятном состоянии общества и далеко завела демократические действия, которые Солон скорее представлял, чем создавал".

[99] Хьюм высказывает прямо противоположное мнение: "Ожидать, - говорит он в своем "Эссе о возникновении искусств и наук", - что искусства и науки должны впервые возникнуть в монархии, значит ожидать противоречия"; и он утверждает в последующей части того же эссе, что хотя искусства и науки возникают в республике, они могут быть перенесены в монархию. Однако это мнение полностью расходится с фактом; в деспотических монархиях Востока были элементы искусств и наук; именно в республики они были перенесены, и республики усовершенствовали их. Хьюм, действительно, часто бывает самым неосторожным и некритичным из всех писателей. Что можно подумать об авторе, который утверждает, что утонченный вкус лучше всего преуспевает в монархиях, а затем ссылается на непристойности Горация и Овидия как на пример обратного в республике - как будто Овидий и Гораций не жили при монархии! И на протяжении всей этой теории он так же основательно ошибается. Под изысканным вкусом он подразумевает отказ от нескромности стиля. Бомонт и Флетчер, Рочестер, Дин Свифт писали при монархии - их ханжество не превзойдено ни

одним республиканским автором древности. Какие древние авторы могут сравниться по непристойности с французскими романами времен Орлеанского регента и Людовика XVI? По общему мнению, китайская деспотия - это самый отстойник непристойностей, будь то на картинах или в книгах. Более того, что можно подумать о писателе, который утверждает, что "древние не оставили нам ни одной приятной вещи, которая была бы превосходна, если не считать "Банкета" Ксенофонта и "Диалогов" Лукиана?". Что! Он забыл Аристофана? Он забыл Плавта! Нет, но их приятность не является превосходной на его вкус; и он молчаливо соглашается с Горацием, порицая "грубые насмешки и холодные шутки" Великого оригинала Мольера!

[100] Который запрещал концентрацию власти, необходимую для великих завоеваний. Финикия не была единым государством, это была конфедерация государств; по той же причине Греция, прекрасно рассчитанная на сопротивление, была плохо приспособлена для вторжения.

[101] Даты этих миграций см. в Fast. Hell., vol. i.

[102] До гораздо более позднего периода в ходе работы над этим трудом я оставляю несколько подробный взгляд на историю Сицилии.

[103] Павсаний, в подтверждение этого факта, отмечает, что Перибоя, дочь Алката, была послана Тесеем с данью на Крит.

[104] Когда, по словам Павсания, она изменила свои нравы и язык.

[105] В длину - пятьдесят две географические мили, в ширину - от двадцати восьми до тридцати двух.

[106] Дела оракула вел совет из пяти человек, состоявший из семей, ведущих свое происхождение от Девкалиона.

[107] Правнук Антиоха, сына Геракла - Павсаний, т. 2, с. 4.

[108] Но в Аргосе, по крайней мере, название, хотя и не суть, царского правления сохранялось до Персидской войны.

[109] Те, кто намеревался принять участие в атлетических упражнениях, должны были присутствовать в Олимпии за тридцать дней до игр для подготовки и тренировок.

[110] Судя по некоторым этрусским вазам, найденным в Вейи, этруски практиковали все греческие игры - прыжки, бег, игру на дубинах и т. д., а не ограничивались, как полагает Нибур, боксом и гонками на колесницах.

[111] Это, однако, умаляет реальную честь колесничных гонок, поскольку владелец лошадей обычно побеждал по доверенности.

[112] Неприличное посещение состязаний, где участники были не одеты, было достаточной причиной для исключения женщин. Жрица Цереры, могущественной матери, привыкла рассматривать все подобные непристойности как символические, и поэтому утончала любую заметную нескромность.

[113] Plut. in Alex. Когда один из бойцов с цестом убивал своего противника, проведя кончиками пальцев по его ребрам, его с позором изгоняли со стадиона. Сам цестус, сделанный из кожаных ремешков, очевидно, предназначался не для усиления тяжести удара, а для предотвращения нечестной игры, когда противники хватались друг за друга или

использовали открытую руку. Я полагаю, что железные ленты и свинцовые отвесы были римскими изобретениями, неизвестными, по крайней мере, до поздних Олимпийских игр. Даже в панкратии, самом ожесточенном из всех состязаний, поскольку, похоже, оно объединяло борьбу с боксом (борьба физической силы, без точных и формальных законов бокса и борьбы), запрещалось убивать противника, повреждать ему глаза или использовать зубы.

[114] Даже к пешим скачкам, в которых многие участники были самого низкого ранга, сын Аминта, царя Македонии, не допускался, пока не доказал свое аргивское происхождение. Он оказался неудачливым участником.

[115] Геродот рассказывает анекдот о том, что элейцы послали в Египет своих депутатов, расхваливая славу Олимпийских игр и спрашивая, не могут ли египтяне предложить какие-либо улучшения. Египтяне спросили, разрешено ли жителям Элиса участвовать в состязаниях, и, услышав, что да, заявили, что невозможно, чтобы они не отдавали предпочтение своим соотечественникам, и, следовательно, игры должны привести к несправедливости - подозрение не подтвердилось.

[116] Cic. Quaest. Tusc., II, 17.

[117] Нерон (когда слава покинула это место) управлял в Олимпии колесницей из десяти лошадей, с которой имел несчастье упасть. Он получил и другие призы на других греческих играх и даже состязался с глашатаями в качестве глашатая. Тщеславие Нерона было поразительным, впрочем, как и тщеславие большинства его преемников. Римские императоры были самыми возвышенными в истории. У людей, рожденных на должностях, которые не подвластны честолюбию, все стремления сходят на нет".

[118] Plut. in Sympos.

[119] Не похоже, что в Элисе проводились какие-либо из реальных состязаний в музыке и песне, которые составляли характер Пифийских игр. Но все же это была общая выставка для развития всех искусств. Софист, историк, оратор, поэт и художник нашли свое место на олимпийской ярмарке".

[120] Plut. in vita Them.

[121] Pausanias, lib. v.

[122] Когда Фидия спросили, на основе какой идеи он должен создать свою статую, он ответил цитатой из известных стихов Гомера о кудрях и кивке бога грома.

[123] Я, конечно, знаю, что популярная история о том, что Геродот читал части своей истории в Олимпии, была оспорена, но я думаю, что она была оспорена с очень незначительным успехом против свидетельств компетентных властей, подтвержденных общей практикой того времени.

[124] Действительно, мы находим, что мессенцы продолжали бороться со своими завоевателями и что около битвы при Марафоне они начали сопротивление, которое иногда называют третьей войной - Платон, Leg. III.

[125] Предположим, что Вортигерн был изгнан бриттами и обратился за помощью к саксам, чтобы те восстановили его на троне, "Возвращение Вортигерна" стало бы весьма популярным названием для вторжения саксов. Так, если бы русские после Ватерлоо разделили Францию на части и основали казачье поселение в ее "фиолетовых долинах",

уничтожение французов получило бы все то же городское название "Возвращение Бурбонов".

[126] Согласно Геродоту, спартанская традиция закрепила трон за самим Аристодемом, и царская власть была разделена только после его смерти.

[127] Он написал или переписал их - выражение Плутарха, которое я не перевожу буквально, поскольку оно затрагивает очень спорную тему.

[128] "Иногда государства, - говорит Плутарх, - склонялись к демократии, иногда - к произволу"; то есть в одно время вельможи призывали народ против царя; но если народ заходил слишком далеко, они поддерживали царя против народа. Если мы представим себе конфедерацию горных вождей столетие или два назад, дадим им номинального короля, учтем их гордость и ревность, увидим их нетерпимыми к власти вышестоящих, но деспотичными к нижестоящим, ссорящимися друг с другом, объединенными только кланом, но никогда гражданством, и поместим их в полузавоеванную страну, окруженную враждебными соседями и мятежными рабами, то мы сможем составить некоторое представление о состоянии Спарты до законодательства Ликурга.

[129] Когда нам говорят, что целью Ликурга было искоренить роскошь и женолюбие, существовавшие в Спарте, минутное размышление говорит нам, что женолюбие и роскошь не могли существовать. Племя свирепых воинов в городе, не укрепленном, закрытом скалами, измученном постоянной войной, отвоевывающем город за городом у врагов более цивилизованных, упорных и медлительных, поддерживающих опасное иго над гораздо более многочисленными расами, которые они покорили, - какой досуг, какой повод был у таких людей, чтобы стать женоподобными и роскошными?

[130] См. "Дорийцы" Мюллера, т. ii, с. 12 (перевод).

[131] В том же отрывке Аристотель, с той удивительной симпатией во взглядах, которая роднит его с политическими философами наших дней, осуждает принцип поиска и агитации за избирателей.

[132] В этом сохранялась форма царской власти в героические времена. Аристотель хорошо подметил, что в совете Агамемнон терпит упреки и оскорбления, но в поле он становится вооруженным властью над самой жизнью - "Смерть в его руке".

[133] В то время как современные итальянские республики относят к причинам, которые помешали им принять широко завоевательный характер, их крайнюю ревность к своим командирам, часто мудро высмеиваемую великими итальянскими историками; так что едва ли багажная телега могла двигаться, или пушка была установлена, без приказа сената!

[Мюллер справедливо замечает, что хотя эфорат был обычной дорийской магистратурой, "но, рассматриваемый как должность, противопоставленная царю и совету, он не по этой причине менее характерен для спартанцев; и ни в одном дорийском или даже греческом государстве нет ничего, что точно соответствовало бы ему".

[135] Они упрекали Архидама в том, что он женился на слишком маленькой жене. См. "Дорийцы" Мюллера, т. ii. (Перевод), с. 124, и цитируемые им источники.

[136] Aristot. Pol., lib. ii., с. 9.

[137] Idem.

[138] Эти замечания о демократическом и представительном характере эфоралии можно применить к ней только в связи со спартанским народом. Следует помнить, что эфоры представляли волю этого господствующего класса, а не лаконцев или периэков, которые составляли основную массу нерабовладельческого населения; поэтому демократия их конституции была всего лишь демократией олигархии.

[139] Макиавел ("Рассуждения о первой декаде Ливия", b. i., c. vi.), приписывает продолжительность спартанского правления двум основным причинам: во-первых, малочисленности управляемого населения, что позволило сократить число управляющих; во-вторых, предотвращению всех изменений и коррупции, к которым привел бы допуск чужеземцев. Далее он показывает, что для длительного существования конституции народ должен быть немногочисленным, а все народные порывы и нововведения должны сдерживаться; но для блеска и величия государства следует поощрять не только численность населения, но и снисходительно относиться к политическому брожению и возбуждению. Спарта является для него образцом продолжительности, республиканский Рим - прогресса и империи. "По моему мнению, - заключает флорентиец, - я предпочитаю последний, а что касается раздоров и подражаний между знатью и народом, то их следует рассматривать как неудобства, но необходимые для государства, которое могло бы подняться до римского величия".

[140] Plut. de Musica.

[141] В Коринфе они были отменены Периандром как благоприятные для аристократии, согласно Аристотелю; но более веской причиной может быть то, что они были опасны для тирании.

[142] "Однако, хотя товары и присваивались, их использование, - говорит Аристотель, - было свободным: спартанец мог пользоваться лошадьми, рабами, собаками и повозками другого". Если это понимать буквально, то трудно понять, как спартанец мог быть бедным. Мы должны либо представить, что разные времена смешаны, либо что в этой системе заимствований были сделаны ограничения, о которых мы не знаем".

[143] На протяжении всей греческой истории мы видим, как гелиоты собирают добычу на поле боя, прячут ее от глаз своих господ и продают золото по цене латуни!

[Аристотель, который очень сурово отзывается о спартанских женщинах, проникательно говорит, что мужчин приучали к покорности гражданскому и военному строю, а женщин оставляли необузданными. Таким образом, спартанского героя превращали в пастуха. Однако при всей предполагаемой суровости дорийских нравов эти крепкие матроны скорее отказывались от милостей, чем избегали слабостей своих более мягких современниц. Платон [Plat. de legibus, lib. i. и lib. vi.] и Аристотель [Aristot. Repub., lib. ii.] дают весьма неблагоприятные свидетельства об их целомудрии. Плутарх, слепой панегирист Спарты, с забавным спокойствием замечает, что спартанским мужьям разрешалось одалживать своих жен друг другу; а Полибий (во фрагменте 12-й книги) [Fragm. Vatican., tom. ii., p. 384] сообщает нам, что в Спарте существовал старомодный и распространенный обычай, когда три или четыре брата делили одну жену. Бедные мужья! Несомненно, эта дама подходила им всем! Таковы эти нежные создания, которыми восхищается и от которых отчаивается немецкий профессор М. Мюллер.

[145] У Гомера положение раба, кажется, везде сглаживается добротой и снисходительностью хозяина.

[146] Трое равных всегда сопровождали царскую особу на войне.

[147] Учреждение эфоров, вероятно, относится к этой эпохе - сначала они были избраны в качестве наместников в отсутствие царей.

[148] Павсаний, Мессеники.

[149] См. Mueller's Dorians, vol. i., p. 172, и Clinton's Fast. Hell. vol. i., p. 183.

[150] Приведенные здесь даты второй Мессенской войны см. в Fast. Hell., vol. i., 190, и Приложение 2.

[151] Сейчас называется Мессина.

[152] В Фокисе было не менее двадцати двух государств (poleis); в Беотии - четырнадцать; в Ахайе - десять. Древние политические теоретики считали, что ни одна община не была слишком мала для независимости, если численности хватало для ее защиты. Из Платона мы узнаем, что общество из пяти тысяч свободных людей, способных носить оружие, считалось достаточно сильным, чтобы образовать независимое государство. Одной из главных причин возвышения Афин и Спарты было то, что каждый из этих городов с раннего периода вытеснил мелкие независимые государства на своих территориях в Аттике и Лаконии.

[153] Макиавел (Discor., lib. i., c. ii.).

[154] Lib. iv., c. 13.

[155] Среди преимуществ богатства Аристотель называет возможность тренировать лошадей. Там, где знати удавалось создать конницу, конституция была олигархической. Однако даже в тех государствах, где не было конницы (как в Афинах до конституции Солона), олигархия была первой формой правления, поднявшейся над руинами монархии.

[156] Одним из основных методов усиления народного действия было объединение соседних деревень или округов в одну муниципию со столицей. Таким образом, народ становился и многочисленнее, и сплоченнее.

[157] Иногда в Древней Греции возникал род законных тиранов под именем эсимнетов. Они добровольно избирались народом, иногда пожизненно, иногда на ограниченный срок, и, как правило, для достижения какой-то определенной цели. Так, Питтак из Митилены был избран для ведения войны против изгнанников. После выполнения поставленной задачи он отрекся от власти. Но назначение эсимнетов вряд ли можно назвать регулярной формой правления. Вскоре они устарели, став лишь порождением случая. Пока они существовали, они имели сильное сходство с римскими диктаторами - это сходство отмечает Дионисий, который цитирует Теофраста, соглашаясь с Аристотелем в его рассказе об Эсимнетах.

[158] Ибо, как хорошо заметил великий флорентиец, "для основания правительства лучше всего один человек, а после его установления забота и исполнение законов должны быть переданы многим" (Machiavel. Discor., lib. i., c. 9.) И таким образом тирания строит здание, которое республика поспешит заселить.

[159] В правление Ортагора и его сыновей в Сикионе. "Из всех правительств, - говорит Аристотель, - олигархия или тиран наименее постоянны". Цитата, которая не может быть слишком часто навязчивой для памяти тех рассуждающих, которые так настаивают на кратковременности древних республик.

[160] Помимо представительства, необходимого для конфедераций, таких как Амфикионийская лига и т. д., представительная система была принята в Мантинее, где должностные лица назначались депутатами, выбранными народом. "Эта форма демократии, - говорит Аристотель, - существовала среди пастухов и земледельцев Аркадии"; вероятно, она была нередка и у древних пеласгов. Но мирийцы Аркадии не обладали законодательной властью.

[161] "Тогда под мягкий голос лютни продлевают ночь,
Музыка - изысканнейшее наслаждение пира".
Одиссея Поупа, книга xxi., 473.

В оригинале сильнее -

Moltae kai phormingi tu gar t'anathaemata daitos.

[162] Илиада, книга ix., перевод Поупа, строка 250.

[163] Heyne, F. Clinton, etc.

[164] Перевод Поупа, кн. iv., строка 75 и т. д.

[165] По крайней мере, этого отрывка достаточно, чтобы опровергнуть аргументы г-на Митфорда и людей более ученых, чем этот историк, которые, принимая за неоспоримый факт экстраординарное предположение, что Гомер ни разу не упоминал о возвращении Гераклидов, приходят к выводу, очень нелогичному, даже если бы предпосылки были верны, а именно, что Гомер предшествовал дате этой великой революции.

[Мне кажется, что это наиболее вероятный способ объяснить необычное и непропорциональное значение, придаваемое древними поэтами тому эпизоду Троянской войны, который связан с враждой Ахилла и Агамемнона. Как первая зафиксированная вражда между великими ахейцами и воинами Фтиотиды, она имела бы торжественный и исторический интерес как для дорийцев-завоевателей, так и для побежденных ахейцев, льстила бы национальному тщеславию обоих народов.

[167] Я принимаю анализ аргументов против Гомера, столь ясно изложенный г-ном Кольриджем в его красноречивом "Введении в изучение греческих поэтов". Homer, p. 39.

[168] en spanei biblon, - это слова Геродота. Листья и кора деревьев также использовались с очень отдаленного периода, предшествовавшего распространению папируса, и когда нам говорят, что листьев не хватит для работ любой длины и продолжительности, не следует забывать, что в гораздо более позднюю эпоху именно на листьях (и бараньих костях) был переписан Коран. Самых грубых материалов достаточно для сохранения того, что люди считают своим интересом сохранить!

[169] См. Clinton's F. H., vol. i., p. 145.

[170] Критики, конечно, обнаруживают некоторые предполагаемые пробелы и интерполяции; но они, если их признать, не являются доказательством против единства Гомера; удивительно, что таких интерполяций было так мало, учитывая варварский век, прошедший между их созданием и временем, когда они были впервые тщательно отредактированы и собраны. С большей силой против аргумента в пользу единства Гомера,

вытекающего из единства стиля и характера, выдвигается тот факт, что существуют отрывки, которые, по мнению современных критиков, являются дополнениями к оригинальным поэмам, сделанными спустя столетия и до сих пор не замеченными древними; и что в этих дополнениях - таких, как последние книги Илиады и многие другие, менее важные - гомеровское единство стиля и характера все еще сохраняется. Однако мы можем ответить, что, во-первых, мы имеем право скептически относиться к этим открытиям - многие из них опираются на весьма недостаточные критические основания; во-вторых, если мы согласимся с ними, то одно дело, если в поэму введено поддельное дополнение, и другое - если поэма состоит из одних дополнений; В-третьих, можно заметить, что удачные подражания стилю и характерам автора, каким бы великим он ни был, могут быть сделаны спустя много веков с достаточной легкостью, причем очень низкими гениями, хотя в то время, когда он писал или пел, нелегко предположить, что полдюжины или более поэтов разделяли его дух или стиль. В наши дни подражание стилю величайших писателей, древних и современных, является весьма распространенным схоластическим приемом. Но единство Гомера зависит не от того, вводились ли в великую поэму подделки, а от того, объединялось ли множество великих поэтов в одну школу на одну тему. Находчивый ученик Шекспира или старших драматургов может навязать публике новую сцену или даже новую пьесу как принадлежащую Шекспиру, но будет ли это доказательством того, что в создании "Макбета" участвовала целая компания Шекспиров? Я, кстати, немного сомневаюсь в нашей способности определять, что гомеровское, а что нет, видя, что Шлегель, посвятив полжизни Шекспиру (чьи произведения написаны на живом языке, подлинность каждого из которых может подтвердить живой народ), тем не менее приписывает этому поэту каталог пьес, в которых Шекспир совершенно невиновен, - но, будьте уверены, то же самое делает и Стивенс!

[171] То, что Писистрат или его сын при содействии поэтов своего времени сделали нечто большее, чем собрали, упорядочили и исправили стихи, уже имевшие высокую репутацию, мы не только не имеем права предполагать, но и имеем множество доказательств, опровергающих это. Об истинных заслугах Писистрата перед Гомером мы расскажем далее.

[172] "Сошествие Тесея с Пиритом в ад" и т. д. - Paus., ix., с. 31.

[173] Особенно если у беотийцев мы будем считать самый поэтический отрывок (вступительные строки к музам) искусственной интерполяцией.

[174] Пастух.

[175] Я не могу опустить традицию, записанную Павсанием. Беотийцы показывали свинцовый стол у фонтана как тот, на котором были написаны "Труды и дни". Поэмы Гесиода, конечно, не так приспособлены для пересказа, как для чтения. Однако по самой правдоподобной хронологии они были написаны всего лишь через сто лет после Гомера!

Аоны, гианты и другие племена, которые я считаю частью великой пеласгической семьи, были изгнаны из Беотии фракийскими полчищами [176]. [Впоследствии они вернулись во времена дорийской эмиграции]. Часть населения, однако, должна была остаться - крестьянство земли; и в Гесиоде мы, вероятно, обладаем национальной поэзией и приходим к национальной религии старых пеласгов.

[177] Welcker.

[178] Смертоносные знаки, начертанные Празом на скрижалях, носителями которых был Беллерофон, и упоминаемые в Илиаде, обычно считаются учеными изобразительными и, как

бы, иероглифическими фигурами; мое же мнение, и самое простое толкование этого отрывка, состоит в том, что это были алфавитные символы - одним словом, письмо, а не живопись.

[179] Павсаний, lib. i., с. 27, говорит о деревянной статуе в храме Похаса в Афинах, которая, как говорят, была подарена Кекропсом; и, с гораздо большим правом на веру, в предыдущей главе он говорит нам, что самым святым из всех изображений была статуя Минервы, которая, по общему согласию всех городов, прежде чем они были объединены в один город, была посвящена в цитадели, или полисе. Традиция, таким образом, переносит дату появления этой статуи за пределы времени Тесея. Плутарх также сообщает, что сам Тесей, воздавая божественные почести Ариадне, приказал сделать для нее две маленькие статуи - одну из серебра, другую из меди.

[Все, что Гомер называет работой Вулкана, например, собаки во дворце Алкиноса и т. д., мы можем считать делом рук чужеземцев. Поэт вряд ли мог приписать богам работу, которую, как знали его слушатели, сделал мастер в их собственном городе!

[181] См. Одиссея, книга vii.

[182] Влияние искусства, привычек и нравов чужой страны неизмеримо важнее для нас, если мы посещаем эту страну, чем если бы нас просто навещали ее уроженцы. Например, количество французских эмигрантов, заполонивших наши берега во времена Французской революции, очень незначительно повлияло на английские обычаи и т. д. Но влияние французов на нас, когда после заключения мира наши соотечественники устремились во Францию, было огромным".

[183] Herod., lib. ii., с. 178.

[184] Греческая архитектура, похоже, была более свободна от обязательств перед какими-либо техническими секретами египетского искусства, чем греческая статуя или живопись. Ибо, во-первых, более чем сомнительно, что дорический ордер не был изобретен в европейской Греции задолго до правления Псамметиха [Самый ранний из известных храмов в Коринфе, по предположению полковника Лика, датируется 800 г. до н. э., примерно за сто тридцать лет до правления Псамметиха в Египте.]; и, во-вторых, очевидно, что первые намеки и зачатки как дорического, так и ионического ордера были заимствованы не из зданий из массивных и многолетних материалов египетской архитектуры, а из деревянных построек; они становились все совершеннее по мере внедрения камня и мрамора, а большая сложность и дороговизна работы неощутимо навязывали архитектору более строгие мысли и более продуманные правила. Но я не могу согласиться с Мюллером и другими, что, поскольку первые намеки на дорический ордер были взяты из деревянных зданий, следовательно, первое изобретение обязательно принадлежит дорийцам, поскольку многие азиатские города были построены в основном из дерева. Мне кажется наиболее вероятным, что Азия дала первые представления об этих прекрасных формах, и что греки довели их до совершенства раньше азиатов, не только благодаря своему острому восприятию изящного, но и потому, что они раньше стали широко использовать камень. Из Геродота мы узнаем, что великолепный Сардис был построен в основном из дерева, в то время как мрамор Пароса был обычным материалом для греческих храмов.

[185] Фалес был одним из семи мудрецов в 586 году до н. э., когда Ферекиду Сирскому, первому прозаику, было около четырнадцати лет. Мистер Клинтон относит время расцвета Ферекида к 572 г. до н. э. Кадм из Милета процветал до 530 г. до н. э.

[186] К этому решению вопроса, почему литература обычно начинается с попыток философствования, можно добавить еще одно: "Когда письменность впервые переходит в устное общение, читающая публика обязательно должна быть крайне ограничена. Во многих ранних странах эта читающая публика состояла из касты жрецов; в этом случае философия была бы зажата суеверием. В Греции, где не было касты жрецов, философия охватывала те ученые умы, которые пристрастились к исследованиям, отвергающим поэтическую форму, а также поэтический дух. Можно заметить, что чем более ограничена читающая публика, тем более заумными обычно бывают прозаические сочинения; по мере увеличения числа читателей литература возвращается к моде устного общения; ведь если чтец обращался к толпе в более ранний век, то писатель обращается к толпе в более поздний; поэтому литература начинается с поэтического вымысла и обычно заканчивается прозаическим вымыслом. Так было в древнем мире, так будет и в Англии, и во Франции. Урожай романов, боюсь, является признаком приближающегося истощения почвы".

[187] См. главу I.

[188] Вместо Периандра Коринфского (по Платону, и поэтому) более популярно, но менее справедливо, причисление к Майсону Шенскому.

[189] Приписывается также Фалесу; Stob. Serm.

[190] Аристотель рассказывает (Pol., lib. i.) необычный анекдот о средствах, с помощью которых этот философ приобрел богатство. Благодаря своим познаниям в метеорологии он предвидел, что в один из сезонов будет необыкновенный урожай оливок. В течение предыдущей зимы он нанял все маслобойни на Хиосе и в Милете, потратив свое скудное состояние на авансы нескольким владельцам. Когда наступил сезон созревания урожая, каждый желал как можно скорее получить оливковые прессы, и Фалес, имея их все, сдавал их по высокой цене. Его монополия сделала его богатым, и он показал своим друзьям, говорит Аристотель, что философам очень легко быть богатыми, если они этого хотят, хотя это и не является их главным желанием; философия не находит таких возможностей в наши дни".

[191] Таким образом, Гомер цитируется в доказательство влажности потомства,

"Okeanos hosper ginesis pantos tet ktai;"

Брайантская раса спекулянтов сразу же атакует нас "духом, движущимся по лицу вод". В Греции нередко считалось, что хаос - это сначала вода, превращающаяся в слизь, а затем в землю; и есть веские, но недостаточные основания приписывать аналогичное и, конечно, более раннее представление финикийцам и, возможно, индийцам.

[192] Plut. de Plac. Phil.

[193] Ap. Stob. Serm.

[194] Laert.

[195] Согласно хронологии Клинтона, т. е. через год после законодательства Драко. Это изменение ранее принятых дат бросает значительный свет на причины заговора, который, возможно, черпал свою силу из непопулярности и провала законов Драко. Следуя ошибочной хронологии, которая пронизывает всю его работу, мистер Митфорд делает так, что попытка Сайлона предшествует законодательству Драко.

[196] A cap.

[197] Экспедиция против Саламины при Солоне предшествовала прибытию Эпименида в Афины, которое произошло в 596 году. Законодательство Солона было принято в 594 году до н. э., а первая тирания Писистрата - в 560 году до н. э.: то есть через тридцать четыре года после законодательства Солона и, по крайней мере, через тридцать семь лет после экспедиции Солона в Саламину. Но Писистрат прожил тридцать три года после своей первой узурпации, так что, если бы он участвовал в первой экспедиции в Саламин, он бы дожил до возраста, немного не дотягивающего до ста лет, и ему было бы значительно больше восьмидесяти во время его третьего самого блестящего и энергичного правления! Наиболее вероятной датой рождения Писистрата является та, которую называет г-н Клинтон, - около 595 г. до н. э., несколько позже экспедиции Солона в Саламин и всего лишь за год до принятия Солоном законов. Согласно этой дате, Писистрату на момент смерти должно было быть около шестидесяти восьми лет. Ошибка Плутарха, очевидно, возникла из-за того, что он спутал две войны с Мегарой и Саламином, имевшие схожие результаты: первую возглавил Солон, вторую - Писистрат. Я тем более удивлен, что мистер Тирлуолл впал в ошибку, сделал Писистрата современником Солона в этом деле, поскольку он определяет дату восстановления Саламины 604 годом до н. э. (см. примечание к Thirlwall's Greece, p. 25, vol. ii.) и полагает, что Солону в это время было около тридцати двух лет (т. е. двадцать шесть лет в 612 году до н. э.). (См. Thirlwall, vol. ii., p. 23, note.) Теперь, поскольку Писистрату не могло быть меньше двадцати одного года, чтобы принять столь заметное участие в экспедиции, как это приписывают ему Плутарх и его современные последователи, он должен был, согласно такой гипотезе, быть всего на одиннадцать лет моложе Солона, совершить свою первую тиранию незадолго до смерти Солона от старости и жениться на второй жене, когда ему было около восьмидесяти! Если бы это было так, то отношения дамы не могли бы обоснованно возмущаться тем, что брак не был заключен!

[Мы не можем предположить, как это делает небрежный и путанный Плутарх, что народ или народное собрание отменило постановление; правительство тогда не было демократическим, но существовали народные собрания, которые в чрезвычайных случаях - особенно, возможно, в случае войны - необходимо было умиловить, и к ним было принято обращаться. Я не сомневаюсь, что именно с одобрения и согласия архонтов Солон обратился к народу, подготавливая его к отмене декрета, который без их одобрения было бы небезопасно предлагать".

[199] Поскольку цитата из Гомера крайне двусмысленна и гласит лишь, что Аякс присоединил корабли, которые он вел из Саламины, к кораблям афинян, нельзя не предположить, что если бы Солон действительно взял на себя труд подделать стих, у него хватило бы здравого смысла подделать его гораздо более решительно в пользу своего аргумента.

[200] Пятьдесят семь, согласно Плинию.

[201] Plut. in Vit. Sol.

[202] Arist. Pol., lib. ii., c. 8.

[203] Это постановление, вероятно, относится к более позднему времени, чем время Солона. Писистрату приписывается закон о нетрудоспособных гражданах, хотя его предложение приписывается Солону. Однако это был закон, который, очевидно, вырос из принципов Солона.

[Племя состояло из трех фратрий, или братств, фратрия - из трех генов, или кланов, генос, или клан, состоял из тридцати глав семейств. Поскольку население, как в целом, так и в этих

подразделениях, должно было подвергаться постоянным колебаниям, вышеупомянутые числа, скорее всего, были тем, что мы можем назвать фикцией в законе, как замечает Бозций (Boeckh (Pol. Econ. of Athens, vol. i., p. 47, английский перевод) отмечает, что "подобно тому, как римляне называли капитана центурионом, даже если он командовал шестьюдесятью людьми, так и семья могла называться триакой (т.е. тридцатью), хотя в ней было пятьдесят или более человек". Некоторые, правда, предполагают, что вакансии во фратриях заполнялись из сословия, не входившего в эти семьи; но это предположение кажется менее вероятным, чем то, которое я изложил выше. Если цифры, приведенные Поллуксом, взяты из переписи времен Солона, то четыре племени в то время насчитывали триста шестьдесят семей, каждая из которых состояла из тридцати человек; таким образом, общее население составляло десять тысяч восемьсот свободных граждан. Вскоре это население почти удвоилось, но названия подразделений остались прежними. Я оставляю для приложения более подробный и критический взгляд на пылкие, но утомительные споры ученых по сложному вопросу об афинских племенах и семьях.

[205] Бозций (Публ. экон. Афин, кн. iv., гл. v.) утверждает, основываясь на законе, сохраненном Демосфеном, что число мер для зеугитов составляло всего сто пятьдесят. Но его аргумент, выведенный по аналогии с суммой, которую должен был дать наследнице ее ближайший родственник, если он отказывался на ней жениться, ни в коем случае не является достаточно убедительным, чтобы побудить нас отвергнуть пропорцию в двести мер, "сохранившуюся (как признает Бозций) у всех писателей", особенно во времена Демосфена. Сам Бозций в последующем отрывке справедливо замечает, что названия *zeugitae* и т. д. могли относиться только к новым классам, введенным вместо тех, что были учреждены Солоном.

[206] Что касается стоимости "меры" в то время, то она оценивалась в драхму, а драхма была ценой овцы.

[207] Закон против безделья приписывается скорее Писистрату, чем Солону.

[208] Athenaeus, lib. xiv.

[209] Plutarch de Gloria Athen. В этом очерке я не полностью ограничиваюсь постановлениями Солона относительно ареопага.

[210] Число ареопагитов, зависящее от числа архонтов, было неизбежно колеблющимся и неопределенным. Архонт не обязательно принимался в ареопаг. Предварительно он проходил строгий и суровый экзамен на предмет того, как он исполнял свои обязанности, и подлежал изгнанию в случае доказательств безнравственности или недостойности.

[211] Некоторые современные авторы утверждают, что во времена Солона члены совета не выбирались по жребию; их аргументы кажутся мне неубедительными. Но если бы это была просто делегация Евпатридов, как полагают такие авторы, то совет был бы еще более порочным по своему составу.

[212] Поллукс.

[213] Aeschines in Timarch.

[214] Каждому члену платили (как когда-то в Англии, так и сейчас в Америке) умеренную сумму (одну драхму) на содержание, а по окончании срока доверия особая честность вознаграждалась деньгами из общественной казны.

[215] Когда было десять племен, каждое племя председательствовало тридцать пять дней, или пять недель; когда впоследствии их число увеличилось до двенадцати, срок председательства составлял один месяц.

[216] Атимос означает скорее недостойный, чем обесчещенный. Тот, к кому это слово применялось в более мягкой степени, скорее лишался почестей, чем подвергался позору. Однако со временем это слово перестало передавать свое первоначальное значение; оно стало применяться к преступлениям настолько обычным и распространенным, что превратилось в простой юридический термин.

[217] Более отвратительное из тройных преступлений, называемое *eisangelia*.

[218] Это был последующий закон; первым платежом был обол, или один пенни-фартинг; впоследствии он был увеличен до трех оболов, или трех пенсов-три фартинга.

[219] Иногда собрание проводилось в Пниксе, впоследствии так прославленном: в последнее время также (особенно в плохую погоду) в храме Вакха; в чрезвычайных случаях в любом месте, которое считалось наиболее удобным или вместительным.

[220] *Plato de Legibus*.

[221] Плутарх уверяет нас, что Солон издал указ, согласно которому его законы должны были оставаться в силе сто лет: утверждение, которое современные авторы отвергли как несовместимое с их постоянным пересмотром. Однако этот указ не был столь противоречивым, как кажется на первый взгляд, ведь одним из законов, не подлежащих изменению, было право вносить поправки и пересматривать законы. И, следовательно, оспариваемое постановление подразумевает, что конституция не может быть изменена иначе, как через конституционный канал, который назначил Солон.

[222] См. *Fast. Hell.*, vol. ii., 276.

[223] Включая, как я уже отмечал, тот закон, который предусматривал любое изменение конституции конституционным способом.

[224] "*Et Croesum quem vox justi facunda Solonis
Respicere ad longae jussit spatia ultima vitae.*"
Juv., Sat. x., s. 273.

История о беседе и разговоре между Крезом и Солоном подтверждается столькими совпадающими авторитетами, что мы не можем не испытывать благодарности к современному образованию, которое устранило единственное возражение против нее, заключающееся в явном противоречии дат. Если, как утверждал Ларчер, еще лучше Весселинг, а также мистер Клинтон, мы согласимся с тем, что Крез царствовал совместно со своим отцом Аляттом, то трудность сразу же исчезнет.

[Плутарх приводит два рассказа о взятии Саламины Солоном; один из них, который также предпочитает Аэлиан (var. c. xix., lib. vii.), я принял и описал в своем повествовании о той экспедиции: второй я привожу сейчас, но отношу его к Писистрату, а не к Солону: в поддержку этого мнения я обязан г-ну Клинтону за предложение двух авторитетов. Эней Тактикус в своем "Трактате об осадах", глава iv., и Фронтин в "Стратегеме", lib. iv., cap. vii.-Юстин также поддерживает притязания Писистрата на эту стратегию, lib. xi., c. viii.

[226] Самая оптимистичная надежда, которую Цицерон, похоже, питал в отношении поведения Цезаря, заключалась в том, что он может заслужить титул Писистрата Рима.

[227] Если мы можем в этом анекдоте согласиться с Плутархом (*de Vit. Sol.*) и Аэлианом (*Var. lib. viii.*, с. xvi.), то я не вижу причин отказываться от этого мнения.

[228] Его собственные стихи, а не рассказ Плутарха, являются свидетельством поведения Солона после узурпации Писистрата.

[229] Этот историк устанавливает дату визита Солона к Крезу и на Кипр (на острове которого, по его утверждению, он умер) не во время его десятилетнего отсутствия, а во время окончательного изгнания, за которое он ратует.

[230] *Herod.*, l. i., с. 49.

[231] Шествие богини Разума во время первой французской революции решает проблему, которая озадачила Геродота.

[232] Мистер Митфорд считает эту историю не заслуживающей доверия историей. Он не приводит никаких достаточных причин против ее принятия, и, несомненно, был бы менее скептичен, если бы знал больше о социальных привычках того времени или имел более близкое знакомство с человеческой природой в целом.

[233] В каких вопросах, касающихся людей и денег, мистер Митфорд, стремящийся избавить характер Писистрата от пятна тирании, бессовестно уклоняется от ответа. Цитируя Геродота, который особенно настаивает на этих неправомерных источниках помощи, в следующих словах - "*Errixose taen tyrannida, epikouroisi te polloisi kai chraematou synodoisi, ton men, autothen, ton de, apo Strumano potamou synionton*": этот откровенный историк просто говорит: "Особый интерес к правящим партиям в нескольких соседних государствах, особенно Фивах и Аргосе, и мудрое и свободное использование очень большой частной собственности, были ресурсами, на которые кроме этого он в основном полагался." Почему он так опускает факт наличия вспомогательных войск, легко понять. Он хочет, чтобы мы поняли, что третья тирания Писистрата, будучи здоровой, была также приемлема для афинян, а не, как это было в значительной степени, поддерживалась заимствованными сокровищами и иностранными мечами.

[234] Который, согласно Плутарху, впервые появился при возвращении Солона; но правильная дата его выставки установлена (*Fast. Hell.*, vol. ii., p. 11) через несколько лет после смерти Солона.

[Эти две войны, разделенные столь большим промежутком времени, - одна закончена Периандром из Коринфа, другая предпринята Писистратом, - с обычной ошибкой мистера Митфорда объединены в одно событие. Он помещает Алкея в войну, последовавшую за завоеванием Сигея Писистратом. Бедный Алкей! Поэт процветал в Олим. 42 (611 г. до н. э.); третья тирания Писистрата может датироваться где-то 537 г. до н. э., так что Алкею, если бы он был жив в то время, которое мистер Митфорд приписывает его воинственным выступлениям, было бы (если предположить, что он родился за двадцать шесть лет до даты своей известности в 611 г.) всего сто лет - подходящий возраст для начала войны! Дело в том, что мистер Митфорд принял довольно путаный рассказ Геродота, не позаботившись о том, чтобы установить даты, которые для всех остальных должны были бы подсказать сами имена Периандра и Алкея.

[236] Ибо читатель сейчас увидит, какое участие принимал Крез в делах этого Мильтиада во время его правления в Херсонесе; теперь Крез был завоеван Киром около 546 г. до н. э. - следовательно, это должно было произойти до этого периода. Но третья тирания Писистрата началась через девять лет после этого, то есть в 537 году до нашей эры. Вторая тирания, вероятно, началась всего за два года до падения лидийской монархии и, похоже, продолжалась всего год, и в течение этого периода Крез уже не оказывал на города побережья того влияния, которое он оказывал на жителей Лампсака от имени Мильтиада; уход Мильтиада, сына Кипсела, должен был произойти во время первой тирании, в промежутке 560 до н. э. - 554 до н. э., и, вероятно, в самом начале царствования - около 550 г. до н. э.

[237] На Востоке хозяин семьи до сих пор сидит перед дверью, чтобы принять гостей или вести дела.

[238] Фукидид, т. VI, с. 54. В диалоге Гиппарха, приписываемом Платону, приводится другая история, но во многом та же самая. В вопросах истории мы не можем сомневаться, кто является лучшим авторитетом - Фукидид или Платон, - особенно апокрифический Платон.

[Хотя вполне вероятно, что патриотизм "возлюбленных" Аристокитона и Гармодия в последующие времена был превзойден, однако мистер Митфорд не оправдывается, утверждая, что именно частная месть, а не какие-либо политические мотивы побудили их устроить заговор с целью убийства Гиппия и Гиппарха. Если бы это было так, зачем вообще нападать на Гиппия, зачем пытаться сделать его первой и главной жертвой, зачем нападать на Гиппарха (против которого у них была только частная месть) внезапно, случайно и из побуждения момента, после провала их замысла на самого тирана, с которым у них не было ссоры? Наиболее вероятно, что, как и в других попытках революции - Масаньелло, Риенци - общественный патриотизм не был создан, он был стимулирован и раздут частной обидой.

[240] Мистер Митфорд очень любопытно перевел этот отрывок следующим образом: "Аристокитон спасся от стражи, но, будучи схвачен народом (!!!), не был мягко обойден". Так выразился Фукидид". Теперь Фукидид говорит совершенно обратное: он утверждает, что из-за толпы народа стража не смогла поначалу схватить его. Как же мистер Митфорд допустил эту странную оплошность? Наиболее милосердное предположение состоит в том, что, не читая по-гречески, он был введен в заблуждение ошибкой пунктуации в латинской версии.

[241] "Qui cum per tormenta conscios caedis nominare cogeretur," etc. (Justin., lib. ii., chap. ix.) Этот автор отличается от старших писателей относительно точной причины заговора.

[242] Геродот говорит, что они оба были гефирейцами по происхождению; раса, по его словам, изначально финикийская - Herod. b. v., с. 57.

[243] Мистер Митфорд слишком поспешно и широко утверждает, что вся история о Лиене - басня: если, как мы можем узнать из Павсания, статуя львицы существовала в его время, мы можем сделать паузу, прежде чем отрицать всю подлинность традиции, далеко не противоречащей нравам того времени или героизму пола.

[244] Thucyd., b. vi., с. 59.

[245] Herodotus, b. vi., с. 103. По всей вероятности, та же ревность, что убила отца, погубила и сына. Гиппий был слишком зорким и слишком боязливым, чтобы не заметить растущие таланты и дерзкий нрав Мильтиада. Кстати, можно ли поверить, что Митфорд, стремясь доказать, что Гиппиас и Гиппарх - самые восхитительные личности из всех возможных, не только скрывает противоестественные страсти последнего, но и совершенно умалчивает об

убийстве Кимона, которое Геродот приписывает сыновьям Писистрата в самых сильных и серьезных выражениях - мистер Тирлуолл (Hist. of Greece, vol. ii., p. 223) ошибочно приписывает убийство Кимона самому Писистрату.

[246] Suidas. Laertius iv., 13, etc. Другие, как Аммоний и Симплиций в Аристотелеме, выводят название "киники", данное этим философам, из насмешек над их манерами.

[247] Чей пыл, похоже, был вскоре угашен. Они потеряли всего сорок человек, а затем сразу же отступили в Фессалию. Это напоминает нам о войнах между итальянскими республиками, в которых потеря одного всадника не считалась пустяковым несчастьем. Ценность коня и ранг всадника (всегда выше вульгарного) привели к тому, что греческая кавалерия была легко обескуражена тем, что кажется нам незначительной резней.

[248] Aelian. V. Hist. xiii., 24.

[249] Wachsm., l. i., p. 273. Другие утверждают более позднюю дату этого важнейшего изменения; но в целом оно кажется необходимым следствием нововведений Клисфена, которые все были основаны на одной великой системе разрушения влияния аристократии. В речи Отанеса (Herod., lib. iii., c. 80) любопытно наблюдать, насколько голосование по жребию отождествлялось с республиканской формой правления.

[250] См. Sharon Turner, vol. i., book i.

[251] Herod., b. i., c. xxvi.

[252] Ктесий. Мистер Тирлуолл, по моему мнению, очень правильно довольствуется записью конечной судьбы Креза, как мы находим ее в Ктесиасе, отвергая прекрасный роман Геродота. Юстин отмечает, что Крез был так любим в греческих городах, что, если бы Кир проявил к нему хоть немного жестокости, персидский герой навлек бы на себя войну с Грецией.

[253] После своего падения Крез, по словам Геродота, упрекал пифийцев за те вероломные прорицания, которые привели к потере его трона, и спрашивал, являются ли боги Греции обычно обманчивыми и неблагодарными. Верный темной статье греческой веры, карающей отдаленные поколения за преступления предков, пифиец ответил, что Крезу было суждено искупить в своем лице преступления Гигеса, убийцы его господина; в остальном же заявления оракула подтвердились; могущественная империя, обличенная божественным голосом, была разрушена, ибо она принадлежала ему, а мул Кира управлял лидийским царством: Мулом персидский герой мог называться по праву, поскольку его родители были разных сословий и народов. Его отец - низкородный перс, мать - медийская принцесса. Геродот уверяет, что Крез удовлетворился этим объяснением - если так, то бог песни был более удачлив, чем вдохновляемые им земные поэты, которые, правда, часто, подражая его примеру, приносили своих друзей в жертву игре слов, не будучи в состоянии так легко удовлетворить свои жертвы.

[254] Herod., l. v., c. 74.

[255] Если их можно назвать колонистами, то они сохранили связь с Афинами и все свои права на франшизу.

[256] Herod., l. v., c. 78.

[257] Мистер Митфорд, постоянно пытающийся извратить простую честность Геродота для одобрения деспотических правительств, старательно замалчивает этот примечательный отрывок.

[258] Pausanias, b. iii., c. 5 и 6.

[259] Мистер Митфорд, всегда неоправданно пристрастный к спартанской политике, называет Клеомена "человеком жестоким по своему нраву, но обладающим значительными способностями". Нет никаких доказательств его способностей. Его неугомонность и свирепость заставили его взять на себя видную роль, которую он никогда не мог выполнить: в лучшем случае он был хитрым безумцем.

[260] Почему, если они были обнаружены Клеоменом так давно, их скрывали до сих пор? Спартанский принц, впоследствии уличенный в подкупе самого оракула, возможно, подделал эти приписания.

[261] Herod., b. v. c. 91.

[262] Что говорит мистер Митфорд об этой измене? "Мы видели, - говорит этот историк, - как демократические Афины сами подали пример (среди государств старой Греции) просить персидской защиты. Так неужели либеральный дух патриотизма и равноправного правления оправдывает предрассудки афинской фракции (!!!) и обрекает Гиппия на особое осуждение за то, что в конце концов он вместе со многими своими согражданами, отчаявшись найти другие средства для возвращения на родину, обратился к Артаферну в Сарды?" Трудно сказать, чем восхищаться больше - глупостью или нечестностью этого отрывка. Афинская демократия обратилась к Персии за помощью против несправедливого вторжения иностранной силы в их город и свободы; Гиппий обратился к Персии не только для того, чтобы вмешаться во внутренние дела свободного государства, но и чтобы подчинить это государство, его родной город, сатрапу. Есть ли параллель между этими случаями? Если нет, то какая глупость в ее проведении! Но бесчестность равна тупости. Геродот, единственный автор, которому следует г-н Митфорд, прямо заявляет (l. v., c. 96), что Гиппий стремился побудить Артаферна подчинить Афины власти сатрапа и его господина Дария; однако г-н Митфорд не говорит об этом ни слова, оставляя читателю возможность предположить, что Гиппий просто стремился вернуться в свою страну благодаря заступничеству сатрапа.

[263] Herod., l. v., c. 96.

[264] Аулу Геллий, который рассказывает этот анекдот более подробно, чем Геродот, утверждает, что сам раб не знал символов, написанных на его черепе, что Гистиэй выбрал домашнего, у которого была болезнь глаз, побрил его, проколол кожу и, отправив его в Милет, когда волосы отросли, заверил доверчивого пациента, что Аристагор завершит излечение, побрив его во второй раз. Согласно этой истории, мы должны скорее восхищаться простотой раба, чем изобретательностью Гистиния.

[265] Скорее гиперболическое выражение - общее число свободных афинян не превышало двадцати тысяч.

[266] Пеонийцы.

[267] Гекатей, историк из Милета, выступал против отступления в Мирцин, советуя своим соотечественникам укрепиться на острове Лерос и ждать случая вернуться в Милет. Этот ранний писатель, похоже, был одним из тех мудрых людей, которые редко добиваются должного влияния в общественных делах, потому что обращаются к разуму в противовес

страстям тех, кого они хотят вести за собой. Не добившись успеха в этом деле, Гекатей потерпел неудачу и в двух предыдущих случаях: во-первых, когда он пытался отговорить милезийцев от восстания Аристагора; во-вторых, когда, обнаружив, что они склоняются к этому, он посоветовал им использовать священные сокровища в храме в Бранхиде на содержание военно-морского флота. В каждом случае его совет провалился именно потому, что был дан без предрассудков и страсти. Успешный советник должен казаться сочувствующим даже ошибкам своих слушателей.

[Гуманный Дарий, чьи добродетели были его собственными, а недостатки - его положением, относился к сыну Мильтиада с добротой и уважением, женил его на персиянке и наделил его поместьем. Это была обычная политика этого великого царя - присоединять к своим владениям доблесть и ум греков.

[269] Павсаний говорит, что Талтибий впоследствии разрушил дом Мильтиада, потому что тот подстрекал афинян к казни персидских посланников.

[Демарат не только воспрепятствовал браку Леотихида с девицей по имени Перкалос, но и сам женился на ней с помощью насилия и хитрости. Таким образом, даже среди трезвых и нелюбящих спартанцев женщина все еще могла быть автором революций.

[271] Национальная гордость спартанцев, однако, не допускала, что их царь был объектом гнева богов, и, приписывая его эксцессы своему безумию, объясняла последнее привычкой к чрезмерному пьянству, которую он приобрел у скифов

[272] Herod., l. 6, c. 94.

[273] Ibid., l. 6, c. 107.

[274] Солнце и луна.

[275] Нападая на Геродота, Плутарх утверждает, что спартанцы действительно совершали многочисленные военные походы в начале месяца; если это правда, то это не оправдывает спартанцев, а лишь подтверждает естественное подозрение, что они действовали в соответствии не с суеверием, а со своей обычной расчетливой и корыстной политикой - всегда так же медленно действовать в защиту других государств, как быстро отстаивать независимость своего собственного.

[276] Paus., l. 8, c. 5.

[277] Точное число афинян, конечно, сомнительно. Геродот не уточняет его. Юстин оценивает число граждан в десять тысяч, кроме тысячи платейцев: Непос - десять тысяч; Павсаний - девять тысяч. Но это общее количество, представленное столь неоднозначными авторитетами, кажется невероятно малым. Свободное население могло составлять не более двадцати тысяч человек. К ним следует добавить уже огромное число иностранцев-резидентов и рабов, которые, как рассказывает Павсаний, тогда впервые были допущены к военной службе. С другой стороны, из речи Мильтиада, обращенной к Каллимаху, и предполагаемого предательства Алкмеонидов очевидно, что в Афинах было оставлено некоторое, пусть и незначительное, войско для защиты города. Предположим, однако, что две трети афинских граждан военного возраста, то есть от двадцати до шестидесяти лет, отправились на Марафон (а это была обычная пропорция для обычных случаев), то общая численность войска с рабами, поселенцами и платейскими помощниками не могла быть меньше пятнадцати или шестнадцати тысяч. Но каково бы ни было точное число героев Марафона, у нас есть достаточно свидетельств того, что оно было настолько ничтожным по

сравнению с персидским вооружением, что почти оправдывало преувеличения более поздних писателей.

[278] Plut. in Vit. Aris. Aristid., pro Quatuor Vias, vol. ii., p. 222, edit. Dindorf.

[279] В своей изящной работе об Афинах и Аттике мистер Вордсворт хорошо подметил особую уместность этой ссылки на примеры Гармодия и Аристокитона, обращенные к Каллимаху. Они были из того же района (aphidnae), что и сам полемарх.

[280] Предполагалось, что богиня Афины изобрела особую трубу, которой пользовались ее благосклонные поклонники.

[281] Поднятие штандарта было знаком битвы - Suidas, Thucyd. Schol., с. 1. На афинском штандарте была изображена сова Минервы. - Плут. в Вит. Лисанд.

[282] Aeschyl. Persae.

[283] Ibid.

[284] Herod., l. 6., с. xii.

[285] Plut. in Vit. Aristid.

[286] Roos hespera. Aristoph., Vesp 1080.

[287] Justin, lib. ii., с. ix.

[288] Однако, согласно Суидасу, он сбежал и умер на Лемносе.

[289] Этот инцидент подтверждает опасения Мильтиада, что промедление с началом сражения может привести к расколу и предательству среди афинян. Несомненно, его речь относилась к какой-то конкретной фракции или отдельным лицам.

[290] Plut. in Vit. Arist.

[291] В эти явления, записанные Павсанием, l. i., с. 33, до сих пор верят крестьяне.

КОНЕЦ ОРИГИНАЛЬНОГО ОТТИСКА ТОМА I.